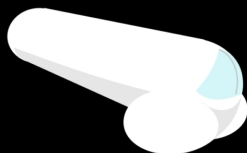

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Пф-ф, наука!

Егор Балашов

Егор Александрович Балашов

Пф-ф, наука...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64714863

SelfPub; 2021

Аннотация

Ближайшее будущее. Люди освоили космические перелеты, поселились на других планетах, изобрели виртуальное подпространство с прямым подключением. В этих обстоятельствах бывший блогер становится космическим курьером, он набрал команду из случайных людей, которые стали за короткое время чуть ли не родными. Что заставило этих людей бросить обыденную жизнь? Какая боль погнала их в космос вдаль от родины? Смогут ли они помочь друг другу? Научатся ли хотя бы доверять? Внимание! Это первая книга, многие сюжетные линии не закрыты. Вторая, заключительная часть истории находится в работе.

Содержит нецензурную брань.

Егор Балашов

Пф-ф, наука...

– 1 –

Он испытывал жуткую головную боль, в ушах звенело, и казалось невозможным не только сфокусировать зрение, но даже просто поймать улетающие мысли. Из последних сил он удерживал содержимое желудка и зачем-то все сильнее погружался в неуютное мутящее ощущение движения внутри живота. Казалось кишки, медленно и упорно, пытались поменяться местами с желудком.

Это движение занимало все его сознание долгие часы или даже дни. Но определить, что же он сейчас делает – противостоит этому движению или пытается его ускорить, не получалось. И был день первый, и понял он, что это не хорошо, но решил, что будет так.

Нечаянным порывом, неожиданным и противоестественным в груди набухло что-то невыносимо большое и мерзкое, в легкие ворвался воздух. Этот толчок подарил новые ощущения, обжигая внутренний его мир адским пламенем. Что-то заклокотало совсем рядом.

Тыгдык-тыгды-дык-дык, а затем та-та-та-та, барабанная дробь в груди отдалась эхом в висках. Под левым ребром мышцы сковало спазмом. Да, это мышцы! Надо их расслабить, или хотя бы как-то унять эту ломящую, сковывающую

любые помыслы боль. И был день второй, и решил он, что с него уже хватит и проще тупо сдохнуть, но сдохнуть не вышло.

Томящая и бесконечная темнота окружала его. Должно быть именно так ощущает себя остывающая звезда. И так могло продолжаться еще долго, если бы его внимание не привлекло что-то далекое, еле различимое на периферии зрения. Сначала это было только ощущение дискомфорта, которое со временем переросло во что-то большее.

Зеленый огонек резал глаза.

Что это? Ах, да – это бортовая панель управления... Вот они знакомые очертания родного прибора. На душе даже стало как-то спокойнее. Он находился в ложементе управления. Что же такое произошло?

Это понимание резко выбросило его из болота беспомощности. Привычные концепции, словно заново запустили время. Да, так бывает, когда внезапно пробуждаешься от липкого кошмара. Мир начал проступать сквозь туман забвения. Почему так сложно проснуться? Образы соскальзывали, они на миг вспыхивали и исчезали из сознания без следа. Надо скорее ухватиться за эту мысль... «Что случилось, что происходит, где я?», твердил он себе лишь бы снова не провалиться во мрак сна.

Разбился! Он разбился, фронтальный дисплей весь в черных потоках, пятнах, но кое-где еще формируется буроватая картинка.

И был день третий... Какой еще к черту день? Судя по тому, что по приборной панели все еще скатываются выбитые ударом кнопочки и какие-то пластиковые обломки до сих пор висят в воздухе, продолжая свое падение – прошли какие-то мгновения после крушения.

Взгляд привычно соскальзывает в сторону к пожелтевшей фотографии – самый настоящий, в древнем стиле, сделанный на пленку снимок. На снимке отец и мать обнимают маленького мальчика, рядом сногшибательной красоты совсем молодая девушка, а за людьми раскинулся уютный домик, укутанный кустами сирени. Да это сирень, хоть цветы уже и отцвели, но он помнил, как сделал этот кадр на свой раритетный фотоаппарат, и помнил детство, проведенное в этом домике, и свою невесту Лину. А вот марка фотоаппарата только вертелась на языке. Зингер?

Злость накатила, сметая ностальгическое умиление: «Какая сейчас разница, какой тогда у меня был фотоаппарат!?»

Что случилось? Почему я в таком положении? Как я мог так накосячить? А где экипаж?

«Твою же ж... Капитан меня убьет! Я угробил корабль, я угробил всех на борту, и выжил только потому, что был в пилотском ложементе! Анатолий, Сима, где вы!»

Сердце уже не билось, оно содрогалось, рвалось, каждое следующее сокращение его мышц опережало предыдущее. Боль пропала, на ее место пришел ужас и... стыд. Пожалуй, стыд терзал его сильнее прочего. Как он посмотрит капита-

ну в глаза после этого... Капитан мертв? Он же мертв, он не мог выжить после такого крушения. Он что, врезался в астероид? Но как?

Как!

Мать говорила, что это лихачество его до добра не доведет. А как тогда матерился отец, даже на два месяца отобрал байк, запретил даже на общественном транспорте ездить. Эх, как же это так?

В поле визоров попали медицинские боты, неспешно движущиеся на помощь судну.

Пилот следил какие-то мгновения за работой спасательной техники, до тех пор, пока она не скрылась в разбитой части экрана.

Он криво усмехнулся: «Все, меня спасут. Но теперь лучше бы уже не спасали...»

Это последняя мысль, которая пронеслась у него в голове. Хотя позже он и утверждал, что мысль эта родилась в большом пальце левой ноги и пронзила все его тело, пробив напоследок череп в районе родничка.

...

Даша переступила порог плохо освещенного зала.

Спортивное кафе. Тотализатор, сплошь набитый грубыми и грязными мужланами, насквозь пропахший кислым пивом и потом. У барной стойки толкались толстомордые, толстокожие боровы в засаленных мундирах, куртках и даже парочка щеголяла в когда-то белоснежных, но теперь желтова-

тых покрытых бурями разводами майках. Пожалуй, это были майки, те, что так выразительно смотрятся на рельефных торсах героических военных, спасающих мир. Качки в фильмах, даже в самом пылу сражения, или на дне только что вырытого окопа умудрялись сохранить свою одежду белоснежной, не то, что эти куски сала и волос.

Но делать нечего – надо решаться и идти.

Как же противно.

Одно из отвратительных потных существ обратило внимание на девушку, крикнуло и своей омерзительной здоровенной мохнатой лапой схватилось за мошну. Даже с расстояния десяти метров Даша, как ей показалась, расслышала тот скребающий звук, с которым чудовище почесало себе между ног. По спине у девушки бежали мурашки, руки увлажнились, хотя какое уж сейчас дело до рук.

По громкой связи передавали о завершении ставок – до какого-то заезда оставалось всего десять минут.

Даша робко сделала шаг, другой... Глазами она искала... Да хоть кого-то, к кому будет не страшно или хотя бы не противно приблизиться.

Впереди в партере стояли такие же страшные, но чуть более опрятные личности. Это не капитаны, нет! Это мусоровозчики! Но это же кафе, где как утверждают люди, собираются все пилоты, капитаны и прочие работники межгалактического флота, чтобы отдохнуть между рейсами и развлечься ставками на транслируемые по сети соревнования. Значит,

хотя бы часть из этих вульгарных тел являются капитанами! Неужели все капитаны так выглядят? Да быть этого не может.

Взгляд скользнул чуть дальше, на здоровенный, метров пять высотой экран. И тут Даша поняла, что над ней есть еще этаж, а судя по размеру партера и этого «телевизора», может быть и не один. Тут как в театре, только вместо сцены – гигантский монитор, а зрители находятся на балконе.

На центральном экране сейчас красовался список более чем из тридцати строчек. Номера, рейтинг, названия болидов (или корабля, или на чем там устраиваются гонки), количество побед и поражений пилота. Еще с десятков граф, которые были подписаны малопонятными аббревиатурами и содержали в графах цифры, наборы букв и даже пиктограммы.

В нижних строках, на которые Даша могла смотреть, не сильно задирая голову, стояли какие-то «Сереневая стрела», «Вальская борзая», «Толика удачи», «Венская валькирия»... Сереневая стрела, была написана именно через букву «е», поэтому девушка решила, что речь идет не о цвете, а о каком-то неизвестном ей географическом объекте.

Из задумчивости девушку вырвало наглое обращение:

– Я могу пригласить прелестную леди за свой столик? – рокочущий бас раздался где-то над левым ухом. Не голос, а шум груды гальки перекатывающейся в жестяной бочке!

Даша взвизгнула, испуганным зайцем метнулась в сторону, через жиденькую стайку молокососов (А эти кажется ни-

чего, не такие противные, но их острые задранные в потолок носы, да жиденькие усики над губой... фу), споткнулась о чью-то ногу (Девушка, с вами все хорошо? – тенорок вдогонку), и черное чрево лестницы.

Сердечко билось в горле, когда она взлетела по ступенькам. Струйка пота по спине, когда она плюхнулась на стульчик за пустым столом.

– Я могу помочь? – услужливый голос официанта, – Вы ждете товарищей?

– Нет, я одна, – затравлено озираясь, пролепетала Даша, и жалобно-просительно добавила, – я тут впервые...

Официант нервно дернулся, и быстро-быстро замямлил, держась на полусогнутых:

– Тогда, будет вам известно, что этот столик заказан вон теми, направляющимися сюда господами, – резкий указующий рывок носом в сторону, – и если Вы не приглашены за их столик, и не желаете с ними «знакомиться», то вам следует выбрать другое место.

Это «знакомиться» было сказано с такой интонацией, что Даша даже представлять не стала, чем таким ей грозит это «знакомство» с симпатичными молодыми людьми, бодро шагающими в их сторону. Выглаженные мундиры блестели начищенными значками, строгие воротники сдавливали их белоснежные шеи, волосы легко развивались при каждом движении. Ах, какие это были волосы. Если бы не противный официант, то она обязательно подошла бы к ним.

Парни походили на пятерку астронавтов из фильмов. И шли они слегка неровным клином, как в том кино где... На мгновение образ из фильма для девушки стал реальнее того, что она видела. Как там было в этом фильме? *«А потом белокурый обаятельный парень махнул рукой, и сказал «поехали!»», они надели защитные шлемы, стоя на трапе, и уже полностью облаченные в скафандры лихо запрыгнули в открытые иллюзы межзвездного корабля.»* В том фильме были и перестрелки из бластеров и погоня в астероидном поле, и трогательная сцена, когда только один из пятерки вернулся домой, усталый, гордый, с обожженным лицом, обнял девушку и та-ак крепко поцеловал...

А официант продолжал работать. Убедившись, что незваный гость освободил занятое почетными клиентами место за столиком, принялся определять степень кредитоспособности девушки.

– ... не парк общего пользования, – Даша пропустила часть фраз молодого человека, – вы будете заказывать напитки, или готовы сделать ставку... да, я могу принимать ставки, и советую вам поторопиться... К сожалению, если Вы не делаете, хотя бы минимальную ставку, или не закажете выпивку и столик, то мне придется Вас проводить до выхода.

В руках Дарьи возник кошелек – нет, она не была совсем уж диким ретроградом, и платила обычно по безналичке. Но так вышло, что сегодня с ней рассчитались бумажными купюрами... Дело в том, что когда девушка потребовала сроч-

ного расчета с работодателем, тот как раз крутил в руке эту купюру – это было несколько больше, чем заработанный ей месячный оклад и отпускные – но купюру такого достатка в магазине не разменять. Такой вот последний укол от шефа.

Бумажка переключалась в руки официанту, который лишь на секунду завис...

– Будете ставить всю сумму?

– Да, – отмахнулась девушка, пытаясь отыскать хоть одного приятного наружностью человека в этом море волосатых жирных мужских грудей из-под майки и блестящих значков на лацканах тощих бравирующих подростков.

– И на кого же будет сделана ставка?

– Толика удачи мне сейчас не помешает, – с испуга скалambuрила девчонка, и почти попросила молодого парнишку, – пусть сегодня победит «Толика удачи».

Это первое название, которое она припомнила. Да, была еще какая-то «стрела», какая-то «борзая» – а остальное она просто не успела прочитать на табло. Но не скажешь же «я хочу поставить на какую-то борзую», так и за полную дуру сойти можно. Вдруг там несколько борзых окажется. А тут такая удача. «Ну, да. Удача, как у покойника», отметила про себя девушка – ставить на неизвестного гонщика в неизвестном соревновании, так еще и из самого хвоста рейтинга. Что же, теперь осталось только кусать губы, но какой в этом толк?

– Ставка сделана, – потерял к ней интерес официант, – а теперь, если у Вас нет забронированного столика, прошу

пройти в нижний зал, к сожалению, пустых мест на этом балконе уже не осталось.

Официант взял трепещущую Дарью за локоток и потащил через весь балкон, к противоположной лестнице. Девушка не сопротивлялась, она просто оставалась ошарашенной так сильно что, до потери сознания оставалось еще совсем четь-чуть. Девушка даже слегка обмякла, когда инициативу перехватили. Оглушенная пугающей обстановкой, шумом, страшными людьми, ароматами, которые источали эти люди. Она хватала воздух ртом, но продолжала задыхаться. Паническая атака, так это кажется называется.

И все ее восприятие сейчас сконцентрировалось на обонянии, запахи дурно били по желудку. Даша осознала, что ее куда-то услужливо ведут, но не могла понять почему и зачем. Она могла только растерянно озираться по сторонам.

Вот прошла женщина с презрительной гримасой на толстых губах – от нее пахло застарелым табаком и бумагой. Запах бумаги был явно разбрызган на сальную шею из флакончика духов. Мужчина с легким ароматом воздуха после грозы, за ним старый подтянутый, как струна вояка с ароматом металла и смазки (Что из этого было настоящим, а что запахом туалетной воды?). Душный запах жаренного мяса... Откуда? Сладкие конфетки, и снова спертый воздух прокуренного зала... Эти запахи сменялись, вытесняли друг друга, и снова исчезали. Калейдоскоп тесной вечеринки.

Но нервно напряженная рука парня продолжала увлекать

ее дальше. Дальше от экрана, от тускло освещенных столиков. Дальше от цели, от спасения. По позвоночнику пробежала струйка морозного разряда, стоило ей подумать, что ее сейчас вышвырнут из спорт-бара, в прошлую жизнь. В прошлую реальность, где муж садист, безработица и соседи, смотрящие на нее с осуждением палачей. «Такой замечательный парень, а ты еще жаловаться смеешь! Видите ли, посмотрел на нее косо, да ради такой жизни, можно и потерпеть. Не бьет же! Любит же! Чуть ли не руках носит!».

«Да, носит... Пока смотрят. Не бьет... Ха! И еще раз «ха»! Следов не оставляет!»— рыдала она, глубоко пряча свои страхи.

Но всего этого Дарье не говорили, она сама решила, что молчаливые взгляды ее окружения скрывают именно эти слова. И она ничего никому не говорила. Но, если бы хватило девушке сил раскрыться хоть перед кем-то, рассказать хоть одному человеку, может быть и не оказалась она сейчас в роли загнанной жертвы. А в виске у нее пульсировала лишь одна мысль: «Бежать с планеты! Умолять взять на борт хоть половой тряпкой, хоть в роли груза. Либо так, либо... Но нет, пока еще есть шанс надо бороться!»

Но при этом на кухне уже давно припрятана склянка с... Прозрачной жидкостью без цвета и запаха. Жидкостью, которую можно выпить лишь один раз в жизни. Даже мысленно она боялась произнести это слово. «Яд».

В груди зажглась новая боль. Но почему? Почему этот

парень, официант, продолжает ее толкать туда, где кухня, склянка, жидкость... Смерть. А тут еще есть шанс. Пусть последний, но он есть!

Окинутый назад взгляд выцепил официантишку подошедшего к занятому ей ранее столику. Он наклонился для принятия заказа, и через пару секунд раскрытая ладонь сидящих на местах уперлась ему в лицо, оттолкнула в толпу. Бедный мальчишка плюхнулся на задницу.

Падший официант на секунду оказался на свободном пяточке – люди расступились, и снова сомкнули свои ряды. И оставалось не понятно: то ли затоптали мальчонку, то ли он успел вскочить.

У Даши в сердце что-то ойкнуло. Эти парни, что выгладили, словно сошли с обложки сейчас так грубо расправились с ни в чем не повинным официантом, и сейчас склабились улыбками... белоснежными, идеальными улыбками профессионального телеведущего прогноза новостей.

Обида за официанта на мгновение отвлекла от мысли о яде, толкнула к действию. Девушка чувствовала, что тонет. Хоть и не было вокруг воды, но заветная кромка отдалялась все дальше и дальше. А мысли сгущались, словно из них исчезал свет, отсекаемый все большей толщей воды над головой.

– А как же это место?– растерявшаяся Даша как за последнюю соломинку попыталась ухватиться за единственное пустое место.

– Забронировано... – Секундное замешательство, для того чтобы свериться с записями, – весь столик забронирован Анатолием Окским, но его спутник, видимо еще не пришел.

Девушка вцепилась в рукав молодого мужчины за столиком, но так и не смогла вымолвить ни слова.

Официант пару секунд пытался тянуть девицу, видимо впавшую в истерику, но Дашу заклинило.

– Извините. – Как можно более вежливо обратился официант к посетителю, – Девушка немного не в себе. Кажется, она забыла забронировать столик, а сейчас слегка растерялась. Одну секунду. Я сейчас...

Парнишка-официант разжимал пальчики испуганной девчонки, пытаясь освободить уже сильно помятый рукав Анатолия.

– Сегодня нас ожидает незабываемая схватка лучших пилотов на планете! – с потолка раздался громкий голос диктора на границе приличия – когда его уже можно назвать оглушительным, но болевой порог еще не превышен.

– Да, да, не забывайте, что в гонке участвуют не только пилоты нашей планеты, у нас есть гости из далеких звездных систем, – подключился второй комментатор. – А пилот Гра'явкха вообще ксенос!

– Пилота этого болида никто не видел, я склонен считать, что Птпру... Птпрух... Брррр, тьфу... пилот этого болида – человек, взявший такой сложный псевдоним, что-

бы привлечь к себе внимание.

– Пт'рув рху, – поправил товарища второй комментатор, – да, такого имени я не слышал. Но согласитесь, в нашем ежегодном заезде уже участвовали ксеносы!

Даша сама не поняла, как оказалась на стуле за столом, напротив солидного мужчины.

– Извините! – опустила она глаза.

– Бывает, – равнодушно отозвался парень в строгом мундире с какими-то жиденькими знаками отличия, – не со всяким, но бывает. Так зачем я Вам нужен?

– Вы? – Возмутилась Дарья.

– Но, только не надо делать меня дураком! Не надо говорить, что Вы поставили на моего парня такую большую сумму не для того, чтобы привлечь мое внимание и завязать знакомство... Но будьте добры помнить, что мои услуги стоят прилично.

Девушка зарылась лицом в руки, резко покраснела и... Заплакала? Что за странная девушка!

«Хотя, что же это? Это истерика? Эй, подруга, что же ты так убиваешься, ты же так никогда не убьешься,» – мысли Анатолия, было взметнулись стайкой мух, но он вовремя одернул себя, вспомнив о своем капитанском звании:

– Девушка, для начала было бы не плохо Вам представиться, и поведать, какие дела привели Вас ко мне! – отчеканил он.

– Последние... Это были, я отдала... Дура! – невпопад бубнила странная девица.

– А это фаллическая конструкция вообще взлетит?

– Да, да... хорошо подмечено. Такие мощные двигатели вовсе не характерны для малого флота. Тем более для юрких спортивных болидов. Хотя эта дура дает хороший импульс и в такой конфигурации может дать ускорение, которое превратит пилота в желе... не оставив целыми даже кости... Но, как ей управлять? Тут один только двигатель несколько тонн весит, а еще баки с топливом!

– В общем, этот участник у нас соревнуется до первого поворота!

– Да, совершенно верно. Не знаю, на что надеются люди, которые выставили эту машину на старт.

– Кстати, не смотря на все очевидные «достоинства» Валькирии, она занимает не последнюю строку в нашем рейтинге. Посмотрите на этот сверхлегкий «агрегат».

– Да, и что с ним? Почему буквально перед самым стартом его рейтинг понизился с одной к ста до трех к тысячи?

– А вы присмотритесь повнимательнее, в очертаниях не находите ничего знакомого?

– После того, как Вы это сказали... Спасательная капсула?

– Да!

Взрыв хохота в зале. «Толику удачи» встречали овацией.

Жаль, что эта овария была вызвана таким образом...

Девушка вздрогнула от взрыва хохота, и уставилась на растерянное лицо Анатолия.

– Не такая уж и плохая это идея! – пробурчал капитан, – Мы ее проверяли... Три раза. Видели бы вы, какую она скорость развивает! Двигатели-то там не штатные. Зато Леонид лучший пилот, которого я вообще видел!

А про себя Анатолий добавил: «Не плохо было бы и мне посмотреть на эти «пробные запуски» и «развиваемую скорость», а то что-то плохо верится в правдивость Симиных отчетов»

– Они заменили штатные двигатели обычной спасательной капсулы?

– Строго говоря, спасательная капсула там установлена внутри, а сама «Толика удачи» представляет собой стандартное для межгалактического тягача Муфа-7 спасательное судно на двух человек. Муфа-7 оснащается двумя такими «каяками», в штатном режиме использующимися в качестве шасси при посадки.

– И эти штуки такие быстрые?

– Шутите? Но судя по очертаниям, здесь установлены модифицированные двигатели, слегка изменена геометрия. А топливные элементы установлены вместо второго локтевого элемента! Пока не могу сказать, какое топливо использует

этот, если можно так выразиться, спортивный болид. Это станет понятно после запуска двигателей.

– Вы хотите сказать, – комментатор прыснул прямо в микрофон, – что сейчас где-то стоит одинокая Муфа с одним вырванным шасси? Кстати, помните, как в простонародье называются эти два продолговатых элемента корабля?

– Нет-нет-нет, стойте! – в динамиках раздался звук, словно комментатор случайно задел микрофон рукой, – только не в прямом эфире! Га-га, ради бога, нас же могут смотреть дети!

Стеклянные глаза Дарьи сконцентрировались на Анатолии.

– Вы капитан Муфа-7? – медленно, словно вынимая занозу, произнесла девушка.

– Анатолий Окский, к вашим услугам, – капитан сделал попытку встать для представления, но вовремя спохватился, и ограничился ничего не значащим поклоном в положении сидя.

– А...

– Да, действительно, мы выставили на гонку один из наших спасательных судов. Несмотря на всеобщее заблуждение, данный летательный аппарат имеет замечательную геометрию и хорошо приспособлен для маневрирования и высоких скоростей. К тому же, при подготовке болида к гонкам

нами были установлены новые, даже можно сказать, секретные двигатели.

Девушка смотрела на капитана уже с интересом.

– А я ду-у-ура!– всхлипнула Дарья,– Я сюда пришла, потому что мне сказали, что лучший способ встретить капитана – это вот такое спорт-кафе. Что здесь собираются все космолетчики... А тут...

– А здесь толпа подозрительных личностей.– Как то одобряюще произнес Анатолий.– В обычное время, когда нет грандиозных событий, в этом кафе можно встретить очень много летчиков... местного сообщения. Но сейчас аврал. Из-за проведения соревнований все спортбары и букмекерские конторы оккупированы теми, у кого есть деньги. Но это заведение, одно из лучших в вашем городе.

– А это мой личный фаворит! Черный скат!– с обожанием поведал голос с потолка,– Семь чистых побед, двадцать побед по очкам и ни разу эта машинка не пришла даже четвертой. Только призовые места! Дžо Биль – хорошо известный наш соотечественник.

– Но я не думаю, что кто-то ставит на него,– как бы по секрету поведал другой диктор,– ставки на Черного ската шесть к семи! Даже если он выиграт, то с десяти единиц ставки, счастливчик заберет только одиннадцать единиц. С долями, но все равно крохи.

– Да, поразительно! Как можно искренне болеть за Дžо,

но при этом всем фибрами души надеяться на его проигрыш?

– Кстати на проигрыш Дžo Билья как раз можно ставить! Если Биль займет место ниже третьего, то букмекеры дадут один к восьми! Но, к сожалению, ставки уже не принимают. Ведь...

– Пять! – Перебил товарища диктор. – Четыре!

– Три! – подключились к отсчету дикари в зале спортбара.

– Два!

– Один!

...

Три!

Разгоряченные тела болидов все сильнее гудели, разгоняя турбины, прочищая сопла и всеми силами изображая активные приготовления к стремительному старту.

Воздух вибрирует от напряжения, раскаленные испарения уже вырываются из дюз, а видео-операторы спешно отводят свои дистанционные камеры в попытке в последний момент и взять панораму крупным планом и спасти видеотехнику.

Гонщики расставлены в колонну по 6 участников в шахматном порядке. Несмотря на то, что каждый следующий ряд стоит на удалении 15 метров, факела продуваемых двигателей коптят борта и лобовые стекла находящихся позади.

Два!

Факела, выпускаемые двигателями, превращаются в крохотные раскрашенные в разные цвета конусы плазмы. Кор-

пуса напрягаются, сдерживаемые затворами.

Позади всей колонны уже поднимается буран. Да, хуже всего приходится последнему ряду – это гонщики с наименьшим рейтингом. Здесь, в хвосте носы болидов уже раскаляются докрасна.

Один!

Как только магнитные ловушки отпускают участников, те срываются с места. Кто-то режет за собой глубокую борозду в грунте, кто-то взмывает на несколько метров вверх, чтобы продолжить гонку, но уже на более безопасной высоте. «Черный скат», как от него и ожидалось, в первые же секунды вырывается вперед на половину корпуса.

Чья-то машина заваливается на попа.

Но что это? Зачем Валькирия так резко набирает высоту? В тот момент, как все, кто сумел благополучно тронуться, двигаются кто чуть выше, кто чуть ниже, но в пределах трассы – эта бочка-ракета вращаясь вокруг оси взмывает косо вверх.

В следующее мгновение сенсоры нескольких камер просто выгорают. Но зрители этого не увидят, так же они не видят, как взрывом вминает в грунт болид под названием «Джорди» – а вот операторам хорошо видно, что купол этого болида крошится под ударом взрывной волны и все пилотское место превращается в жуткое огненное месиво.

Зрители этого не видели из-за того, что трансляция ведется с пятнадцати минутной задержкой – профессиональ-

ные режиссеры, операторы и пиарасты решают не разглашать информацию о смерти сразу двух участников. Понятно, что рванувшая Валькирия однозначно убила своего пилота, а вот гонщик с Джорди сошел с дистанции и... Умер где-то в другом месте.

Зато зрители увидели сияющий огненный гриб на фоне черного неба...

– А почему такое черно небо?– Дашин вопрос поставил Анатолия в тупик...

Нет, ну надо, в такой момент, когда в первую же секунду гонки сходит один из участников и взрывается, не ядерным конечно, но уж чересчур эффектным грибом, интересоваться не причинами трагедии, а отсутствием голубого свода над головой пилотов.

– Так, гонка проводится на Танатосе, втором спутнике Леи.

– А почему не на планете?

Анатолий только и смог, что вытаращить на девушку глаза... И что тут сказать? Сама что ли не видела, какие «эффекты» сопровождают это мероприятие. Да на всей Леи не осталось бы ни единого живого кустика уже после пятого такого заезда.

Но размышления его были прерваны голосом свыше – в смысле голосами комментаторов:

– *Вот это да!*– восхищенно пропел один из них, и через се-

кунду спохватившись, скорбно добавил, – Вот с такой трагедии начинается наше состязание.

– Похоже, из-за этого взрыва сошли с дистанции еще несколько участников! «Нарвал» и «Толика удачи» стоят пришибленные взрывом – кажется, у них пожгло электронику.

В этот момент экран разделился на три части. В первой – список участников с графиком преодоления дистанции, во второй показывали лидеров гонки. Третья же часть демонстрировала дымящиеся останки стартовой позиции, которая была изрыта бороздами с оплавленными краями. Два болида все еще стояли неподвижно.

– А где «Джорди»? У меня написано, что он тоже сошел с дистанции, но я не вижу его болида!

– Он удачно стартовал, как мне подсказывают в наушник, после чего его взрывом отнесло в сторону. Но нет причин для беспокойства – там уже работают спасатели.

– Ух-ты! А вот это неожиданный поворот, «Тертый байкер» садиться на хвост «Скату»... Опасная игра! Но, нет! Наш Черный скат умудряется уйти от удара и идеально вписывается в поворот... а «байкер» оказался не таким уж и тертым, в том смысле, что его выносит из зеленой трассы!

– Посмотри на эту клоунаду!

– Что такое?

– Сейчас я попрошу показать нам картинку из кабины

«удачи», смотри, что это с ним?

– Да, вот тебе и спасательная капсула! Видимо из-за взрыва в ней включилось кинетическое поле. При крушении такая штука может спасти жизнь, в этом поле все движения становятся замедленными и пилот оказывается в подвешенном состоянии.

– И часто кинетическое поле «спасает» жизни?

– Не часто. Все зависит от мощности генераторов и батарей. Чем больший импульс приходится гасить кинетическому полю, тем больше энергии на это тратиться. В теории оно может помочь даже при столкновении двух кораблей идущих навстречу друг к другу на около световых скоростях. Но на практике при этом надо будет израсходовать всю энергию нескольких галактик.

На экране кроме ожесточенной гонки сейчас красовалась кабина горе-пилота захваченного в ловушку технологий. Зрители видели человека облаченного в серый комбинезон, который застыл в уморительной позе. Да, такого нелепого гонщика тут еще не видели.

– Леонид... – Анатолий решил познакомить Дашу с человеком, на которого она только что поставила свои последние деньги. – Как же глупо...

– Это и есть ваш пилот? А он действительно так хорош, что вы его выставили на гонки?

– Он один из самых безбашенных идиотов которых я ко-

гда-либо видел! В летном училище его дразнили Чкаловым, а он взял, да и сменил фамилию.. Теперь он Чекалов.

– А кто это такой?

– Какой-то летчик... да не важно. Жаль, эта гонка была последним нашим шансом. Да и Вашим, как я посмотрю.

– Шансом на что, если не секрет?

– Даша, – вздохнул Анатолий, – мы не настолько безумны, чтобы надеяться на победу в столь грандиозном заезде, но есть одна деталь, которую бы нам очень хотелось заполнить. К сожалению, это чутка незаконно, – Анатолий подмигнул девушке, – поэтому не обессудьте...

– А что он сейчас делает?

– *Куда он тянется? – в то время как первый диктор комментировал картинку с соревнующимися пилотами, этот непростоительно надолго «залип» на одном единственном участнике.*

– *Там кнопка выключения поля, – сказал он напарнику, а дальше зрителям, – А вот и первый участник, ушедший на красную трассу. Напоминаю, что те, кто находятся на зеленой, более сложной трассе идут без штрафа. А вот пилоты, не удержавшиеся намеченного курса, сначала попадают на желтую трассу – эта по сути тот же маршрут, но находящийся в некотором отдалении от скал и поверхности. Это позволяет развить большую скорость и не рисковать судном, но тогда начисляются штрафные очки. Нахождение*

ние же на красной трассе допускается не более десяти секунд – а дальше дисквалификация...

– А «Толика удачи» пересекает стартовую черту! Он все-таки дотянулся до этой злосчастной кнопки! Вот это я понимаю – Воля к Победе!

– Пока мой коллега рассматривает плетущегося в хвосте неудачника, давайте насладимся повтором этого момента. Джо Биль, пилот «Черного ската», обогнал «Мигеру» по золотому руслу! Для тех, кто видит наше соревнование впервые, напомню, что «золотое русло» – это участок повышенной сложности – он не всегда короче, но время нахождения на нем делится вдвое при подсчете очков! Теперь Джо может прийти не первым, но все равно выиграть заезд!

– Боги нам благоволят, – расслабившись, выдохнул Анатолий.

– Вас устроит и последнее место? – Даша насупила обиженные бровки.

– Все равно, главное, чтобы Ленька получил хоть какую-то травму и при этом остался жив.

– Да ты безумный солдафон! – В глазах девушки появились слезы, – да как ты можешь! Он же твой товарищ и сослуживец! Да ни в жизнь, я не наймусь к такому психопату на корабль!

Анатолий только скривил губы:

– Чего?! Больно то надо, чтобы еще каких-то шмакодявок

в баре подцеплять и на Ладогу тащить!

Девушка вскочила, и зарядила размашистую оплеуху...

Но промахнулась...

– Это... Напитки для дамы... За счет заведения. – Поставил на стол два бокала с трубочками ушибленный официант.

– Извини, это она меня хотела ударить, – развел руками капитан.

Даша рухнула обратно за стол, и как описавшийся в любимые тапочки щенок, спряталась за коктейльным бокалом.

– С чего бы это такая роскошь, – пробубнила обиженно девушка, как только официант скрылся из виду.

– Так, ты сделал ставку по размеру сравнимую с их дневной выручкой... в обычные дни.

Глаза у Дарьи влажно заблестели, как только она услышала про свои улетевшие в трубу деньги:

– Может он выиграет?

– Да не за этим он туда полетел... – Уличенный в подлости Анатолий неожиданно для себя продолжил, видимо в попытке оправдаться. – Ему позарез нужны фирменные медицинские боты для экспериментов, купить их нереально, и в бытовой медицине они не используются. Только при военных действиях и вот на таких праздниках жизни. Да, после введения они никак не контролируются, просто деактивируются сами собой и выводятся из организма естественным путем. Сами медицинские боты стоят копейки, но из-за строгой монополии, операции ими выполняемые просто басно-

словно дороги. В деактивированном состоянии их даже скопировать нельзя, но Ленька вместе с Симой придумали как перехватить управление до деактивации. По крайней мере они так думают... Да не смотри ты на меня так! Мы их не собираемся копировать и продавать. Монополию мы не порушим, преследовать по закону нас тоже не станут. Просто у нас Сима на голову больной инженер, а Леня маниакальный пилот, с задатками программиста. Короче, спелись они на мою голову...

– Хотя постой, – опешил Анатолий, – а чего это я перед тобой оправдываюсь. И вообще, ты сидишь на месте Симы!

– Да, а где она?

– Дык, – стушевался Анатолий, – на орбите, в Ладого... Она наотрез отказалась покидать машинный отдел корабля, и сейчас проводит там какую-то диагностику. Хотя эту диагностику можно было бы провести и завтра и через месяц – все равно у нас штат не укомплектован, и без бортового медика нас с орбиты не выпустят!

Даша прикусила себе язык: «А я же медицинский университет в прошлом месяце закончила!», чуть не возопила она, но уж больно много чести будет этому хаму... Немножко симпатичному, но слишком уж молодому для капитана целого корабля, хаму.

– Чего ты мне глазки строишь?

– Да, вот еще, – пуще прежнего надулась Дарья.

Участники ралли на Танатосе, спутнике планетарного государства Лея, вцепились в свои позиции. Для некоторых – победа, да что там победа, хотя бы не последнее место в списке финишировавших могло не только принести куш, но и спасти жизнь или избавить от срока. Жестко тоталитарная Лея в своей планетарной системе с радостью принимала всякий сброд, но с одним единственным условием – на планету ни ногой. Благодаря этому политическому решению власти, во-первых, придумали идеального врага, на действия которого можно было сваливать любые происшествия – начиная от терактов, и кончая возросшим налогом. С другой стороны, весь этот сброд являлся некоторым буфером, или «щитом», через который не могли прорваться ни послы, ни вездесущие коммивояжеры. Даже гипотетическому захватчику для начала потребуется разогнать «космических пиратов» на орбите. Таким образом, Лея оставалась единственным по-настоящему суверенным государством.

Правда, держать в узде космических... кхе... пиратов, приходилось изо всех сил. И силы к этому прикладывались значительные. Чего только стоит тот случай, когда месяца полтора назад, потерявший управление крейсер пошел по касательной к Лее. То ли скорость была слишком высока, то ли желающих помочь вызвалось не так много, но успели с судна снять только половину персонала. Другая же часть, во главе с капитаном решила более гуманным для себя – добровольно уйти из жизни. И крейсер этот, хоть и погорел

изрядно, врезавшись в твердые слои атмосферы, но уцелел. А планетарная солдатня явилась на место крушения для зачистки местности. С каким же удивлением они доставали из немногочисленных уцелевших спасательных капсул людей с револьверными дырами в висках. Экспертиза после установила, что оружие использовалось одно и то же, усопшие просто позволяли своим друзьям застрелиться, после чего выполняли эту же церемонию сами. Одним револьвером. Забирая его из чужих рук – только что живых рук.

Сложно представить, что же творилось с экипажем судна, но порешить свою жизнь так, а не понадеяться на спасение в последний момент... Хотя нет, именно этого спасения люди и испугались.

И правильно сделали.

Спецы Леи отыскивали спасшихся. Тех, кого спасли еще до вхождения терпящего бедствие корабля в атмосферу планеты.

И дай бог, никогда не узнать, что же случилось с ними. Ходят слухи, что из двадцати трех спасшихся, на свободе находятся еще трое... Надолго ли? Другими словами, банальное нахождение на судне, которое впоследствии нарушило границу – уже является тяжким преступлением на Лее.

Так вот, ралли на Танатосе могло несколько облегчить жизнь тех, кто слегка подпортил свою биографию. Всем хорошо известно, что Лея устраивает подобные «праздники» специально, чтобы удержать космических бандитов на

своих орбитах. Ралли, доки, бордели, маркеты – эта мощная инфраструктура здесь поддерживалась правительством и ориентировалась именно на нелегалов. Кроме того, ходили упорные слухи, что некоторый процент трущихся на орбите «преступников» получают хороши оклад от Леи. Нет, это не специальные агенты, шпионы и доносчики – основная задача «воров в законе» – создавать хребет уголовного общества.

Уроженцы же самой Леи жили себе спокойно на поверхности планеты и по поводу всей этой ерунды особо не тревожились. Однако жизнь – есть жизнь. И мелкие преступления совершаются везде. И если ты напакостил немногим больше, чем перешел дорогу в неположенном месте, то тебе грозит депортация на орбиту. А на орбите, сами понимаете, судьба проста – либо ты профессионал одного из космических направлений, либо гнида и реальный пахан, либо труп. Для трупов остается все же призрачный шанс встать «на оклад», но для этого надо получить репутацию. Мочить всех налево и направо не выйдет – во-первых, в связи с сильной разреженностью человеков в космосе, и во-вторых – ты же планетарная сошка, и в космических баталиях не смыслишь, а попал сюда за то, что стену в туалете разрисовал экстремистскими лозунгами.

– Вот это да! – внезапно завопил комментатор, – Толика пошла на грубую игру! Дисквалификация, однозначно дисквалификация! У нас такого еще не было! Это был таран!

Таран чистой воды! Но на что он надеется?

– А вот и нет, – перебивая товарища, подключился к обсуждению инцидента второй ведущий, – тарана не было. Смотри на повтор! Тарана не было. Этот безумный гонщик во время опережения шишбает конкурента своим форсированным выхлопом.

На экранах показывают сильно замедленное видео. «Пес 11» плавно входит в поворот, но к нему по внутреннему радиусу, на полных парах приближается «Толика удачи». Как только корпуса болидов сравнялись, из дюз Толики вырывается синее пламя и пилот резко уходит в сторону поворота. При этом машина поворачивается кормой и маршевыми двигателями к борту соперника.

Струя плазмы ударяет в бок «Пса» и толкает его с трассы. За счет этого дикого маневра «Толика» получает резкое ускорение, и моментально меняет траекторию, а его соперник вращающимся факелом слетает с трассы – сначала в красную зону, и затем вообще на высокую орбиту Танатоса.

– Безумному лихачу всего лишь начисляется семь штрафных секунд! – Восхищенно сообщает первый ведущий, – но и это не страшно – за счет крутого пике, тот уходит в золотое русло. А раньше считалось, что на этом повороте в принципе невозможно попасть на бонусную дорожку. Большинство спортсменов вообще предпочитают здесь идти по желтому сектору!

– Мне подсказывают медики, что подобные маневры за

гранью человеческих способностей. При таком резком повороте, ускорение должно было превратить любого человека в кашу! Если «Толика удачи» все-таки финиширует, то пилот сразу же отправится на медэкспертизу.

– Полагаете, Толикой управляет не человек?

– На Танатосе возможно все! – резонно заметил комментатор.

Анатолий промокнул лицо салфеткой.

– Извините, – промычала красная Даша. Она сосала принесенный коктейль из трубочки, как раз, в тот момент, когда из динамиков раздались крики «Вот это да! Толика пошла на грубую игру! Дисквалификация...», а на экранах показали столкновение двух болидов. Как оказалось – это было не совсем столкновение...

Чувства возбужденной девушки нашли выход через рот. Но рот был полон выпивки. И поэтому, эта выпивка вместе с чувствами была излита прямо на капитана.

– Вам противопоказаны азартные игры, – констатировал Анатолий, – Спокойнее надо быть, спокойнее. Дисквалификации не было, капсула цела, Леонид тоже цел. Правда, сам Леонид, скорее всего, этим крайне не доволен.

– Даша, а в качестве кого вы пытаетесь наняться? – наконец-то поинтересовался Анатолий.

Девушка потупила глаза в стол. Она решала дилемму.

– Я закончила медицинский вуз.

При этих словах капитан сложил руки домиком и уперся в них подбородком. Нет, он не планировал изображать внимательного слушателя – он им стал.

– У нас, на Леи, с медицинскими работниками все итак хорошо. В том плане, что выпускнику даже самого лучшего вуза устроиться на работу по специальности невозможно в принципе. Те, у кого диплом с отличием, могут рассчитывать устроиться курьером или полумойкой в клинику. И первые пару месяцев работать без зарплаты на одном энтузиазме. Они после трех-четырех лет работы будут повышены до санитаров или медсестер. И уже годам к сорока получится пробиться в терапевты. А мне просто не на что жить... И диплом у меня не с отличием, и муж зарабатывает так, что хватает только на проезд...

Девушка посерела лицом, губки превратились в ниточки, а во взгляде загорелась гневная обида.

– Ходит в своей голубой тельняшке и тыкает пальце! «Здесь подотри», «сюда не суйся», «сама жри свою отраву»...

– Бьет?

– А тебя это каким хуем касается? – Кулачки ударили по столешнице, а на глазах слезы. Взгляд пьяный-пьяный, и это с двух коктейлей-то? Миг, и девушка кусает себя за ребро ладони, сползает обратно на место.

Она не смотрит на капитана, взгляд уперся куда-то под стол. Забыты гонки, забыт незнакомый гонщик Леонид, за-

быты все радужные планы, которые она строила...

– Семь переломов за месяц. Ребро... ключица... да, все по мелочи. У нас стоит мед-кабинка дома. ОН,– протяжно, с омерзительной оттяжкой произносит Даша это «он»,– он купил, чтобы я в клинику не обращалась. А я виновата. Видите ли, из-за меня он машину продал. И все ради меня...

Требовательно завибрировал коммуникатор у капитана, в воздухе у столика появилась полупрозрачная фигура администратора гонок.

– Анатолий Окский, капитан Ладоги?– Осведомился чиновник.

– Он самый, я сейчас занят, можно отложить разговор хотя бы на пятнадцать минут?

– Нет, вы как капитан судна, к которому приписан Леонид Чекалов, обязаны принять участие в его дальнейшей судьбе. Во-первых, информирую Вас о том, что Леонид получил травмы не совместимые с жизнью. Реанимационные работы можно провести только в ближайшие минут десять. Порванная селезенка, многочисленные травмы спинного мозга, а в голове вообще компот! Есть вариант донорской пересадки селезенки и части нервной системы...

– Отказ. Приступайте к реанимации согласно стандартному договору,– резко перебил Анатолий.

Глаза чиновника округлились, но уже спустя секунду лицо перекосила гримаса омерзения:

– Он умрет. Но Вы не беспокойтесь... Я не могу этого

говорить, но ситуация... Согласно подсчету баллов, Леонид победил. От Вас, Анатолий Окский, ничего кроме разрешения не потребуется. Но, если Вы его не дадите, Ваш парень просто умрет! И никто уже выигрышный гонорар не получает.

– Хорошо. Благодарю Вас за пояснение. Мой ответ остается прежним. Оказывайте помощь согласно правилам.– Произнес Анатолий и отрубил связь.

– Но как?– поражено вскинулась Дарья,– Гонка ведь еще идет!

– Задержка эфира,– спина капитана намочла от пота. А речь стала твердой как у робота,– Дарья, на что конкретно вы ставили?

На экранах остальные зрители видели, как финиширует первый «Черный скат», за ним другие участники. А вот «Толика удачи» потеряв управление, врезается в финишную черту пятой. Комментаторы спорят о том, считается ли это финишем. Но в таблице уже появляется Толика с отметкой о времени финиша.

– На победу...– растерянно отвечает ошарашенная девушка.

– Не на то, что он первым финиширует, а именно на победу?

– Я сказала, что хочу, чтобы Леонид победил, и у меня приняли ставку.

– Пиздец. Нас убьют.

– За что?

– Я так понимаю, вы сейчас выиграли сумму, сравнимую со стоимостью всего этого заведения вместе с персоналом. Рви билет, и уходим!

– А как же деньги?! Я богата?

– Ты не выйдешь из этого зала. Видишь охрану? Они идут сюда... так на всякий случай. Они еще не знают, что Леонид победил... Идиот... Если он помрет, я его убью к чертям собачьим. Но мало того, что ты поставила большую сумму на пилота, у которого был астрономический коэффициент на победу, мало того, что он победил, так ты еще и умудрилась сесть ко мне за столик. К, мать ее, капитану этого пилота. Они обвинят меня в инсайде, тебя в обмане, и... это если здесь есть государственная полиция. Но нахера им эти сложности. Бежим нахер! Да рви ты эту бумажку, дура! Задержка эфира дай бог пятнадцать минут! У нас минуты три осталось, чтобы свалить. РВИ!

Даша почувствовала себя в невесомости. Как заколдованная, достала билет и демонстративно плюнула в него. После этого разорвала на клочки и засунула в бокал из-под коктейля. Внутри творилось что-то уж совсем неладное. Такого с девушкой еще не было. Сердце начало пропускать удары, тело словно стало невесомым, а воздух вокруг охладел до абсолютного нуля.

Анатолий взял Дашу под локоток, и повел к выходу. Охрана пропустила их без возражений. И только когда они оказа-

лись у самой двери, девушка завизжала:

– О боже!!! Сколько нулей? Пять? Анатолий, тут семь нулей! А где запятая... Тридцать два, четыре, и семь нулей!

– Ты рехнулась?

– Нет! Это зачисление! У меня виртуальный интерфейс, все сообщения проецируются... Но я же порвала билет... Значит система зафиксировала факт ставки...

И тут раздался выстрел.

– 2 –

– Грибочки...– Леонид растерянно смотрел по сторонам. Его окружала сочно зеленая поляна со здоровенными мухоморами высотой с метр.

Идеальные грибы, в том смысле, что их шляпки были одинаковыми красными с белыми пятнышками полусферами, в изобилии произрастали в хаотичном порядке. Трава под ногами казалась ровным густым газоном, через который даже земля не просвечивала.

Поражало и голубое небо с редкими кучевыми облаками и радостным солнышком. Каждое из облаков плыло в своем собственном направлении. А где-то вдали виднелся такой же совершенный смешанный лес.

Теплый ветерок ласкал кожу, и даже звуки навевали умиротворение и покой.

Такая психоделическая идиллия навевала строки классика: «Хорошо в деревне летом...», только что сеном и говном не пахло.

Второй пристальный взгляд на окружение позволил заметить некоторую фауну.

В отдалении неспешно брела гигантская черепаха, слон поливал свою спину совершенно синей, словно подкрашенной, водой, лиса гоняла двух кроликов.

– Если это рай, то он какой-то слишком мультяшный...

Его никто не услышал. Беспокойство закралось в душу, а когда возле него из ниоткуда появился человек, он с нетерпением обратился к нему:

– Что это?

– В каком смысле?– незнакомец оглядывался с интересом, ни страха, ни даже растерянности. Только интерес.

– Где мы? Это сон?

– Ну, да... в какой-то мере. Что тебя тревожит?

– Как вам сказать...– Задумался Леонид,– я привык видеть мир несколько в ином свете. Кто вы?

– Давай без личностей. Это последнее место, в котором бы я хотел заводить новые знакомства. Если ты понимаешь, о чем я.

– Нет, не понимаю. Где мы?

Человек с любопытством уставился на Леонида. И исчез.

– Замечательно! И как это понимать?

– У него всего лишь несколько переломов.– Подказала лиса, сладко потягиваясь на шляпке гриба.

– А! Говорящая лиса!

– А! Говорящий человек!– подразнила она его, но даже не

подумала сменить позу.

Леонид рефлекторно отскочил шагов на пять назад и уперся спиной в гриб. Гриб оказался на удивление упругим, и словно силиконовым.

– Что здесь творится?

– Ладно, ладно. Не буду над тобой дальше издеваться, все ясно. Ты так и не понял, что чуть не помер? Упал с дерева? Или тебя сбила машина?

– Разбился во время гонок. Это как-то связано с тем, что я здесь?

Лиса после этих слов встревожено вскочила на лапки и, прыгнув, исчезла за ножкой гриба.

– Лисичка, честное слово, я не собираюсь на тебя охотиться... что тебя так испугало?

Из-за гриба раздалось неуверенное:

– Ты космический пират? Ты с орбиты!

– Эм... нет, я не пират. И я не то чтобы с орбиты. Я с Земли Солнечной системы. По крайней мере, там я устроился пилотом на Ладогу. А родился я в открытом космосе. Я... У меня немного путаются мысли. Извини, тут особо больше не с кем поговорить, не могла бы ты мне помочь?

– Мог... Я не девочка.– Радостно поделилась лиса, так и не спеша показываться на глаза.

– Хорошо. Ты лис. Все, уяснил. Господин лис, разрешите представиться, меня зовут Леонид – я пилот курьерского судна Ладога. Как я понимаю, погиб в результате несчастно-

го случая на гонках на Танатосе. Это спутник Леи.

Над шляпкой гриба появилась рыжая мордочка.

– Ты думаешь, что ты умер?

Леонид сложил ладони в замок, выставив вперед оба указательных пальца:

– Я беседую с лисом посреди идеально ровной поляны, усеянной метровыми грибами. Что же... полагаю, мне стоит удариться в панику, начать бегать с криками и ломать все вокруг... только я в некотором замешательстве, поскольку не могу представить, что из этого можно сломать.

Говорил это все он очень рассудительно, взвешивая каждое слово. Но внутри понимал, что паника нарастает с каждым ударом сердца. Да, именно так бы он и поступил в более привычной обстановке – метаться в панике из угла в угол он знал как.

А вот лис на это все отреагировал смехом.

– Нет, стой! Стой! Ты не умер, и бояться тут нечего. Ты под наркозом.

– Это глюки?

– Э... нет. – Растерялся лис. – Не глюки... С чего бы это. Ты находишься в клинической коме. Но есть и плохие новости. Раз ты еще здесь, то ты сильно поломался.

– Не понял.

– Да, я уже встречал одного такого. Ты, кстати, хорошо держишься!

– Я же пилот! – обиделся Леонид. – Самообладание – это

профессиональная обязанность!

Лис только махнул на это лапой.

– Не дрейф. Ты в клинической коме. Ну, как тебе это объяснить. Пока врачи тебя лечат, то погружают в наркоз, чтобы ты не чувствовал боли. Теперь понятно?

– Мне это все кажется?

Лис ударил себя лапой по лбу.

– Да нет же! Я реальный, ты реальный, вон та черепаха настоящая, и кажется один из кроликов. Но он появился совсем недавно, и я не успел с ним познакомиться.

– Но наркоз делают с помощью наркотиков, вырубая сознание. Я знаю, что человек под наркозом может видеть очень интересные сны. Но они не реальны.

– Ты из двадцать первого века что ли? Ладно хорошо... Ты знаешь, что такое игры с погружением... Нет... ладно... а! Ты пилот, правильно? Когда ты учился летать, то у тебя были тренажеры, в которых все как по-настоящему? Ты видишь все как в реальности, слышишь звуки, чувствуешь скорость, тепло и холод. Но при этом в реальности сидишь на стуле в классе?

– Да, – недоверчиво промолвил Леонид, – ты говоришь про нейро-тренажеры. Они симулируют ощущения реального полета и передают их непосредственно в нервную систему. Зрительные образы сразу в лобные доли мозга, часть сенсорики через нервные окончания. Осталось, кажется несколько рецепторов, которые не удалось симитировать на нервном

уровне.

– Да, да, да... – отмахнулся лис, – в этом случае теребоят сами рецепторы. Это только в депривационных камерах ПлейМуна используется... эх... я такие только на картинке видел. Там реально полное погружение...

Лис мечтательно завис, зрачки его расширились, а пасть осталась открытой. Из нее даже кончик языка выглянул.

– Попробуй откусить этот гриб! – Вдруг взбодрился лис.

– Я что, совсем больной, чтобы поганки есть? – Возмутился Леонид, но потом вспомнил с кем разговаривает, и пришел к выводу, что да – крыша съехала капитально.

– И какой он на вкус?

– Сладкий, – неуверенно ответил пилот.

– А еще? Ну, на что он похож? На мороженое или на шоколад?

– Нет, на мороженое он не похож – он теплый и мягкий... но... Он просто сладкий. И все.

– Ты не чувствуешь запахов! – резонно заметил лис. – Если ты сейчас находишься в медицинской капсуле и у тебя серьезные переломы, то ты не почувствуешь и ускорения, и холода и даже не различишь влажное и сухое. Насколько я знаю, медицинские капсулы при необходимости наркоза могут симулировать только зрение и осязание.

Леонид плюнул себе в руку.

– Фу! Мерзость! Зачем ты это сделал? – Возмутилось рыжее животное.

– Влажная... рука влажная, а здесь тепло и я чувствую воздух, когда машу руками. – Возразил Леонид, – но почему-то, действительно, не ощущаю запаха, вкуса, кроме сладкого и соленого. Но я даже дыхание и сердцебиение ощущаю. Нет, это не симуляция. Я сейчас попробовал задержать дыхание, и мне нужен воздух, а прикусив язык, я почувствовал боль. Что, за черт?

– О! – Встревожился лис и продолжил участливо, – я понял, что с тобой. Это не медицинская камера, как я поначалу подумал. Это гораздо хуже. Я читал про это. У меня симуляция куда проще. Это кончено, не банальная медицинская кабина, но и не депривационная камера. То, что ты описал дают только военные медицинские боты... Либо ты какой-то военный генерал, либо тебя в фарш размоло...

Лис даже подошел совсем близко и участливо тронул Леонида мягкой лапкой за коленку.

– Да не переживай ты так... Это... В живых ты точно останешься – это я тебе обещаю.

– Нет, ты не понял! – Рассмеялся Леонид. – Это не истерика... это я сейчас та-А-акое облегчение испытал. Это значит, что все получилось... Спасибо, Тебе лисичка.

Леонид нагнулся к животному и на радостях поцеловал его в сухой шершавый носик.

– Фу! Я не девчонка!

Счастливый Леонид смотрел на то, как лис сначала лапками, а потом об землю пытался вытереть свой нос.

Совершенно счастливый и с умилением в голосе Леонид сказал, когда лис наконец-то успокоился:

– Тебе лет двенадцать что ли?

Тут лис прогнулся как кошка, стал на цыпочки и зашипел:

– Кто тебе сказал? Ирка?

– Кто такая Ирка?

– Черепаха, – с презрением прорычал лисенок и мстительно добавил, – а ей сорок три, тогда, что б ты знал.

– Нет, не черепаха. А ты сам.

– Когда? – от удивления лис даже прижал ушки.

– Ты так забавно... э... делаешь все... Так сколько тебе лет на самом деле?

– А вот и не скажу. А вот и двадцать три!

– Ладно, как скажешь. А мне двадцать пять. – Леонид потрепал щенка лиса за ухом. Нет, лис выглядел вполне взрослым лисом, но пилот внезапно понял, что не может уже его воспринимать как животное. Он ощущал рядом с собой мальчика, маленького одинокого мальчика, хоть и в шкуре зверя.

– А как тебе удалось изменить голос и внешность?

Лисичка словно переключилась на другой канал, вот только что он взбешенный своим разоблачением прыгал и рычал, как вдруг начал совершенно серьезно объяснять:

– Это же симуляция, почти игра. Если сильно зажмурится с мыслью, что хочешь увидеть настройки, то перед глазами появится меню. Это только в первый раз странно. Потом

привыкаешь. Да не жмурься ты так сильно, внешность изменится только в том случае, если ты попадешь сюда еще раз. Чего я тебе не желаю. Если ты уже здесь, то себя ты не изменишь. Но можно покрутить другие настройки. Интенсивность цветов изменить. Можно боль выключить. Усталость тоже отключается. Но это до шестнадцати делать не разрешается.

– А черепаха и кролики сюда попали людьми, и они уже второй раз в больнице?

Лис внезапно погрузился, и словно выцвел, он прижал уши к голове:

– Ира здесь уже была, когда я первый раз сюда попал. Она хорошая тетка, но я не знаю, как она выглядит. Мне кажется, – продолжил он шепотом, – что она вообще не выходит отсюда. Какая-то очень плохая болезнь. А кролики появились только час назад. Они создали свой аватар перед тем, как попали на поляну. Где-то здесь бродит еще куча народу. А на эту поляну приходят те, кто хочет остаться один. Подумать... поплакать... Кролики просто об этом еще не знают.

Леонид уже сидел в позе лотоса и вовсю гладил устроившегося на коленке лиса.

– Извини, тебя не смущает, что я тебя глажу, как собачку?

– Не... тебе ведь сейчас, правда, надо успокоиться... я понимаю.

Леонид улыбнулся.

– Так значит, ты здесь проводишь много времени.

– А вот не надо на меня так смотреть? Ты отключил боль, как я тебе посоветовал?

– Еще нет.

Лис резко подпрыгнул и укусил парня за ухо. Оскал, рычание и рыжий хвост скрылся за ножкой гриба.

– Лис, прости, я не хотел тебя обидеть. Честно.

Но было уже поздно. Звереныш ускакал. И где его искать? Да и надо ли?

– И сколько мне тут торчать? Что-то моя операция затянулась, как я посмотрю. – Сказал он себе, вставая и разминая конечности. Удивительно, но после недолгого сидения у него действительно затекли конечности.

Леонид был склонен считать, что это скорее психологический, а не физиологический эффект.

Уже прошел час в бесцельных скитаниях по полянке среди грибов. Леонид за это время заглянул и в чащобу, но там он себя чувствовал еще более уныло. И как на зло, другие звери либо не обращали на него внимания, либо вели себя как животные. Нет, никто на него не бросался, не пытался защитить территорию, но кролики убегали, как только замечали, черепаха только ползла и изредка фыркала. Слон, правда, что-то гундосо мычал в ответ Леониду, но слов так и не удалось разобрать. За это время он видел и других обитателей этого медицинского мира. Пара обезьян резвилась в ветвях, попугай ухал как сова и охотился на мышку. Один раз ему даже удалось ее настичь, но та просто исчезла из его когтей.

Леонида все сильнее тревожило то, что он так и не вернулся в реальный мир.

...

Иногда крупная сумма денег это везение, а иногда проклятие. Хуже всего то, что Анатолий понимал, что для охранников спорт-бара они с Дашей являются сообщниками. И даже если он сейчас отдаст им девчонку, то лично его проблем это не убавит. По крайней мере, он бы на их месте замочил бы жуликов, в назидание остальным.

Сначала у него проскользнула мысль, что на Леи есть полиция и им стоит искать спасения там. Но потом сообразил, что с точки зрения правосудия, именно Анатолий и является главным нарушителем, Даша – соучастником, а бандюки – пострадавшими.

Именно поэтому, когда раздался выстрел и за шиворот посыпались какие-то щепки, он схватил упирающуюся девчонку за локоть и со всем усердием утащил ее в переулок. Но и здесь он не думал останавливаться, преследователи шли по пятам.

На ходу он разрабатывал стратегию: никаких открытых пространств – бандиты вооружены и уже пустили огнестрел в действие, никаких прятков – если у Даши есть виртуальный интерфейс, а все денежные отношения фиксируются им без проблем, то и у преследователей такие должны быть. А поверить в то, что такая технология работает без использования геопозиционирования у него не получалось. Другими слова-

ми – бандиты знаю, где они сейчас есть.

Выход ему рисовался только один – посольство. Официально посетить Лею можно только через посольство орбиты. Сама Лея воспринимала весь оставшийся мир как продолжение орбитального правительства... Которое официально не существовало, воспринималось, как куча разобщенных бандитских группировок, но при этом имело свои посольства, занимающиеся вопросами миграции людей с поверхности на орбиту и обратно. Подробнее разбираться в хитросплетениях законов Леи Анатолию было недосуг. Поэтому сейчас он думал, есть ли другой вариант легально или даже нелегально покинуть эту планету.

А теперь вспомним, что влияние правительства Леи простирается и на орбитальные пространства, а Ладога – космическое судно марки Муфа-7 стало заложником бюрократии, и не могла покинуть доков станции, пока борт ни будет укомплектован полным штатом.

Решение этой проблемы бежало с ним рядом – Даша и ее медицинское образование. Она как раз могла заполнить нехватку штата. Но оставался еще и Леонид – пилот! Да, Анатолий и сам бы мог пилотировать судно, но пока Леонид находится в госпитале или не дай бог умер, дыра в штате остается открытой.

Да и как бросить на произвол судьбы своего товарища? Ладно, пусть не товарища, но члена экипажа, доказавшего свою преданность общему делу.

Бежать и одновременно думать сложно. Поэтому наш бра-
вый капитан, пытаясь переступить через бордюр дороги, за-
кономерно не обратил внимание на то, что тот несколько вы-
ше, чем высота, на которую он поднимает ноги.

Нет, самого падения Леонид не ощутил, он ощутил, как
терка асфальта сдирает кожу с его лица. Удар лба о дорожное
покрытие звоном раздался в ушах, на миг, только на одно
мгновение, потемнело в глазах.

Вскакивая, он прижал ладонь к лицу:

– Все нормально! Нос не сломан!

Но визг Дарьи не прекратился, захлебываясь она просто-
нала:

– До.. ко... сти... ты содрал кожу на лбу до кости!

– От потери крови я буду помирать гораздо медленнее,
если во мне не появится новых дырок. Бежим!

Теперь уже Даша поддерживала Анатолия под руку. Ска-
зать, что это его злило – ничего не сказать. Но поставить на
место зарвавшуюся девчонку, решившую, что он нуждается
в ее помощи, времени не было.

– Сюда!

– Зачем?

Короткая словесная перебранка закончилась пинком под
зад. Даша полетела в указанном направлении. И как раз во-
время: позади раздался скупой выстрел, но переулок уже
укрыл от огня преследователей.

Впереди тупик, но каменная перегородка всего метра два

с половиной высотой. Анатолий встал под стеной, складывая ладони лодочкой, что бы посадить девушку.

– Ну! Наверх!

– А ты как?

– У-Бь-Ю! Быстро лезь!

Анатолий буквально затолкнул ее на стену. А сам просто прыгнул и уцепился пальцами за край каменной кладки. Секунда и он уже вытянул себя до уровня пояса. Думать некогда! В этот момент он обернулся, чтобы увидеть преследователей – да они уже были здесь! Он подался корпусом вперед, надеясь перевалиться через стену, но вместо этого снова ударился лицом во что-то.

Крыша... Это не ограда – это стена одноэтажного здания.

Анатолий еще успел обратить внимание, что уж больно много крови осталось на черном покрытии, но Даша его стянула с другой стороны этой будки. Падать пришлось спиной вперед.

– Все нормально! Шею не сломал!

– Вставай, Бестолочь! Бежим.

– Они выследят нас по твоему интерфейсу! Куда бежать?

Есть место, где он не работает?

Секундное замешательство. И Даша уже выдает ответ:

– Рядом с передатчиками – там слишком сильный сигнал, который импланты не могут воспринять. Или на дне океана. Или в шахте. На орбите, в подвале или метро сигнал хорошо ловится. Покрытие поверхности планеты сто процентов, да-

же в океане!

Перспектива вырисовывалась радужная. Другими словами, Анатолий сейчас тащил с собой здоровенный маяк, сигнализовавший любому желающему о его местонахождении.

«Огреть девчонку по шее, вырубить, и пытаться спастись самостоятельно!», промелькнула мысль в голове капитана. Действительно, это единственное решение! К самому Анатолию у бандитов вопросов быть не должно. Да и Дарье не угрожает смерть. Она всего лишь лишится свалившегося на нее богатства, и может быть заплатит штраф?

– Беги один! Я сдамся! У тебя ведь нет маяка в виде интерфейса. Им всего-то нужны деньги, – задыхаясь, предложила девушка.

– А стреляют они травматическими патронами? Или это транквилизатор? – Анатолий приложил указательный и большой пальцы к переносице, но наткнулся на что-то противно вязкое и липкое. Его еще удивило, что нет никакой боли, а кровь сочится хорошей струйкой.

И через секунду парень почувствовал огненный укол стыда. Боже! Если бы эта девчонка сама не предложила это, то он так бы и поступил. Но теперь не выйдет. Одно дело вырубить человека со спины и слинять, и совсем другое в глаза ему признаться в собственной подлости. За-ме-ча-те-ль-но!

Да, нет... не поступил бы он так. Нет, так капитаны не поступают. А Анатолий считал себя настоящим капитаном,

пусть гражданского, но флота.

– Даша, они пока еще не сообразили, что могут просто убедить тебя отдать эти деньги. Сейчас они уверены, что это спланированная акция. Они не пытаются вернуть своего. Они просто мстят. Конечно, позже они догадаются, что убив тебя, они потеряют любую возможность аутодафе. Но это будет уже позже.

– Но что же тогда делать?

– Э! Дорогие, да как же это вас угораздило? – грубый голос с акцентом. – Тебе в больничку надо, залезай!

Голубое такси стояло на тротуаре. Видимо, увидев спорящих окровавленных людей, водитель, положив на все правила дорожного движения, подогнал машину как можно ближе.

– Это, она тебя так?

– Упал... с крыши... с вот этой крыши.

– А вон и ваши товарищи, тоже видать, упасть хотят. А дороги для дураков придумали?

– Гони! Тройная такса! – Анатолий уже плашмя прыгнул на заднее сиденье, а Даша залезла поверх него. Ей мешалась его нога, чтобы захлопнуть дверь. Но капитан продолжал увещевать шофера, пытаясь припомнить все аргументы, повышающие заинтересованность таксистов, да и любых лакеев, – Сто единиц на чай! Да трогай уже! Убьют!

– Да ты сядь, хотя бы, дорогой. Ремень для трусов, но ты жопой в сиденье сядь!

Выстрел, визг резины, столб. Хорошо в этой краткой сце-

не отметился столб, остановивший безумный рывок автомобиля. Но удара не выдержал именно столб, поэтому плавно повалившись, перегородил проезжую часть. Но такси уже успело набрать инерцию и смогло, каким-то чудом, перевалиться через препятствие. Покрышки снова завизжали об асфальт.

– Хм... – философски заметил шофер, – а говорили, не бери Свинтуса, бери Тимми. Тимми модный, Тимми быстрый... Да этого Тимми вокруг столба бы намотало три раза, и под ним же и похоронило.

– Только, бля, не тормози!

Такси, свалив столб, жутко свистя покрышками, продолжало юзом набирать скорость. Неизвестно, что на водителя повлияло больше, обещание щедрой оплаты, или несколько новых дырок в обшивке автомобиля. Но машина продолжала набирать скорость, не обращая внимания на исковерканный капот. А судя по тому, что их траектория так и не выровнялась, то и колеса после удара об столб слегка изменили свою геометрию.

– А этот красивый дырка, чем заделывать будешь? – водила указал пальцем дырку в потолке от выстрела. Интересно, что заставило его выставить претензию именно по поводу дырки, а не по поводу смятой морды автомобиля, поврежденной ходовой части и порчи городского имущества. Но как ни странно, особую вину Анатолий в данный момент испытывал за испачканную кровью обивку сиденья.

– Я тебе новый Свинтус куплю? – Предложил он.

– С кондиционером?

– С круиз контролем, блекджеком и шлюхами! Только увези нас скорее!

– Тогда лучше Тимми, – задумавшись, предложил таксист, – совсем чуть-чуть дороже выйдет. Только тебе нога не больно?

– Нет, не больно, – Анатолий, наконец, обратил внимание на то, что его ноги все еще находятся снаружи автомобиля, а дверь находится в распахнутом состоянии.

– Так убери их, а то дует.

– Небольшая ретроспектива –

Ладога стояла пришвартованной на взлетно-посадочной площадке станции обслуживания на Перу. Перу – это третий спутник Леи, самый большой и удаленный. Луна – первый спутник, в десятки раз уступал ему в размере, а Танатос во всех смыслах был середнячком. Но Перу ко всему прочему имел искусственную атмосферу. Атмосферу, пригодную для дыхания. Условно пригодную. Воздух Перу технически отвечал всем характеристикам «не ядовитого», и содержал достаточно кислорода, азота и углерода для даже долгого пребывания человеческих организмов. Но являлся побочным эффектом от работы автоматики. Никто специально не обогащал его кислородом, никто не фильтровал его от ядовитых примесей, но шахта по добыче металлов выбрасы-

вала достаточно отработанного газа, в котором содержалось все, что надо. Дело оставалось за малым – выделить кислород из различных летучих соединений. Как вы догадываетесь, этим заниматься никто не собирался – ни одна группировка не взяла на себя ответственность за атмосферу спутника, ведь в результате постоянных междоусобных войн тот переходил из рук в руки. Зато под действием жесткого ионизирующего излучения из космоса, тот самостоятельно участвовал во всех нужных химических реакциях.

А, да... Без скафандра человек на Перу из-за излучения обгорал за считанные минуты до кости.

Именно поэтому Анатолий стоял в шлюзе, широко расставив ноги и скрестив руки на груди:

– Никто не покинет Ладогу без соответствующего снаряжения! Я здесь капитан, начальник и владелец оборудования. Если вы оба считаете себя умнее всех, и собираетесь прожариться на Перу, то сначала вам придется подать рапорт об отставке! Да и то, я вас выпущу только после того, как документ будет юридически оформлен по всем правилам.

Леонид виновато почесал затылок.

– Толик, я не собирался... Я только шлюз открыть хотел. И, в конце то концов, территория станции находится под экранирующим полем.

– Это поле защищает только от излучения из космоса! Это раз. – Как собака рявкнул капитан. – Только от излучения! Но воздух она не фильтрует. И от излучения почвы не защища-

ет. Радиацию никто не отменял. А вообще, за этой стенкой восемьдесят градусов по Цельсию! Этого тебе мало? Или ты опять будешь говорить, что видел, человека без скафандра, и поэтому тебе тоже можно получить радиационные и термические ожоги всего чего только можно? Сима, а ты чего молчишь?

– В русских банях парятся при температуре девяносто градусов и в живых остаются. Даже удовольствие получают, – низкий голос женщины отдавался гулом в помещении шлюза, – А Ленке всего-то надо было выйти на две минуты, чтобы отсоединить шину управления от левого шасси.

– У нас перестали работать стыковочные механизмы? – С подозрением спросил Анатолий.

– Нет, дорогуша. Но я тебе напомним, что наш Муфа-7 не трансформер и не модульная орбитальная станция. А спасательная капсула из рубки отстегивается только в аварийном режиме, и при этом она не «отстегивается», а «отстреливается». После этого мы ее обратно только приварить сможем. Да и взрывать опору, на которой стоит корабль – идея плохая. Поэтому Ленка идет туда, чтобы отстегнуть шину управления, и демонтировать пиропатрон. После чего я из машинного отделения разжимаю крепление, освобождаю шасси.

– Когда вы мне об этом говорили, все звучало намного проще! – продолжал протестовать капитан.

– Да это ерунда! – Заявил Леонид. – Вот аккуратненько взлететь только с тремя маневровыми и без одного яйца, а

потом приземлиться рядом, да так, чтобы не перевернуться – вот это реально сложно.

– Та-ак!– Начал закипать Анатолий.

– Но, дорогой,– вступилась Сима, взяв капитана за локоток,– мы ведь уже обо всем договорились. Мы аккуратненько оставим спасательный отсек, аккуратненько перелетим в сторонку и тихонько присядем. Постоим так, пока не закончатся гонки, а потом все так же аккуратненько поставим на место. Все будет замечательно!

Наверное, стоит сказать пару слов о Симе – бортовом механике. Эта женщина была обаятельной, пышногрудой особой восточной наружности лет сорока. И при ее росте в 180 сантиметров, она умудрялась затмить большинство мужчин, как в силе, так и в весе. О чем говорить, если, увидев ее впервые, Анатолий держал пари, что она просто не сможет проникнуть в технический отсек судна. Предметом спора и являлось место бортмеханика. Анатолий с треском проиграл, о чем ни разу не жалел до нынешнего момента.

И вот теперь Анатолия ласково и нежно взяли под локоток и отвели в его каюту.

– Комбинезон защитный надень! И шлем пристегнуть не забудь!

– Есть сер!– радостно возопил из шлюза пилот. Анатолий этого уже не видел, и дверь каюты мягко затворилась.

«Ну, все, я под домашним арестом,»– грустно подумал Анатолий: «Бунт. Меня просто сместили, оттолкали в каю-

ту, и заперли здесь. Потрясающе. Мы вместе всего месяц, и только выпала малейшая возможность, и вот я уже заперт». Он резко вскочил, прошелся по комнате. Три метра в длину – капитанская каюта, самая роскошная «комната» на судне стала тюрьмой.

– Кошиков!– Анатолий набрал на стенной панели номер старого знакомого,– Кошиков, а я говорил, что это плохая идея! Вот полюбуйся! Говорил я тебе, что журналист не может быть капитаном межзвездного корабля!

– И, тем не менее, ты продержался в четыре раза дольше, чем я ожидал!– Лицо, спроецированное на стену, сияло белоснежной улыбкой,– я не мог рассчитывать даже на неделю. А ты связался со мной только через месяц? Поздравляю! Неужели деньги кончились только сейчас. Ладно, переведу тебе еще небольшую сумму, но это последний раз, когда я тебя выручаю!

Анатолий опешил:

– Постой. Нет, если честно с финансовой стороны все нормально, я даже сделал на Ладоге небольшой косметический ремонт. – Анатолий опустил глаза. – Меня заперли в каюте. Они меня просто заперли. Бунт! Заперли, как мешающегося мальчишку!

Капитан, бывший журналист, месяц назад поддавшийся на уговоры друга, сейчас испытывал ни с чем не сравнимое мазохистское удовольствие. Еще бы, этот провал наглядно доказывал несостоятельность всех аргументов Кошикова. Из

журналиста не может получиться капитан курьерского судна. Не может бывший блогер учредить успешное агентство доставки, и не может его же возглавить. И никаким образом не сможет возместить капиталовложения товарища. Теперь они все в пролете.

– Кто? – Выпалил пораженный собеседник. – Да, ни в жизнь не поверю!

– Они не хотят слушаться, я им не авторитет! Сейчас они разбирают Ладогу, чтобы из деталей собрать гоночный болид и участвовать в гонках!

– Не может быть! – Собеседник веселился. Он в открытую гоготал. – Подожди, сейчас. Я наберу Леонида.

Стены вздрогнули, пол на секунду перекосясь, раздался жуткий скрежещущий звук. На миг все замерло, а потом ухнуло вниз. Анатолий понял, что «команда» закончила приготовления и принялась перегонять Ладогу на новое место. Или вернее уже закончила перегонять. Стены вздохнули, и пол завалился. Не сильно, градусов на семь. Но такое положение явно не было задумано конструкторами.

На стене вновь появилось лицо.

– Окский! – Радостно веселилось оно. – А с чего ты взял, что тебя заперли? Дверь открыта. Команда готова тебя слушаться, кончай дурачиться! Никто тебя не запирает. Сима говорит, что ты очень сильно переживаешь за благополучие экипажа. Они ценят это! Представляешь, Чекалов вообще думает, что ты его от смерти спас! Не знаю, в чем там дело,

но с экипажем все в порядке... Что-то не так? Ты в каком-то странном положении.

– Эти идиоты сломали Муфа-7! Они оторвали шасси, и сейчас он валяется просто на брюхе... видимо. Как я буду спать?

– Так сними номер! Чекалов у тебя резковат, но Сима ему не даст дурака свалять. Успокойся и перестань трястись по пустякам. Хочешь наказать их, заставь писать рапорт о происшедшем... И кстати, говоришь, что тебе удалось заработать? Значит, я могу надеяться, что ты расплатишься со мной в ближайшем будущем.

– Расплачусь? Ты меня фактически заставил взять свой старый межзвездник, навязал эту дурацкую работу и хочешь, чтобы я тебе что-то платил?

– И все же документ о купле-продаже оформлен и лежит в моем сейфе. Корабль уже у тебя, но денег я пока не получил.– Все это собеседник произнес ироническим тоном, а потом пристально уставился в глаза Анатолию и проникновенно добавил: «Я рад слышать, что у тебя все хорошо. Звони почаще, от тебя ведь не убудет. А мне приятно знать, как у тебя дела. А насчет команды – не переживай. Они ведь целый месяц провели на корабле – дай им покуролесить на планете, не гони. Да и сам сделай небольшой перерыв».

После этих слов проекция отключилась.

Анатолий запустил пальцы в волосы и схватился за голову. Не для этого он семь лет вел информационный блог, не

для этого собирал миллиарды просмотров в месяц, и уж точно не для этого...

Как же иронична жизнь, вот ты на гребне славы, и вот уже ты ничего не имеешь, а школьный друг дает тебе погонять свое старое корыто, чтобы хоть грузоперевозками ты смог подзаработать на хлеб. Что же... на хлеб заработать удалось. Но то, что он получил за месяц, раньше он стриг за два дня. А сколько из этих денег еще уйдет на топливо, смазку, текущий ремонт, аренду парковочного места... А еще и снимать номер в гостинице. А еще было бы неплохо выдать премиальные Симе и Леониду, если те сумеют приделать спасательный отсек обратно к Ладоге.

– Анатолий Окский, – на стене появилось лицо чиновника, он сейчас не видел капитана, но мог передать сообщение. Когда кто-то звонил на Ладогу, то был вынужден сразу показать свое лицо, но адресат, в данном случае Анатолий, становился виден только после того, как он подтвердит связь. И даже если на судне никого не было, бортовой компьютер записывал вызов и мог его воспроизвести после прихода владельца.

– Анатолий Окский, капитан Ладоги. Говорит диспетчер станции обслуживания. В регистрационных бланках Вами не были указаны все необходимые данные. Вы забыли указать идентификационные данные вашего медицинского работника. Согласно постановлению М-312, в случае неумышленного искажения данных форм при регистрации прибы-

тия, вы имеете право исправить информацию вплоть до момента отбытия. В случае обнаружения некорректности заполнения документов после Вашего отбытия, Ваше судно и экипаж оногo автоматически признаются нарушителями ряда законов и постановлений. После чего судно будет занесено во все реестры неблагонадежных, – и сменив тон на более добродушный, продолжил, – и Вас начнут преследовать власти. Поэтому до отлета, обязательно отметьте в бланках медика, с которым Вы прилетели и улетите со станции. Напомню, что отсутствие медицинского работника на межпланетарном судне на Лее расценивается как не обеспечение неотъемлемых прав личности и карается принудительным изъятием имущества и депортацией с планеты.

Круглые глаза Леонида появились в дверном проеме. Ему приходилось крепко держаться за косяк, чтобы находится в более-менее устойчивом положении в скошенном судне.

– Но у нас нет медика.– Растерялся Анатолий.

– А им наплевать,– судорожно сглотнул пилот,– по их законам мы уже преступники, у нас отберут Ладогу, и оставят на орбите. Хорошо, хоть парень, что сообщил это, дал нам наводку... Мир не без добрых людей!

– А ты как видел это сообщение?

– Ладога нам троим вызов воспроизвела. Видимо из-за того, что запрос не был маркирован Вашим именем специально.

– Я не уловил, в чем наводка?

– Если мы найдем медика, и впишем его в бланки регистрации, то удастся отмазаться.

– Я вот только не понял, с какого ляда они могут навязывать нам медика?– поразился Анатолий.

– Этот закон, как я успел посмотреть, приняли три месяца назад. У них на планете безработица, видимо, среди медиков... А так, они кроют тем, что у каждого человека есть право на получение медицинских услуг. А раз космический корабль отрезан от человечества, то обеспечение этого права ложиться на капитана судна. А они, якобы, берут обязательства контроля.

– У человека есть еще право на получение образования! Так что нам теперь еще и учителей возить?

Леонид развел руками. Анатолий вцепился в волосы.

– Значит так, я лечу на планету, а ты с Симой... Если что узнаю – убью! Понял?

– Так точно!

– Попробую забронировать хорошие места для просмотра соревнования для себя и Симы.

Леонид засиял как солнышко:

– Вы будете болеть за меня! Спасибо! Я не ожидал! Я думал, что Вы против!

– Я против того, чтобы ты пытался убить себя на этих гонках. Но не забывай, что ты не просто пилот, ты – пилот Ладоги. Так что удачи. А мне надо каким-то образом найти того, кого я впишу в бланки.

И уже через пару минут, прислонившись к внутренней обшивке корабля Сима, словно рокочущая матушка, наблюдала за стремительной походкой скафандра, прямолинейно направляющегося к административным корпусам.

«А все-таки как же хорош, наш капитан!», мечтательно думала женщина, ее губ коснулась призрачная улыбка. «Я уверена, все у нас будет хорошо. Анатолий, ты просто душа».

Но придаваться мечтаниям времени не оставалось. Леонид уже отволок инструменты к спасательной шлюпке, уже содрал защитные кожухи с правой его стороны и уж начал подбираться к механизмам двигателя. Если не поспешить, то мальчишка спалит себя, в тот момент, когда отсоединит клемму питания от главного маршевого. Да, это сейчас, когда спасательная шлюпка стала самостоятельным судном, правый маневровый двигатель корабля переквалифицировался в маршевый. И очевидно, сам двигатель не очень был готов к такой перемене в профессии. И импульс слабоват, и не предназначен он для долговременной работы. Зато если немного перебрать его начинку, заменить сопло и подать в качестве топлива – смесь обычной горючки и ионов пероксида магния, то заиграет прибор новыми красками.

Теоретически, такая система могла дать достаточную юркость судну в открытом космосе, и позволить посадить кораблик на орбитальной станции. Но участвовать на нем в гонках... Нет уж извольте. Кораблик, не способный совер-

шить резкий поворот в гонках на Танатосе участвовать не сможет.

И Леонид сразу заметил эту несостыковку планов, на что Сима резонно заметила, что навесное оборудование никто не отменял.

– Леня, обожди чуток!– позвала Сима, как только натянула свой скафандр,– троичный раструб нельзя отключать до тех пор пока...

Леонид остановился, пытаясь понять, какой из этих «шлангов» является троичным раструбом. Остальную тираду бортмеханика он пропустил, как неинформативную. Еще в процессе обсуждения планов он понял, что катастрофически некомпетентен в начинке своих любимых игрушек. Эх, а когда он учился летать, то считал себя профи. Он тогда на самом деле знал, как и почему и что внутри его легкого истребителя. И по своей наивности считал, что весь флот строится по тем же принципам. А как иначе? Если это транспорт, то у него должен быть двигатель, органы управления и навигации. Кто же мог знать, что легкая единица космического флота устроена в разы проще и лаконичнее чем грузовичок гражданского? А объяснение просто. Если военные могли себе позволить модульный принцип строения для ускорения ремонта, то у Анатолия было корыто, собранное из мельчайших деталей.

Как только Сима умудряется разобраться во всех этих хитросплетениях проводов.

А вот и она, уже подошла и ласково отстраняет мужчину бочком:

– Принеси-ка тот мешок, который мы под топливо решили использовать. А я тут пока поковыряюсь. Эх, вот незадача, а тральный гредель-то совсем истерся... надо будет на втором тоже заменить...

Пока Сима бурчала, все глубже закапываясь в нутро шлюпки со стороны кормы, Леонид обреченно отправился в грузовой отсек Ладоги. Как мужчина и как знающий себе цену пилот, он грезил себя начальником над Симой, но сейчас оказался на побегушках. Жизнь не справедлива.

...

– Если ты так метаться по трассе будешь, то врежешься в каждого соперника. – Сима наблюдала за маневрами Леонида в спасательной шлюпке из накренившейся рубки Ладоги.

– Сима, дорогая моя Сима! – Сдерживая гнев, пропел пилот, – Какого лешего, я не могу регулировать импульс маневровых по силе? Где эта ручка? Почему они каждый раз жахают на полную силу? Я так посадить его даже не смогу!

– Кончай заливать! – Обиделась женщина, – даже ребенок сможет посадить спасательную шлюпку на одном штатном двигателе. И без всяких маневровых.

Бешеный болид Леонида в пятый раз пронесся мимо купола станции обслуживания, где припарковалась Ладога. Вместо того, чтобы плавно приземлиться на посадочную полосу, эта юркая посудина резким зигзагом металась в про-

странстве. И каждый поворот, каждое изменение курса сопровождалось наибольшим взрывом.

– Почему вместо струи плазмы, как ты обещала, маневровые дают взрыв? Как я это пилотировать то буду?

– О! Хорошо, поняла! Попробуй уменьшить подачу магния!

– Это за какую ручку надо покрутить? – Умоляюще заревел Леонид, на что Сима резонно заметила, что...

– Все бы тебе за ручки крутить. Видишь желтый патрубок, который идет от серого бурдюка? В бурдюке раствор пираксида магния. Просто пережми патрубок и его подача уменьшится.

В этот момент Леонид дал себе слово, что если приземлится, то на части порвет эту жирную корову.

Удерживая кнюппель направления в позиции, когда ничего не взрывалось, а судно шло плавным штопором, он постарался левой ногой поймать положение педали ускорения так, чтобы все еще не падать на поверхность Перу, но и не преодолевать сверхзвуковую. К его изумлению со всеми «доворотами», что учудила Сима, эта зверюшка либо ползла, либо сразу взбрыкивала и рыскала как одурелая.

Правую ногу он давно уже заклинил между сиденьем и бортовой панелью, так как без этого хитрого приема, его просто вышвыривало с пилотского ложементы после каждого маневра. А в такой близости к твердым поверхностям терять управление, даже на доли секунды, хотелось меньше всего.

Правая же его рука стискивала трекбол, по идеи управляющий навесным оборудованием. Приходилось слегка выворачивать влево и вверх мягкий шарик, чтобы курс был, ну пусть не прямолинейным, но как минимум не походил на траекторию готовой к спариванию мушки дрозофилы. Глазами он наблюдал за мельтешением «земли» и черного провала космоса, ртом произносил ругательства, как молитву. Не, сейчас он уже не матерился. Матерился он четыре минуты назад. Сейчас поток его брани состоял скорее из слогов, очень угрожающих, и явно нецензурных слогов.

– Я его анусом, что ли зажать должен? Сима, ёкорный ты бабай, вытащи меня из этой мясорубки! И почему все еще не сработало кинетическое поле? А! – Новый неспровоцированный рывок в сторону выбил из глаз пилота кровавые слезы, – Я катапультируюсь!

– Мы убрали катапульту! Вспомни! А кинетика подавлена. Мы плавкий предохранитель на полимер многоазовый заменили! Он при двадцати Же сработает!

– Двадцать Же... Это... Я при двенадцати уже вырубался в учебке. – Мысленно перебирал воспоминания Леонид, – Ладно, что произойдет, если врубится кинетика? Маршевый врубится?

– Да, маршевый отключится, пока полимер не восстановится. Это примерно минуты три. Кинетическое поле остановит корабль за минуту. Если ты это провернешь хотя бы в километре от поверхности спутника, то двух минут хватит,

чтобы судно опустилось на поверхность Перу. Но есть и две проблемы. Как только пройдет три минуты, поле вырубится и маршевый включится снова. Значит, его придется погасить до того, как тебя расплющит ускорением. И второе – наше навесное оборудование... понимаешь... оно не выключается. Тебе придется перед этим маневром оставить трекбол в нулевой позиции!

– Сима, – вкрадчиво простонал Леонид, – в нулевой позиции трекбола навесное оборудование уже как пять минут генерирует взрывы случайной интенсивности по левому борту. Видимо нулевая позиция сместилась. Я сейчас твой трекбол мну, как машинку, только чтобы не взорваться окончательно.

– Странно... Такого не должно было произойти...

Симе оставалось только наблюдать, как спасательные роботы гоняются за время от времени взрывающимся снарядом. И вот снова взрыв, судно Леонида разворачивает на месте, Сима видит, как маршевый уходит на максимальную мощность. Корабль моментально гасит скорость, и уносится в противоположном направлении. Снова взрывы. Неужели такого резкого разворота не хватило для того, чтобы дать нужную перегрузку для срабатывания кинетического поля?

...

Леонид сидел в рубке Ладоги и курил. Его забинтованное колено, его бурые круги под глазами, его алые белки глаз заставляли Симу трепетать.

Леонид не говорил ни слова. Он курил с трудом удерживая сигарету в не гнущихся трясущихся пальцах.

– Если Анатолий узнает, что ты тут курил, то убьет нас обоих. – Упавшим голосом пророкотала бортмеханик.

Нет ответа.

– Я почию! Честное слово! Я уже поняла, почему вместо плавной тяги, навесное оборудование детонировало топливо. Там надо форму сопел поменять. И контроллер перепрощить...

Леонид поднял на женщину глаза... глаза, которые могли бы явиться только в ночном кошмаре. Лопнувшие капилляры наполнили их кровью. Набухшие веки не способны были даже сомкнуться на этом безобразии.

– Второй цикл медицинской капсулы будет готов через пятнадцать минут! – затараторила женщина, пытаясь его успокоить, – потерпи еще чуть-чуть. Все будет хорошо. Ты же остался жив! И самые страшные повреждения удалось вылечить сразу. У тебя всего лишь шестьдесят процентов... Все хорошо.

– Шестьдесят семь.– почамкал пилот. Опухшие губы мешали нормально говорить, – На Танатосе, я это повторю.

Пораженная Сима не понимала что делать.

– Ты улыбаешься что ли? Я понять не могу, у тебя не рожа, а блинчик с творогом сейчас. Это улыбка?

– Ага... Говорить больно.

– Тебе говорили, что ты больной на голову? Ты же чуть

не умер!

– Ага...

– Я не пущу тебя! Мы разберем эту машину убийства и... Хотя, знаешь, если получится изменить форму сопла и заставить контроллеры работать сообща, то может получиться что-то толковое.

– Я умею программировать контроллеры. – С трудом и почвакал Леонид. Вернее, в его голове эта фраза звучала именно так, в реальности же Сима услышала что-то на подобии: «А-а-у мгл эу, пмомгагиго пФ ась, конфп гро э-ээ-эы».

– Надо будет Анатолию сообщить о завершении испытаний... Нет, не станем мы ему говорить, что при этом ты чуть не помер, и что мы подбили три спасательных робота. И про иск тоже пока не скажем... Да не выкинут они нас со станции. Некуда просто. Не спорь, тебе говорить больно. Нет, чхала я не эту желтую ленточку, которой они нас обвешали. Она же из полиэтилена сделана. Я ее руками порву, не то, что взлетающим межпланетником.

Тихий «дзынь» известил о том, что бортовая медицинская капсула снова готова к работе. По прикидкам Симы понадобится всего три захода, нет, следы конечно останутся, но Леонид будет работоспособен уже через сорок минут. Какое же это счастье – быть здоровым. Даже такие серьезные увечья здоровому человеку в наш прогрессивный век не страшны. А на планете можно будет снять и те немногие шрамы и рубцы на внутренних органах, что останутся после «поле-

вого» лечения.

– 3 –

Бойцы, поднятые по тревоге, собрались в конференц-зале управления полиции. Здесь не так часто случалась подобная суматоха, о чем собственно, свидетельствовали пухлые очертания бравых защитников правопорядка.

Еще в те времена, когда стандартная форма полицейского перестала смыкаться на талиях рядовых служащих, в те времена, когда ремень стали натягивать не на пояс, а на пузо, данную проблему решили кардинально! Первое предложение о введении жестких нормативов и постоянных суровых тренировок в рабочее время, быстро отмели, потому как еще до введения указа лишились трети личного состава. Продолжение введения санкционных мер грозило тем, что девять из десяти служащих были бы неминуемо отстранены от занимаемых должностей. А оставшиеся десять процентов оказались бы в ситуации, когда вместо патрулирования города были вынуждены все рабочее и даже личное время посвящать тренировкам, диетам и походам к психологу.

Проблема усугублялась еще и тем, что полиция лишилась бы всего без исключения управленческого персонала. Таким образом, второе предложение было принято единогласно.

Предложение заключалось в пошиве новой униформы. Мужикам больше всего пришлось по душе то, что теперь уставные брюки оснащались резинкой. На красивых мундирах модельеры предусмотрели практически все. Не постра-

дали и традиции. Строгие брюки на резинке оснащались муляжом ремня, на этот ремень нельзя было повесить кобуру, но можно было эффектно заткнуть большой палец, оставив ладони свободно свисать вдоль бедер. А клапаны на спине и в подмышках удачно защищали офицеров от перегрева и пота даже в самые жаркие деньки.

А гениальное решение кроить брюки в районе ягодич не из ткацких нитей, а из полиметаллического волокна позволило родиться новому жанру анекдотов. Одним словом, полиция на Леи процветала. Преступность мельчала, а благосостояние народа неустанно росло.

В такой обстановке тотального процветания сложно совершать преступления. Особенно на Лее, где как мы помним, преступников не осталось. А как можно быть преступником мелкого пошиба в государстве, где нет тюрем и штрафов, где единственный приговор – это пожизненная депортация с планеты... Как раз в тот ад, который образовался на орбите. А СМИ бережно охраняли, так планомерно создаваемый, образ орбиты, как совершенно безнадежного, чуждого и невыносимого места. Уже десятки лет об остальной галактике просто не упоминалось, словно ее и не существовало.

Организованная преступность так же иссякла – просто не оказалось притока новой крови. Самые удачливые приспособились к сонму политиков, менее удачливые стали продюсерами и спонсорами.

Капитан полиции взобрался на кафедру и учтиво прокаш-

лялся. Сирена все еще завывала, а стадо тюленей все еще никак не могло усесться по местам.

Прошло уже добрых десять минут, а вой сирены и крихтение полицейских так и не прекращались. Капитан, такой же красный и потный, как и всегда, сейчас начал трястись, и трясся все сильнее. Нет, это не из-за беготни, не из-за титанических физических упражнения, но из-за ярости. Ярость кипела в его венах, «что за стадо остолопов!», мысленно кричал он.

Тогда он достал свой наградной пистолет Калашникова и тремя точными выстрелами поразил громкоговорители в аудитории. И рев сирены не прекратился, но собравшиеся в зале замерли и притихли.

– Кто-нибудь выключит сирену? – как можно громче в бессильной ярости выкрикнул он.

Из трех громкоговорителей ему удалось поразить только стену.

– А как она выключается? – выкрик из толпы. Да, это кричал электрик, именно в его ведомстве находился радиоузел.

– Может быть, надо обратно поднять рычажок? – еще один неуверенный голос.

– Какой еще рычажок?

– Ну, тот, который включает сирену? На стене висит. Кто включал сирену? Просто сходите туда, где ее включили и поднимите рычажок!

– Бестолочь, ты говоришь о кнопке пожарной тревоги!

Выдави стекло и дерни за рычаг, в случае возгорания или задымления! Ты про эти рычаги говоришь?

– Может быть... Они для пожара, да?

– У нас нет пожара – это тревога экстренного вызова. Ее включают диспетчеры.

– Так идите в диспетчерскую и поверните этот рычаг уже.

– Я могу выключить электричество, тогда сирена прекратится. – Вклинился в разговор электрик.

– Так сделай это! – Воскликнул капитан и для убедительности выстрелил в потолок. На этот раз он попал. Целился в потолок – и попал в потолок. Как ни как, он же профессионал, а не бульварная шавка. Для него пистолет – это не только брелок, но и полезный инструмент.

Минуты через три свет погас. А заодно и прервался поток воздуха, гонимый кондиционерами. Тут же в комнате начал сгущаться духан пота.

– Что будем делать, капитан? – Раздалось из темноты.

– Сирена не выключилась. – Подсказали из сумрака.

– Тащи мегафон! – Распорядился капитан.

– СЕГОДНЯ, БЫЛО СОВЕРШЕНО ВОПИЮЩЕЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ. ТЕРРАРИСТИЧЕСКИЙ АКТ! – Усиленный мегафоном голос капитана врезался в уши дезориентированных полисменов.

Уютная темнота окутывала аудиторию, а взвизгивание сирены било по ушам. В этом черном гвалте усиленные громкоговорителем слова терзали не только слух, они проника-

ли в самую душу, заставляя напрягать низ живота и сильнее стискивать зубы, чтобы не разрыдаться от боли.

– Что? – Кто-то из присутствующих, оглушенный сиреной и мегафонным лаем умудрился не разобрать сказанного. Послышалась возня и, по всей видимости, товарищи контуженного перевели ему слова капитана на язык затрецин. Побитый бедняга изредка поскуливал, но больше вопросов не задавал.

– ИНОПЛАНЕТЯНИН, – капитан еще громче закричал в прибор усиливающий голос, – ЗАВЛАДЕВ АВТОМОБИЛЕМ НАШЕГО ТАКСОМОТОРА, УСТРОИЛ БЕСПОРЯДКИ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ. ЧЕМ СПРАВОЦИРОВАЛ ДЕСЯТКИ ДОРОЖНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ. В АВАРИХ ПОГИБЛО ДВА ЧЕЛОВЕКА. КРОМЕ ТОГО, ОЧЕВИДЦЫ УТВЕРЖДАЮТ О ВЕДЕНИИ ОГНЯ. ИНФОРМАЦИИ О ПОГИБШИХ И РАНЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕСТРЕЛКИ НЕ ПОСТУПАЛО. СЕЙЧАС ГРУППА СОЗНАТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАН ПЫТАЮТСЯ ОСТАНОВИТЬ ПРЕСТУПНИКА, ПОКА ВЫ ОТСИЖИВАЕТЕСЬ В КАБИНЕТАХ!

Внезапно сирена замолкла, и включился свет.

Капитану открылось уникальное зрелище – его подчиненные, корчась в судорогах боли, тарасили глаза в его сторону. Красные и потные они зажимали уши руками, кто-то вгрызался зубами в ткань рукавов, некоторые уже валялись на полу в позе эмбриона.

Один из мужиков достал оружие и все никак не мог решить, в кого выстрелить: то ли себе в висок, то ли в капитана, дабы прекратить пытку.

– Слишком громко, да? – Добродушно спросил капитан. – Ладно, теперь, когда сирену выключили, обойдемся без громкоговорителя. Итак, некий Анатолий Окский, капитан гражданского судна Ладога, находился у нас с деловым визитом. Остановился он в президентском отеле. По неизвестной причине он расстрелял спорт-бар, взял в заложники девушку и с тех пор носится по городу в автомобиле. Так, девушка... Дарья Хилл, выпускница медицинской академии. В данный момент числится безработной.

– Это же моя жена!

Все медленно обернулись на голос. Ближе к окну стоял подтянутый образец полицейской доблести. Александр Хилл, честь и гордость отдела, победитель всех без исключения профессиональных смотров города. Во всей Лее найдется от силы две сотни таких же отважных и положительных полисменов. Его окружала горстка таких же подтянутых ребят – его последователей, тех, кто ежедневно убивался на тренажерах, в тире и на полосе препятствий.

Плюшевые сослуживцы искренне восхищались заслугами товарища. В нормальном обществе такое расслоение неминуемо бы вызвало зависть и ненависть, но не на Лее, где провозглашенный капитализм переродился в социализм. Достоинства товарища вызывали у сослуживцев исключительно

искреннее восхищение.

Так, я тут про социализм упомянул, но не кидайте в меня камни! На Лее царствует капитализм... и ничто иное! Только рыночные отношения! Эм... Но основные производственные мощности сконцентрированы в руках правительства... А социальные гарантии действительно выполняются... А для нищих и неимущих существуют общежития... Да и общественный транспорт бесплатный... Вернее стоимость проезда заложена в налоги... И на каждом углу есть столовые, в которых может совершенно бесплатно перекусить любой желающий... Пластмассовой пищей, но бесплатно... А старую одежду граждане Лее обязаны передавать в коллекторы, где определяется степень ее изношенности. И если ее возможно отмыть и починить, то одежда отправляется в качестве гуманитарной помощи тем же самым малоимущим... И только десять процентов населения одновременно хоть как-то вовлечены в трудовые отношения, а оставшиеся занимаются либо творчеством, либо туризмом, либо активным отдыхом... Да и работают они не из-за нужды, а по призванию сердца, можно сказать, от нечего делать... Но все это исключительно в рамках капиталистического общества! Хочешь получить что-то лучше общепитовской отбивной под розовым соусом – иди на работу и впахивай! Хочешь приобрести личную яхту для кругосветного круиза не в грошовую аренду, а купить в полное и самоличное владение – иди на работу, и впахивай целый ме-

сяц! Не хватает трех комнат, положенных на одного человека? Хочешь виллу на вершине скалы? О! Тут тебе придется уже по-настоящему потрудиться? Так ты горбатиться будешь целые полгода! Шесть месяцев!

(от автора)

Кулаки Александра сжались, массивные костяшки побелели и на них стали видны наспех залеченные мелкие шрамы. Еле слышно он гулко прорычал:

– Мыбра... Шлюха, вот вернешься домой, узнаешь, как с интуристами зажигать...

– Так чего же мы ждем? Надо спасти землячку! – раздался нетерпеливый выкрик.

– Кончай расслаиваться! В погоню! – людская масса лениво зашевелилась. С кряхтением, в поте лица, люди плавно и размеренно ломанулись к выходу.

Облава началась так стремительно, что в дверях затор так и не смог образоваться. Пока первые ряды отходили от контузии, последние уже успели отдышаться и подняться на ноги.

Через какие-то сорок минут защитники правопорядка уже сидели в автомобилях и прогревали двигатели.

– Саша, вот твой кофе. – Кто-то протянул напиток отчаявшемуся муженьку.

Он принимал соболезнования и уверения в скорой поимке преступника. Улей зашевелился. Завыли первые сирены. Шлагбаум парковки служебного транспорта под поли-

цейским участком поднялся.

Двадцать пять раскрашенных в бело-синее машин аккурратно выкатились на проезжую часть. Каждый из автомобилей останавливался перед выездом на дорогу, включал поворотник, и убедившись в безопасности маневра устремлялся с бешеной, в сорок километров, скоростью в погоню по городу.

– Куда сейчас направляется преступник? – голос по радио на общей волне.

– Он просто мечется по улицам! Таранит машины, не останавливается даже на перекрестках и светофорах! Он безумен! – ответ на той же волне.

– Надо заблокировать дороги! Загоним его в ловушку. – Светлая идея на полицейской волне.

– Надо передать диспетчеру, чтобы преступнику обеспечили зеленый коридор. Иначе кто-то может пострадать. Он уже протаранил несколько машин, проехав не на свой свет.

– Там простые люди пытаются остановить его. Они стреляют в него!

– Как хорошо, что остались еще сознательные граждане.

– Постойте, а откуда у людей оружие? Разве у нас разрешено владеть огнестрелом?

– Эти люди настолько сознательны, что готовы даже пойти на преступление ради всеобщего блага.

– А... Тогда ясно. Надо переписать всех сподвижников, чтобы не забыть наградить за помощь полиции.

– Обязательно. Мы потом сможем восстановить логи интерфейсов.

Александр остановился на перекрестке. Красный свет горел как-то уж слишком долго. Кто-то нетерпеливо просигнализировал.

– Не волнуйся, мы вытащим Дашу из этой заворухи. – Поддержал напарника Скиф.

– Вытащим, я сам этого гада задушю! – поддакнул ему взволнованный Александр.

– Да ты что! – Испугался Скиф. – Не при исполнении же! Я понимаю, что ты это говоришь фигурально, но не стоит даже в шутку говорить такое, когда нас мониторят через интерфейс.

– Да, это шутка. – Поиграв желваками, признался Александр.

– Смотри!

По перпендикулярной дороге мчалось разбитое такси. Свинтус был весь в пулевых отверстиях, капот всмятку, а левое заднее крыло оплавлено. В него стреляли из бластера или импульсной винтовки. Сознательность граждан радовала полисменов.

Автомобиль обгонял, подрезал, оттеснял другие машины. Он и не думал тормозить перед светофором.

– Странно, почему нет искр. Когда в кино машины так трутся, – Скиф показал ладонями, как трутся машины в кино, – то всегда разлетаются искры.

Александр вдавил педаль акселератора и выскочил на перекресток перед обезумевшим Свинтусом. Несмотря на то, что модель автомобиля Свинтус всегда славилась своей массивностью и неповоротливостью, такси буквально увернулось от удара.

– Ты что делаешь! Мы же на красный свет пролетели! – Испуганно затарахтел Скиф, – и кажется, задели ту голубенькую машину! Надо остановиться, чтобы оформить страховой случай.

– Или продолжить преследование опасного преступника. – Александр оторвал руки от руля и изобразил ладошками чашки весов, которые секунду колебались в нерешительности, как бы взвешивая предложения. В левой руке оказалось предложение боле тяжелое.

– Какого черта? Не бросай так руль! – Скиф ухватился за руль, в надежде удержать машину на верном курсе.

– Я в погоню за женой. А ты можешь выйти.

Скиф скрестив руки на груди нахмурился:

– А машину ты остановишь? Давай к обочине! Вон у той остановки меня высади.

На что Александр только прибавил «газа».левой рукой он выкручивал руль, а правой подцепил застежку ремня безопасности. Секунда ему потребовалась на то, чтобы дотянуться до ручки пассажирской двери.

Дверь распахнулась, а Скиф был выпихнут из сиденья, и если бы дверь под действием встречного воздушного потока

не захлопнулась обратно, сильно ударив его по лбу, то вылетел бы из машины.

– Я останусь, и буду стрелять по колесам? – испуганно предложил пассажир, внезапно очень полюбивший быть внутри, а не снаружи автомобиля.

– Стреляй. – Равнодушно ответил Александр.

Скиф достал с ремня свой калаш. Пистолет Калашникова висел у него на поясе. Для Скифа это было предметом отдельной гордости! Еще бы, с его подкаченной фигурой он мог позволить себе носить настоящий ремень.

Прицелившись в колесо удалявшегося такси, он нажал на спуск.

– Эм... А здесь стекла бронированные изнутри, – озадаченно промышчал Скиф, трогая ногтем пулю, застрявшую в лобовом стекле. От пули в разные стороны разбежались мелкие трещинки.

– Хорошо, что не рикошет. Я тоже не знал, что тут бронестекло. – Веско заметил Александр.

Скиф облегченно выдохнул – напарник на него не злился. А что еще нужно настоящему полисмену? Надежный напарник – самое главное, а остального можно добиться самостоятельно или вместе с другом.

– Попробуй высунуться из окна.

Скиф скинул куртку и высунулся по торс из бокового окна. Одной рукой он держался за ручку внутри салона, а в другой стискивал пистолет. Резкий ветер терзал его кожу. Ошу-

щение ему скорее понравилось, но беспокойство что кожа, за которой было столько ухода, может пострадать от резких порывов, не покидало сознание. Но пересиливая инстинкт самосохранения, а в данном случае, скорее, инстинкт сохранения своей любимой потрясающей внешности, он сильнее напряг бицепсы. Те послушно вздулись, придавая ему еще более героический вид. Скиф представлял, как его волосы красиво развиваются в потоках ветра, а вздутые венки на руках еще сильнее подчеркивают мужественность его мускулистых рук.

Наконец он вскинул руку, прицелился и выстрелил.

– Зачем ты стреляешь нам в капот? – Выкрикнул обеспокоенно Александр.

– Машину трясет, веди ровнее!

Второй выстрел. Третий...

– Нет, так ничего не получается. Зато ты видел, как развивались мои волосы на ветру?

– Дай я попробую! – Воскликнул водитель, отстегивая ремень безопасности.

Машина вильнула, и воткнулась в витрину магазина. Звон и крошево разбитого стекла, перемешались в едином всплеске.

Напарники, кажется, оставались еще живы. Скиф, выкарабкавшись из машины, старательно вытрясал осколки стекла из своей шикарной шевелюры. Он старался не думать, какие порезы могло нанести его коже разбитое стекло, но на

руках уже заметил следы крови.

– Саш, что случилось? Почему мы врезались в магазин?

– Не знаю... Машина почему-то сама резко повернула. Наверное, не стоило отпускать руль?

– Да, такое иногда случается... Вот же невезение, что это произошло именно с нами в такой погоне. Давай реквизируем машину с парковки.

– Да, так и сделаем, только я у этой двигатель заглушу. И двери запру. Скиф, из багажника ничего забирать не будешь?

– Эй, мужик! – Скиф обратился к продавцу за кассой. – Извините... Эм... Уважаемый гражданин, в целях продолжения преследования опасного преступника, мы вынуждены одолжить у Вас личное транспортное средство. Предоставьте нам, пожалуйста, доступ до автомобиля и ключей зажигания.

– Дурень, одолжить – это значит дать в дол. Надо говорить реквизировать, – в горечях Александр съездил товарищу ладонью по затылку.

Ошарашенный продавец протянул ключи от машины:

– А как же эта?

– Ты что, тупой? Мы же на ней разбились! – Веско отметил Скиф.

Александр уже выскочил на улицу, пытаясь с помощью системы сигнализации выяснить, какая же из припаркованных машин является собственностью продавца.

– Но она же на ходу... – Пробурчал себе под нос продавец. – Колеса целы, стекла тоже почти целы. Капот только помят. И краска поцарапана.

– Те что, денег на нормальную машину не хватило? Как мы на флаере такси останавливать будем?

Переругиваясь и ворча полицейские уселись в двухместное транспортное средства. Флаер был просто замечательный, спортивный, легкий. Такие модели могли планировать около полукилометра по прямой дистанции, естественно не в городе. В городе любые полеты были запрещены. Хотя чисто технически флаер не «ехал» по поверхности дороги, а скользил на магнитных полях, что при определенных условиях можно было трактовать как «полет». Более того современные флаеры были способны генерировать поля не только магнитной природы, что позволяло пользоваться ими и вне оборудованных для движения на флаерах дорогах. Например, на пересеченной местности.

...

– Что это было?

– Когда? – Даша внимательно уставилась на Анатолия.

– В нас опять стреляют?

– Не ссы! – проинформировал импозантный водитель, –

Они нэ пэреставали стрелять! Просто это импульсная винтовка – бесполезный игрушка, краску поджарил. А тот, что на мотоцикле, из автомата стрелял.

Даша попыталась вжать голову поглубже в плечи. Машина

постоянно виляла, ее то и дело несло, но водитель каким-то чудом справлялся с поставленной задачей. Не смотря даже на то, что в салоне с каждой минутой становилось все больше пулевых отверстий.

– Дарагой, харэ кататься! Куда приехать надо? – Наконец проревел таксист.

– Давай в посольство или в полицейский участок. Там нас хоть арестуют, а не расстреляют. Откуда столько народа с пушками? Я думал, здесь преступников на Леи вообще нет.

– Нет, – возмутилась Дарья.

– А кто в нас тогда сейчас палит? Мы уже пол часа под нескончаемым градом пуль. И ни одного полицейского! Что делать? Нам даже остановиться не дают, они просто расстреливают нас! Если мы сдадимся, то даже руки поднять не успеем!

– Так в посольство или участок? Мнэ все равно! Куда ехать? – Водитель свирепо кричал, размахивая обеими руками в воздухе. – Ты мне всю машину раздырявил! Я тебе еще сколько катать буду?

В заднее стекло прилетела еще одна автоматная очередь. Но стекло так и не посыпалось. Часть пуль прошла насквозь, осыпавшись градом внутри салона, другие застряли. И что возмутило Анатолия больше всего, стекло оставалось прозрачным. Да, в нем было две дюжины отверстий и застрявших пуль, но в остальных местах оставалось идеальным.

Он уже несколько раз получал жалящий раскаленный

удар от прорвавшейся пули, но ни разу это не привело к ранению. Обшивка автомобиля достаточно гасила скорость снаряда, чтобы он не причинил вреда человеку. Но сколько это могло продолжаться?

И тут до него дошло, да так внезапно, что он подпрыгнул и заорал:

– Конечно же! В автомобиле установлен модуль кинетического поля! Поэтому пули не могут достать до нас! Скорость просто гасится до приемлемого значения.

– Эм, да, – опешил водитель, – как и всегда. Защита от травм при аварии.

– А зачем они тогда в нас стреляют, если все равно не могут повредить?

– Нам – нет. Машине – да! Ты ишак, видал во что они моего коня превратили?

Анатолий сконфуженно осмотрел салон уже более спокойно. И действительно все кроме него занимали более-менее нормальные позиции. Водитель за рулем, Дарья сидит пришиблено, но все же на пассажирском месте и даже особенно не пригибается. И только бравый капитан пытается свернуться в калачик под сиденьем. Так. Хватит прикидываться идиотом, можно сесть, расправить спину и серьезно обдумать положение.

– А, так ты поэтому весь скрючился, – улыбнулась наконец-то девушка, – а я думала, что тебе плохо.

– Дарья, давайте обойдемся без колкостей, – Анатолий вы-

скреб из-за шивороты мелкую стеклянную крошку, – и попытаемся обдумать план дальнейших действий. Можете ли Вы оплатить услуги нашему спасителю прямо сейчас? Естественно, при первой возможности я отдам долг.

– Конечно, интерфейс продолжает работать. Кстати, судя по новостям, я заложник. А тебе грозит штраф за «принуждение к агрессивной езде», если не считать взятие заложников. Но заложников ты не брал, поэтому это обвинение будет снято, как только им удастся нас арестовать.

– А что насчет ребят, которые в нас стреляют?

– Судя по новостям – это народное ополчение.– Развела руками девушка.– Такое у нас бывает. Если на глазах у граждан происходит преступление, то некоторые смельчаки могут попытаться его... предотвратить. Или задержать преступников.

– Хорошенькое дело.

Анатолий наконец-то осмотрелся – в погоне участвовало всего две машины и мотоцикл. Да и обстреливали их не так часто, причем разряд из импульсника им прилетел, по всей видимости, не от преследователей, а от доброжелателей из толпы.

Как говорится «спокойствие, только спокойствие» и «у страха глаза велики», минуту назад Анатолию грезилась погоня из танков, вертолетов и субмарин.

– Так это другое дело! – Просиял водитель, который получил перечисление на счет от Даши. Он поправил руль, чтобы

вытащить автомобиль из очередного заноса, – это я со всей семьей смогу на море съездить... Раз триста... Со всей родней... Даже...

– Хорошо! – Внезапно решил шофер, – я за такой ба-рыш могу через полицейский участок проехать. Знаю я там, планировочку! Всего две стены протаранить придется, зато хвост точно отвалится! А хочешь, на магистраль по встречке! Я могу! Я смогу – они не смогут!

Водитель так увлекся, что потерял свой акцент. Слова у него стали получаться настолько правильные, что Анатолий во всей красе представил предложенные ему пируэты. У него даже на секунду перехватило дыхание.

– Так, давай без фанатизма. Рули к посольству, я пока думать буду. Если получится.

Водила лихо отковырял и резко вильнул, уворачиваясь от вылетевшей справа полицейской машины.

– Проснулись, голубчики! Может, они нам хвост снимут? – Еще не закончив маневр, прорычал таксист.

А что делать в посольстве? Сдаваться? И на какое время затянется разбирательство? Есть ли здесь следственные камеры? Или сразу штраф предъявят и отправят на все четыре? Или депортация на орбиту и звание врага народа? Слишком непонятно, как поведут себя эти чинуши.

Надо прорываться на орбиту любым путем. Нужна ли Дарья в экипаже? Вроде бы уже не нужна. После такого хаоса Лея для Ладоги станет запретным местом. Хорошо хоть они

не поддерживают связи с земным и общим правительством. А значит, можно будет стартовать без всяких отчетов и документов. И пусть Лея объявляет их в розыск. Тем более что все, что надо они уже сделали. Но до сих пор Леонид остается в заложниках у медиков. Как его вернуть на корабль?

А Дарью надо высаживать, ей еще на этой планете жить да жить!

– Я должен покинуть планету. – Наконец оповестил Анатолий о своих планах. – Сдаюсь в посольства, отказываюсь сотрудничать, платить штрафы, может быть, попытаюсь кого ни будь избить. Мне дают вышку и депортируют. Страшнее наказания ведь у вас нет?

– Приятель, – проснулся водитель, – это для своих нет. А для чужих есть! Вот тебе мамой клянусь, соглашайся на все. Тебя не депортируют и не убьют, если сделаешь, как сказал. Они тебя на ферму отправят или чего похуже.

– Что еще за ферма?

– Ферма? – Взвизгнула Дарья, – но это сказка! Это все вранье. Не может у нас такого быть!

– Поверь, не захочешь ты узнать этого. Давай я остановлюсь тихонько, и ты объяснишь все вон тем парням. Может еще обойдется? Не хочешь ты на ферму, от души тебе говорю.

Водитель даже повернулся к Анатолию и тот увидел его бородатое лицо, его темные глаза за тяжелыми морщинистыми веками, его широкий сильно обветренный лоб и ряды бе-

лоснежных ровных зубов.

Такси стало сбавлять скорость, но тут взвизгнула Дарья:

– Только не им! Это он! Он, Сашка, муж. Он убьет меня. Он поймет. Анатолий, прошу, я... Я с Вами! Нет, я, это я взяла Вас в заложники и угрожала расправой. Ха, да! Меня ведь точно прогонят с планеты, если это я все спланировала и угнала такси?

Девушка лепетала просительно, она умоляла. Всю левую сторону ее лица перекосило и било какой-то свирепой судорогой. Она даже полезла во внутренний карман и достала инъектор.

– Это яд! Нервнопаралитический! Ха, я... Не отдавайте меня ему!

«А она ведь боится мужа хлеще смерти,» – отметил Анатолий, отбирая странную иглу у девушки из рук. Он крепко сжал ее запястья, и обнял, так, что ее руки перекрестились за лопатками.

– Я уже решила, – еле слышно простонала она ему в грудь, – это правда яд. Это если не получится. Это если... чтобы точно не возвращаться. Я... Мне не нужны деньги, у меня есть деньги. Но я... Это его деньги. Он не убьет меня, нет... Он еще ни разу не убивал меня, так чтобы насовсем. Он знает, как надо. Я пыталась... Но я не могу убить его. И боялась... себя... А теперь не боюсь. Отпусти, я вколю это. Надо в вену. Я же знаю как. В вену, тогда не успеют ничего сделать...

Анатолий глядя в глаза шоферу покачал головой, понял ли он, или просто не получив ответа, прибавил скорость, но такси так и продолжило, подволакивая на ровном месте мчаться вперед.

– Мужик, – наконец что-то произнес водитель, тихо, даже не пытаясь быть услышанным, – не думай, она не врет. Знаешь сколько таких молодых дурочек. Да и парней тоже... Думаешь, раз тут так хорошо, раз все сыты и одеты – то и жизнь счастливая. Я повидал вырожденков. Думаешь, что раз у нее все есть, и самая она красотка, каких поискать? А может быть и правда дурочка, а может быть и просто избалованная сучка... Но знаешь, садится иногда ко мне в машину такая... дурочка. С парнем, мужем, любовником. А глаза у нее такие же. Думаешь, они меня видят? Нет, не видят. Я для них просто водитель, не человек. И бывает, знаешь, заломит он ей так руки. Да нет, не именно ей, а любой другой. Или она ему пальчиком так поиграет. Не знаю, что такого они там с нами делают, дома делают. Но сидит она бледная – шелохнуться, вздохнуть боится. А он ей как куклой играет, называет ласково. А сам руки крутит или шею выворачивает... А ей только плакать и скулить остается. А если слишком громко, то по морде...

Водитель сжал руль до белизны в костяшках.

– Отдашь ее ему?

– Не отдам, – нехотя признал Анатолий, – себе не возьму, но ему не отдам. А делать ей в космосе тоже нечего. Мне на

борту медик не нужен. Шалавой на космостанции сделать ее хочешь? Или при Ладого пятым колесом болтаться? Ее дом тут, на Лее, куда ей? Посуду в кафешке на Земле мыть? Так там своих достаточно. И что делать? Ну, тормози. Убивать его буду. Эк, он красавец, на флаере. Сам, разглядел уже. Есть у них оружие?

– Ты что сдурел? – искренне удивился шофер, – не дури и сиди ровно. Возьмешь ее в космос, а там видно будет. Меня Тамир зовут. Запомни это имя. Пригодится.

Анатолий приподнял бровь. Круто! Таксист с манией величия.

– Ладно, Тамир, и что мне делать?

– Отбери у нее эту гадость, – акцент таксиста полностью исчез, Анатолий отметил, что в его голосе появились даже некие Земные нотки. Или только показалось?

– А теперь слушай внимательно. Ты в розыске, обвинение дурацкое – это всего лишь штраф. Но если тебя возьмут, то пришьют еще и перестрелку. А если были пострадавшие, то тебе на Лею уже нельзя будет соваться никогда. Поэтому тебе надо залечь или свалить на время. Через пару недель штраф оплатить обязательно надо будет. Это можно сделать и из общей сети. Разберешься. Иначе опять же – враг народа. Девка эта... Ты ее берешь с собой, а я сделаю так, что ее здесь искать никто не станет. Это понятно? Сейчас я тебя высажу в укромном месте, и ты там будешь сидеть, ровно час не шевелясь. Потом делай все что хочешь. Только ментам на

глаза не попадайся. Найди дальнобойщиков – они помогут уйти с планеты. Или скажут, кто поможет. Платить придется много. Так что готовься.

– Да кто ты такой?

– Тамир. И я таксист.

...

Леонид сидел на упругой шляпке гриба, скрестив ноги по-турецки. Сюрреалия сюрреалий.

«Так, ладно, спокойно... Спо-кой-но», – молодой человек сжал голову руками, сплел пальцы на затылке в замок, – «Ничего страшного. Я еще тут, а значит – еще жив. Я вроде как мыслю, а следовательно существую. Но есть два насущных вопроса: существует ли моя тушка и почему, черт возьми, я тут застрял так надолго?»

Персонажи сказок на поляне сменялись и сменялись. То появлялись новые зверьки, то люди. Но люди надолго не задерживались. Только черепаха продолжала слепо брести в пространстве. Остальные «гости» растворялись в воздухе спустя минуты после появления.

Однажды рядом с Леонидом возник тощий готический парень в белом врачебном халате, сухо зачитал формальную бумагу и, не дожидаясь ответа, испарился. Из речи, видимо, медбрата, пилот узнал о том, что замысел его увенчался успехом, о том, что сейчас его тело находится на хирургическом столе, что его состояние стабильно тяжелое. А на проведение медицинских манипуляций потребуется еще неко-

торое время, хотя жизни Леонида уже ничего не угрожает.

«Если верить докторишке, то паникую я напрасно. Но что, если мне он только привиделся?.. Да нет, быть этого не может. Но что же тогда делать? Сидеть так уже сил никаких нет... Ладно, хоть волосы у меня сейчас нарисованные, и рву я их не по-настоящему...»

Леонид резко вскочил с гриба, сделал несколько судорожных шагов в сторону, резко свернул в другую... И снова схватился за голову. И снова со стоном рухнул на пятую точку.

«До чего же хочется выпить... Есть здесь гребанный бар? Или морду начистить кому ни будь? Ни за что, а от щедрот душевных...»

Душевные метания, нависшая тягостная неизвестность и томительное ожидание не шли пилоту на пользу.

Не отдавая отчета, парень начал дубасить один из грибов. Он бил его с отчаянным иступлением, словно от этого зависела его жизнь. Ему хотелось выть, плакать, рвать волосы на голове, биться головой об стену. Но здесь это все было бесполезным. Двадцать минут упражнений с грибом не оставили на нем ни единой отметины. И Леонид даже не вспотел. Тогда он попытался вырвать пухленький мухомор из земли, и даже этого ему не удалось. Этот мир позволял отломить от шляпки кусочек, этот мир позволял попробовать гриб на вкус, но этот мир не позволял кромсать свое имущество. Этот мир заживлял любые ранки раньше, чем их мог бы заметить человеческий глаз.

Час назад Леонид был на берегу пруда, где мир позволял подбирать гальку и пускать «блинчики» по воде. Но этот же мир не позволял этим камушкам лететь в любом другом направлении. Снаряды просто исчезали, если траектория могла кому-то навредить.

– Я сейчас взорвусь... я так больше не могу... – со слезами в голосе пожаловался Чекалов, ему стало еще отвратнее от того, что он услышал этот свой голос. Не мог себе позволить пилот разговаривать таким тоном. Гнев, скука, похоть – да, по сути, говоря, любая эмоция, но не страх, и уж точно не отчаяние. Только не отчаяние.

Он бы сейчас предпочел вскарабкаться по горам или копать бессмысленные траншеи, лишь бы избавиться от этого ощущения. Пусть сложная и утомительная работа в его положении не могла ничего изменить. Пусть! Но хотя бы чем-то заняться. Но нет! В этом мире он не чувствовал усталости, ему не надо было напрягаться, чтобы поднимать тяжести. Даже когда он пытался вырвать гриб из земли и прилагал к этому все свои силы, всю свою волю, он ощущал эти усилия как-то опосредовано. Словно смотрел на стрелку манометра, отмечающую, что вот сейчас приложено сорок процентов силы, а вот теперь девяносто семь.

«Что за изверг придумал правила этого мира? Почему я могу ощущать тревогу, панику, смятение, но не могу ощутить усталость и физическое напряжение?» – в который раз закусил губу Леонид.

Он бы точно прокусил и губу, и щеку, и разгрыз бы запястье до крови, если бы это было возможно.

Боль. От укуса или удара чувствовалась. По началу она даже слегка отвлекала, но кажется мозг сумел отфильтровать фантомные ощущения. И теперь он ощущал повреждения тактильно, осознавал, какие именно ткани повреждены. И все! Так, должно быть, реагирует на повреждения киборг или робот.

И все же Леонид старался надолго не покидать поляны, на которой он появился. Он подсознательно верил в то, что «исчезнуть» он должен там же, где и появился. Словно здесь располагались некие двери, через которые можно пройти.

– Все, я пошел искать бар, – заявил Леонид, – если кому понадобится, ищите меня хрен знает где! И если я там помер, у вас на операционном столе, то Богом клянусь, лучше бы вам об этом мне рассказать как можно скорее.

Голоса свыше пилот так и не услышал. Ну, что же, тогда пустимся в странствие.

Поляна пропала из виду и лес начал сгущаться довольно скоро. Ни тропок, ни других следов цивилизации по пути ему не встречалось. Спустя некоторое время появились нормальные грибы: сыроежки, маслята, под елями изредка торчали кучки боровиков или подосиновиков.

В других обстоятельствах такая прогулка показалась бы парню приятной. И даже нелепые подосиновики в еловом лесу не слишком сильно расстроили бы его. Он бы с изумлени-

ем любовался бы зарослями можжевельника на краю оврага и с восхищением бы прислуживался к мерному урчанию дикого улья.

Но когда слегка позади он различил огненно рыжее пятно, мелькнувшее между зарослями малины, он остановился.

– Я видел тебя, выходи.

Тишина.

– Слушай, я же заметил тебя. Какой смысл теперь прятаться? Ты идешь за мной, ты следишь за мной? Ну и что с того? Может, лучше перекинемся парой слов?

Неужели показалось? Или это белка? Но даже если это белка – другой пациент при смерти или, пускай даже, персонаж этого мира, нарисованный компьютером образ, что с того? Все же это был хоть какой-то собеседник. Мог быть.

Леонид прислушался к своим ощущениям – отчаяние отступало, на его место пришла тоска. Что же, уже немногим проще.

– Я, кажется, застрял здесь. Ну, понимаешь, совсем застрял. – Пилот не спеша побрел в прежнем направлении, – Это, представь себе, достаточно страшно. Я даже не знаю, как обстоят дела там, в реальности. Знаешь, мне начало казаться, что я умер. Что мое тело на операционном столе скончалось, что врачи не справились, а я покойник. И все это мне только кажется. Может быть это раем или адом? Я как-то читал, что после смерти человек должен попадать на Страшный суд. И большие дядьки должны решать, был ли чело-

век хорошим или плохим. Если человек прожил правильную жизнь, то его отправят в рай, а если плохую – в ад. Так вот, я не помню, как меня судили... Могло ли пройти слушанье заочно? Судя по всему, слушанье моего дела прошло заочно. Вот бы теперь еще знать, в раю я или в аду. Потому как, если это рай, то мне бы стоило начать получать удовольствие. А если ад, то я как бы, все правильно сейчас делаю. Подумать только, мир в котором я не могу навредить себе, не нуждаюсь в еде и питье мне представляется адом.

Леонид перемахнул через ствол поваленного дерева. Ствол этот был покрыт сухим теплым мхом и казался идеальным, чтобы присесть на него и отдохнуть после долгой дороги. Но усталости так и не ощущалось.

– А ладно, не бери в голову... Я в детстве любил гулять по лесу, это еще до того, как научился гонять на флаерах. Да, когда у меня появилась эта «адская машина», как ее называла мамка, я про все на свете позабыл. И про леса, и про рыбалку, и про учебу. – И немного грустно добавил, – даже про друзей. Всех старых друзей уже забыл. Но мне тогда лет двенадцать было. Я обычную школу на кадетскую сменил. И все старое осталось в прошлом. Все-все.

Ироничная улыбка появилась на лице парня.

– Не важно... Около нашего дома была березовая роща, за которой начинался сосновый бор. Настоящий лес, с болотами, зарослями малины и дикими животными. А вот елок там не росло. Или почти не росло. Однажды мы с пацанами...

Нет, никого из них сейчас уже не вспомню. Даже как зовут не вспомню. Мы с пацанами нашли старую бомбу. Или мину. Знаешь, тогда она нам показалась громадной, но сейчас я бы сказал, что это был неразорвавшийся снаряд миномета. Старый проржавевший. А скорее всего даже болванка – рядом с нами была воинская часть, на которой могли проходить учения с устаревшими снарядами. Могли они стрелять из миномета снарядами без начинки? Могли. Но мог это быть и боевой снаряд, оставшийся после войны. Допустим, пролежал он лет двести, так никем и не обнаруженный.

Леонид сорвал какую-то веточку и ее кончиком собрал идеальную паутинку. Парень с досадой отметил, что паучья сеть по ощущениям была слишком прочной и не липкой.

– Зачем-то мы решили притащить эту бомбу домой. А теперь представь реакцию наших соседей, когда увидели, как орава малолеток пинками катит военную мину из леса! Ох, и досталось же нам тогда. Приезжали какие-то военные, видимо саперы. Не знаю, не помню, чем тогда все закончилось, забрали, наверное, они эту мину, и взорвали на полигоне от греха подальше. Но к чему это я? Знаешь, наверное, это первый раз, когда я мог умереть. То есть это мое первое воспоминание, когда я гипотетически был на волосок от смерти.

Леонид перестал высматривать своего слушателя. Увлеченный своими воспоминаниями он просто предполагал этого собеседника. И даже лучше, что он не перебивал. Наверное, парень перестал оглядываться еще и из-за того, что бо-

ялся обнаружить, что оранжевое ему просто показалось, и оно больше не мелькает между лесной зелени. Как ни крути, а разговаривать сам с собой он был не готов. Ему нужен был слушатель, настоящий или воображаемый.

– Второй раз, когда я должен был умереть, произошел тем же летом. А может быть и следующим. Я только научился держаться в воздухе на новеньком флаере. Это не так просто, скажу я тебе. Дело в балансировке. Как только отключаешь магнитную ловушку – сразу оказываешься в воздухе без какой-то опоры. Это как попытаться балансировать на кончике иглы. Стоит слегка отклониться в сторону, и флаер соскальзывает туда же, как по маслу. Перевернуться – не перевернешься, но на месте устоять невозможно. Нет, понятно, учился я кататься на дорожном покрытии с включенной магнитной ловушкой, но угораздило же меня тогда соскользнуть с дороги на обочину. Вот тогда мы повеселились. Я руль поворачиваю, а фалер в другую сторону скользит – ловушке зацепиться не за что, на обочине покрытия нет. Я на тормоз жму, а эффекта нет никакого. И вот тогда я со страху додумался двигатель заглушить. Выключил я эту «адскую машину», да, именно тогда мамка и прозвала фалеры этим дурацким прозвищем. Флаер рухнул на землю, а скорость была такая, что его перевернуло и кубарем покатило. Ребро мне сломало. А могло бы и шею. Я тогда перепугался, хотя родители перепугались сильнее, конечно. Я два дня к гаражу боялся подойти. А через неделю тайком залез в гараж и умык-

нул его. Катался весь день. Только под вечер домой вернулся. Да, это был первый раз, когда мне из-за флаера по-настоящему влетело. Ты же понимаешь, у меня еще ребро тогда не заросло – почему-то тогда не стали лечить меня в медицинской камере.

Леонид остановился и сладко потянулся.

– Да не, ты не думай. Скажешь, кто с флаера не падал, когда кататься на нем учился. Это тогда врач так сказал. Может быть, и просто напугать пытался, но он сказал, что если бы еще чуть-чуть, и сломал бы мне флаер шею. Это мне очень хорошо запомнилось. Сидели они тогда с отцом в гостиной и пересматривали запись камер наблюдения.

– А я помню только это, – спокойно поделился лис, – здесь хорошо, но никогда ничего не меняется.

– Печально.

– Нет, все хорошо. Я хотел тебя спросить... Можно?

– Конечно, валяй. Спрашивай все, что придет в голову, – бравурно задрал нос Леонид.

– Ну, – лисенок мешкал, словно то, что он хотел спросить было очень интимным, – тебе, правда показалось, что я мальчик... Что я живой мальчик.

– Да, – пилот с подозрением уставился на зверька, он ждал продолжения. По его мнению, такими вопросами просто так не разбрасываются. Только через четверть минуты он услышал робкое продолжение.

– Я боюсь, что я не настоящий. И это, скорее всего, так. –

Хищный зверь виновато улыбнулся, – Я никогда не видел настоящего мира. Я никогда не чувствовал своими органами. Я не верю в то, что где-то есть мое настоящее тело. Я просто программа. Представь себе самообучающийся компьютер, который подключили к виртуальному миру с помощью тех же каналов связи, что и людей. Сможет ли такая имитация развиваться в то, что ты видишь перед собой?

Пораженный Леонид полностью потерялся. Он видел перед собой существо, которому было откровенно стыдно спрашивать то, что оно спрашивало. Робкий, смущенный и потерявшийся ребенок. Может ли быть он программой, а все эти эмоции, которые он наблюдает – симуляцией, имитацией?

– Ты первый, кто сказал мне, что я человек. Я общаюсь только с лаборантами, воспитателем и случайными... коматозниками, – слово «коматозниками» лисенок произнес с горькой усмешкой, но продолжил, – Карл, мой воспитатель, может быть всего лишь специалистом по кибернетическому разуму. Ему бессмысленно задавать такой вопрос. Но и с другой стороны, я бы не хотел его обижать. Он добр и действительно учит меня многому. Он рассказывает мне про реальный мир, показывает нужные ролики. Он объяснил мне, что нельзя смотреть все ролики подряд, потому что я пока еще не умею различать настоящие от придуманных. Он думает, что художественные ролики испортят мое представление о реально мире. Так как ты думаешь? Я, правда, очень

больной ребенок? Или я программа, которую воспитывают словно человека? Я эксперимент?

Лис все распался, и уже перешел на крик:

– Я знаю, что я не настоящий! Я либо с рождения больной, ни на что не способный, мертвый кусок мяса, вокруг которого непонятно зачем крутятся и ухаживают. Либо компьютерный эксперимент. Мне в любом случае никогда не увидеть мир. Я здесь навсегда останусь, как в тюрьме. Но ты мне скажи, я могу быть живым ребенком? Или я вообще не настоящий?

Леонид молчал. Он пристально смотрел на нарисованного зверя. Он пытался представить себе его положение и не мог.

– Сколько тебе лет?

– Они говорят, что семь. Нет, уже восемь. – Лисенок шмыгнул носом.

– И ты помнишь каждый свой день здесь?

– Нет, конечно! – возмутился зверь, – ты хочешь поймать меня на этом? Если я программа, то должен помнить все, у меня просто должны храниться эти воспоминания, как в банке данных? Не смей меня! Нет никакой надобности сохранять всю информацию. Наиболее важная и интересная – сохраняется в виде ассоциативных рядов. То, что не интересно и не важно – удаляется или замещается менее информативными ассоциативными рядами понятий. Современный фотоаппарат способен распознавать объекты на снимке и хранить вместо изображения только представление об объ-

ектах, попавших в объектив!

– Хорошо, значит, это ничего не доказывает? Но ты слишком умен для восьми лет. Я тебе дам никак не меньше двенадцати. А то и шестнадцать.

Лис усмехнулся.

– Взгляни вокруг! Ты видишь здесь детей? Мне неоткуда взять модель поведения. Хочу я этого или нет. Мой характер складывается не из физиологических потребностей и ограничений, а из представлений о том, как должен себя вести кто-то вроде меня. Я читаю много книг, я общаюсь с незнакомыми людьми, я наблюдаю, в конце концов. Я не могу осознать себя до такой степени, чтобы полностью управлять своим характером, поведением и психикой. Но я способен отдавать отчет, из каких паттернов она сформирована. Ну, да... Круглые глаза... Леонид, ты не читал психологических книжек, которые читал я.

– А теперь я бы не дал тебе меньше тридцати... Циничный, злой, образованный. Никогда не видел компьютер, способный так сильно раздражать.

– Вот спасибо тебе на добром слове. Я так и думал.

– Чего ты думал? – раздосадовано воскликнул Леонид, – что я дам тебе ответ на все вопросы? Ты ведешь себя как человек, капризный, самолюбивый человек. Может ли компьютер симулировать такое поведение? А мне откуда знать! Может – если ты меня об этом спрашиваешь. Может ли компьютер фантазировать, робеть и страдать? Не знаю. Может

быть, и может. Есть такая сказка, «Буратино», называется. Там вообще палено мечтало стать настоящим мальчиком.

– Пиноккио. Эта сказка называется Пиноккио, – грустно поправил компьютерный лис.

– Есть же роботы и интерфейсы реального присутствия. Ты сможешь побывать в реальном мире. В любом случае сможешь. Есть ли у тебя душа и самосознание? Да, черт возьми, я печенкой готов поклясться, что разговариваю с живым человеком, даже если ты и был когда-то программой. Ты думаешь, люди не задаются теми же вопросами что и ты сейчас. Я имею в виду люди, которые воспитывались не в воображаемом мире. Я тоже раб своего тела, я тоже вижу мир глазами. Я не помню мига своего рождения. И могу ли я с уверенностью утверждать, что то, что я ощущаю – и есть реальность?

Минута молчания повисла в нарисованном лесу. Леонид смотрел на свои руки. Да они сейчас очень походили на его настоящие руки. Только он не мог посадить занозу, эти руки не могли устать или стать сильнее. Но нарисованные вены точно так же пульсировали под нарисованной кожей, как бы пульсировали и в реальном мире.

– А ты был, когда-нибудь, мальчиком? Или всегда в теле лиса?

– Да, конечно. Мне можно принимать облик любого млекопитающего. Странное, наверное, ограничение. Я имею в виду, почему именно млекопитающие? Есть же птицы, лягушки, насекомые...

– А можешь принять образ себя?

Лис усмехнулся.

– Думаешь, это что-то доказывает или объясняет?

– Можешь сделать это прямо сейчас?

– Да, мне надо только перезайти. На это понадобится около минуты.

– Стой, а что ты видишь, или ощущаешь, когда «выходишь»?

– Да, ничего особенного. Все то же самое, только работает одно зрение. Я вижу менюшки, тексты...

Лис исчез, растворился. И Леонид снова остался в одиночестве.

Вот это проблемки! Интересно, а есть ли на этом свете люди, просто самодостаточные люди, довольные своей жизнью, своим местом. Можно ли просто жить, и не метаться в поисках спасения себя? Или это ему так везет на экстраординарных знакомых? Одна смертельно больна совершенно экзотическим вирусом, другой потерял все и сейчас пытается из осколков собрать себе новую жизнь, сам он ринулся в авантюру от смертной скуки. Ему даже стало стыдно за то, что его причина отправиться во все тяжкие такая инфантильная. Хотя, вспоминая те месяцы до полета... Даже сейчас, находясь в нарисованном медицинском мире, а в реальности находясь на столе реанимации уже больше пяти часов – он чувствовал себя более живым, чем в те дни, когда еще не познакомился с Окским и не нанялся в его странную ко-

манду.

– 4 –

Космос вообще не располагает к интересным и насыщенным историям. Слишком много пустого пространства между искрами, которые можно назвать оживленными, населенными или хотя бы обжитыми. Да, для того, кто родом с Земли невозможно представить всей этой вселенской скуки, когда космический корабль рвет законы физики и преодолевает световую скорость – слишком быстро чтобы представить и просчитать, но невообразимо медленно, чтобы действительно путешествовать с комфортом. Зато наука, если ее еще можно назвать этим словом, постигла законы квантовой запутанности, мнимой определенности и механики черного ящика. И все еще ничего не объяснила. Да, она дала инструмент, закономерности, формулы, которые что-то описывают, но ничего не объясняют и не доказывают. Из этого можно сделать два вывода – первый, фундаментальный о том, что наука ни что иное, как еще одно, очередное, мировоззрение. Наука уже доказала свою несостоятельность со всеми ее формулами, моделями и экспериментами, хотя бы даже потому, что объем исключений в любом правиле должен быть конечным, если мы говорим о научном аппарате. А на деле, выходило, что большинство тезисов работает только в конкретных условиях.

А второй вывод дарит человеку и человечеству призрачную надежду, что природа среды в которой мы обитаем, не

ограничивается физическими законами, и не нуждается в формальном описании.

Ладога пронзала пространство с относительной скоростью 88 миль в час, что по меркам космоса – тьфу. Скорость эта измерялась относительно ближайших кораблю точек пространства. Однако если замерить скорость корабля, как материальной точки относительно центра галактики, то в одних случаях она равнялась абсолютному нулю, а в других измерениях та же материальная точка под названием Ладога двигалась с постоянным ускорением равным скорости света, помноженной на мнимую единицу.

А теперь сделаем мысленный эксперимент и решим задачу, в которой поезд выехал из точки А, в точку Б и на это потратил примерно сорок два дня. Причем точка А и точка Б могут быть произвольно взятыми.

Сложно? Вот так и летают все, давно перестав удивляться, что полет до спутника той же планеты может занять в разы больше времени, чем скачек на противоположный край галактики.

И мы бы уже давно научились совершать такие «прыжки» в пространстве, которые позволяют преодолевать любое расстояние не более чем за сорок два земных дня, если бы первооткрыватели и их коллеги не лишались бы рассудка при попытке осмыслить принцип такого перемещения.

Кстати, на любой планете в обязательном порядке теперь устанавливают памятник умалишенному физику на

центральной площади крупнейшего города с космопортом. Так, в назидание потомкам.

И все же это занятные факты, и только. Они редко интересуют работников флота.

В рядах ученых уже вторую сотню лет царила фрустрация. Инженеры и пилоты легко обходились без сложных выкладок, а те, кто умудрялся оснащать космический флот все новыми образцами техники, уже даже перестали пытаться что-то кому-то объяснить.

«Дык, либо оно тебе дано, либо нет,» – разводили руками ребята в испачканных спецовках: «Это же как кататься на велосипеде – книжки читать бесполезно. Надо пробовать!»

И все же таким одаренным приходилось тесно сотрудничать с нормальными инженерами, ведь прыжки работали только вне атмосферы и всегда выводили путешественников недалеко от желаемой точки пространства, но всегда в стороне – подальше от скопления массивных физических объектов. Швартоваться, приземляться и стыковаться им приходилось, руководствуясь классическими представлениями о вселенной и физике.

Ладога вместе с экипажем пятые сутки дрейфовала в состоянии неопределенности. По ощущениям, полет должен был продлиться еще неделю. Все было штатно и обычно. Навигационная аппаратура выключена – в состоянии неопределенности нет нужды корректировать курс, можно просто расслабиться и получать удовольствие. В этот раз даже связь

с миром работала исправно, и члены команды могли привычно шерстить сеть, получать новости и спокойно переписываться с родными и знакомыми. Но гнетущее напряжение, нарочитое спокойствие и отрешенность капитана вгоняла остальных в тоску, но они даже не пытались заговорить друг с другом. Они выполняли свои обязанности, словно и не замечая остальных. От того напряжение только нарастало и крепло.

Дарью разместили в медицинском отсеке, и она в первые часы после старта с головой ушла в инспекцию кабинета. Бесконечные скляночки, порошочки, таблеточки, вызвали у нее искреннее недоумение. На борту же есть медицинская камера! Зачем иметь в наличии те же седативные, если автоматика способна устранить любой дискомфорт? Допустим, Анатолий перестраховывается и имеет набор препаратов первой необходимости на случай выхода из строя автоврача, но зачем такой богатый ассортимент и в таком количестве? Ладно, вот эти и эти Дарья смогла опознать, но дюжина флаконов пестрила совершенно неизвестными названиями. Еще десятка два наименований казались смутно знакомыми. Но, скажите мне на милость, что делать с вот этой трехлитровой банкой, набитой на три четверти пестрыми разномастными капсулами? Есть их наугад горстями?

После того, как она четвертый раз проснулась в своей каюте, ей стало как-то не по себе. Она уже пятый день наводила здесь порядок, сортируя лекарства и прочую утварь, и до

сих пор к ней так и не загляну.

Медотсек комплектовался портативным генератором питательной пасты, и девушка просто брала очередную дозу, когда чувствовала голод. Но теперь, когда уборка закончилась и она оглядела труд рук своих, пришло осознание, что прошло уже довольно много времени.

– Здравствуйте, – обратилась она к молодому парню, откинувшемуся в кресле пилота. – Я Даша, ваш новый медик. Если Вы позволите, я бы хотела познакомиться, и провести первичное обследование.

Пилот сфокусировал удивленные глаза на лице девушки:

– Как ты сюда попала? Мы же в космосе!

Сонная растерянность на лице Леонида сменилась озабоченностью и страхом.

– Леонид Чекалов? Я права? Я была нанята в качестве бортового медика на Леи. Нас же знакомил Анатолий, когда я только прибыла.

– Гм, допустим. – Парень немного успокоился, но продолжал коситься на девушку с подозрением, – Но где ты все это время была? Я готов поклясться, что нас на корабле было только трое!

– У себя в каюте. В медицинском отсеке. Там столько барахла! Я пыталась разобраться и сделать перепись вверенного мне имущества.

– У нас есть медицинский отсек? – Пилот видимо вызвал перед собой схему Ладоги. Нет, никаких голограмм он не

проецировал, довольствуясь виртуальным интерфейсом, отметила про себя Даша. Но ладно, спишем эту неучтивость на крайнее ошеломление.

– А, вот... Да... А я думал, что слева от грузового отсека находится подсобка.

– Нет, подсобки у вас нет. – Покраснев от злости, чуть ли не прорычала девушка, – А ты всегда так встречаешь новых коллег? Или это для меня решил сделать исключение? Между прочим, я квалифицированный специалист и у меня нет особого желания продолжать общение с подобными хамами. Вот!

– Ну, извини. Я пилот. Леонид. И нет у меня привычки лазить по закрытым помещениям. Просто до тебя в этой комнате Сима хранила разные железяки. На твоём месте я бы не распинаясь, а дозиметром проверил апартаменты. Все-таки там до тебя жили старые военные двигатели и канистры с отработанной смазкой и топливом.

– Стой, так ты реальный врач? – внезапно кардинально изменив тон проникновенно поинтересовался Леонид, – возможно ты действительно можешь помочь Симе. Это наш механик. Она... Ну, что я тебе рассказываю, кроме нее и Анатолия на борту больше никого нет...

Пилот почесал затылок:

– Или есть? Я при взлете был немного не в себе. И, хоть убей, не помню, как тебя взяли в полет. Может еще что-то где-то неучтенное есть?

– Не беспокойся. – Язвительно ответила Даша, – если и есть, то ты этого не заметишь. Пойду познакомлюсь с механиком лучше. Может быть она нормальная...

– Стой! – Пилот вскочил с места и ухватил девушку за руки, – подожди! Сейчас не лучшее время. Давай через часик. Я сам схожу и позову ее сюда. Ладно?

Резкий переход на просительный тон заставил Дашу опешить.

– Тогда я доложусь Анатолию. – предположила она.

– А вот это вряд ли. Наш капитан заперся у себя и не отвечает. Никогда его не видел таким... таким злым. Он выходил часов десять назад сюда. Осведомился как идет полет, и не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Но смотрел он на меня так, словно придушить собирался.

Даша ойкнула и села.

– Кажется это из-за меня. Но я же не знала. Я ведь и правда квалифицированный медицинский работник. Просто...

– Что не так? Не может он из-за тебя так с ума сходить. Ну, что могла натворить такого страшного одна молодая девушка, чтобы такими страшными глазами смотреть на своего верного пилота, товарища и соратника?

– Мне так стыдно. Я и правда врач широкого профиля. Эта была дополнительная специализация нашего университета. А по основному профилю я ксено-психотерапевт.

– Ты чего? – после минуты молчания Леонид переспросил девушку.

– Я специализируюсь на изучении отклонений поведения иных форм жизни.

– Так ведь не было еще контактов третьего типа. – Опешил пилот, – у нас нет ни одного инопланетянина. Где-то кто-то, говорят, сталкивался с блюдцами чужих, но это настолько редко...

– Теоретически. По идеи, при контакте с другими цивилизациями я должна суметь сделать их типовой психологический портрет, независимо от того, насколько чужеродным будет их сознание. Но специализируюсь я на изучении отклонений их поведения. Это очень сложно, не зная базовой модели мышления судить о девиациях.

Леонид сморщил лоб и оскалил правый клык в попытке простимулировать мыслительные процесс.

– Другими словами, ты училась изучать то, чего нет? Не существует и быть не может? И даже не так, ты училась находить ошибки, браки в том чего нет? Это вообще реальный университет? Или... А, покажи мне диплом.

Даша сложила руки, как пристыженная школьница:

– Все документы находятся у капитана судна.

И тут Дарья увидела, как пилот сначала хрюкнул, пытаясь сдержаться, а потом и загоготал в открытую.

– Знае... Знаешь, что нам... диспетчер, знаешь, что нам сказал? Перед отлетом он заявил: «Я очень рад, что ваш врач вернулся. Надеюсь, она сумеет вас вылечить.» Я еще тогда удивился, что он имеет в виду. Я только из госпиталя после

авария, про болячки Симы он не знает. От чего нас должны лечить? А он нас в пси... в психи записал. В дурке день открытых дверей! Я-то думал, почему нас в первую очередь отправили. Зеленый коридор дали... Да... Даша... Ну, не переживай, Анатолий не будет долго злиться... Он мужик нормальный... Да, но подколола ты его знатно.

Пунцовая девушка уперлась взглядом в пол и даже дышать перестала.

– Боже, спасибо Даша! Знаешь, последнее время настроение отвратительное. Ничего не получается, – внезапно посерьезнел пилот, – тупо, глупо и ничего не выходит... Да не, не стоит сейчас все рассказывать, но похоже все напрасно было. И сам я тоже загнался, вот сижу и терзаю себя. Обнадежил, а ничегошеньки не могу сделать... Кхм... А вот ты появилась и немного полегче на душе стало. Давай чаю выпьем, и я продолжу...

– Ты спал когда? – низкий грудной голос угрожающе протрубил над левым ухом Леонида. Сима вперила кулаки в бочки и угрожающе нависала над парнем, – Спал ты когда?! Ты посмотри на себя, уже на зомби похож стал. Ты себя угробить решил? А руки? А руки трясутся, как у старика. Давай так, если ты сейчас спать не ляжешь хотя бы на шесть часов, то я вколю тебе снотворное. Понял?

– Сима, – голос Леонида перехватило, и он вдохновлено простонал, – Сима!

Сима взяла в охапку бедного пилота и оторвала его от зем-

ли. Уже в воздухе он затараторил:

– Сима, хватит. Ну, куда ты меня тащишь. Я этих мелких уже почти поймал. Мне еще... ну еще два часа работы нужно! И я смогу тебе посадить колонию. Сима! Не дури. Я не ребенок! Не надо меня пеленать и убаюкивать. Я еще вполне способен работать. Смотри... Да посмотри же ты, я уже подобрал ключ шифрования. Я смог направить часть колонии на магнитную ловушку, но я не могу переписать их ядро! Почти выходит!

Водруженный на свою койку пилот внезапно рассвирепел, ударил смуглую женщину по щеке, вскочил, снова сел.

– Семь часов, – потерянно заявил Леонид, рассматривая свои пальцы, – колония ботов распадется через семь часов. Если я до этого времени не придумаю как хакнуть ядро системы, то они просто отключатся. Я должен пытаться.

Леонид уставился влажными глазами в ничего не выражающее лицо женины. Хоть они и сидели сейчас на одной койке, но парню приходилось задирать подбородок, чтобы увидеть ее большие карие глаза. Нет, Сима его не привлекала как женщина. Она для него было чем-то средним между голодным медведем шатуном и матушкой. Суровая, грубая, большая и при том мягкая и такая родная.

– Я могу направить колонию ботов куда хочу, но лечить они будут только мое тело. Все бесполезно. Я уже все перепробовал. Я только могу подделать их внутреннюю связь. Этого достаточно, чтобы привести их в твою ловушку, она

потрясающе. Но дальше швах. Ни в какую не выходит. К завтраку это будет четыреста грамм бесполезной металлической пыли. Прости.

– Нет, все хорошо. – Облегченно вздохнула Сима. – Значит, я на станции Марата схожу. Зачем Анатолию понадобилось туда так срочно прыгать, не знаешь? И я не знаю... но это ничего. Лень, поспи. Надо. Ты хороший мальчик. Ты и так уже очень многое для меня сделал. Эти месяцы для меня были... Посмотри, я счастлива. Я нашла самую лучшую компанию. Лучше и быть не могло.

– А в чем дело? – Робко вставила Даша, – Я ничем не могу помочь. Я ведь врач.

– Не лезь в это, девочка. Просто, старая толстая Сима стала совсем старой.

– Синдром Махорского. – Смотря в стену, сказал Леонид. – Новый модный ментальный вирус. Я так и не могу понять, как эта херня работает. Вроде как компьютерный вирус, только в голове.

Даша вскочила, округлив глаза.

– Да сиди ты, – махнула рукой Сима, – не заразно. Передается при общении через анигма-канал. Чисто военная плюшка. Вот, отдала долг родине. А в благодарность хоспис. Но благодаря Анатолию я еще долго протянула. Только медкапсула работает сейчас на одну меня. Через четыре часа кожа струпьями покрывается, мясо гнить начинает, из глаз сукровица... Дальше хуже. Да, Леня, теперь уже четыре часа.

Даша встрепелулась, желая поделиться познаниями и возможными вариантами, если не лечения, то купирования болезни.

– Ой, да сиди ты! – снова махнула Сима рукой на девушку, – Все я знаю и пробовала. И нейропрограммирование, и чипы имплантировала, и к шаманам ходила гипноз делать. Думаешь умная? Сто сорок четыре случая заражения описано. И семь лет – лучший результат. Знаешь, как его наши называли? Ксенос. Они в серьез считали, что это чужая форма жизни и разума. Да и сейчас считают.

– А что вы тогда с медицинскими микроботами делать собрались, если надежды никакой нет?

– Это даст время. А дальше мы хотели Глорьского жука посадить.

Даша побледнела и лишь титаническим усилием воли подавила рвотный позыв.

– Это же...

– Да, – продолжил Леонид, – жуткий паразит подчиняющий разум людей. Обитает на болотах Глории. Мы прикинули, что если эта тварь легко подавляет разум человека и способна им манипулировать, то не потерпит и психовирус Мухорского. А там можно будет думать насчет физического удаления личинок, при помощи тех же самых ботов.

– Это же ужас. – бледная девчонка оперлась спиной о стену.

– Это единственное, что осталось попробовать. – Спокой-

но поведала Сима.— Армия уже все остальное попробовала. И токсическое поражение мозга, и лоботомия, и в кому людей сбрасывали. И все равно семь лет — крайняя граница. А жучков не подсаживали из соображений гуманности. Вот такая лицемерная у них гуманность. Зато у нас надежда осталась.

— Леонид?

— Спит он. Не буди его, Даша. Пусть поспит. В таком состоянии он ничего не сможет.

...

Леонид видел сон. Так он решил, и не стал себя переубеждать в этом. В голове шумело, картинка в глазах плыла. Но сквозь рябь он видел уже знакомую грибную поляну. Но в этот раз она была безлюдная, в том смысле, что ни белок, ни черепашек, ни слонов... Ни лисов.

Пилот осмотрелся по сторонам в надежде наткнуться взглядом на рыжие отблески, но тщетно. И чего так запал ему в душу этот образ? Этот персонаж. Или все-таки, неизлечимо больной ребенок? Не оттого ли, что он так фатально напоминал увядающую подругу.

А Симе эта поляна понравилась бы. Да, точно понравилась бы. Пусть флора и фауна ее была не настоящей и чересчур красочной, но все же это не затхлые трюмы. Не унылые больничные палаты и не надоевший до отвращения машинный отсек Ладоги.

Не отдавая себе отчета, он вызвал окно настроек и пора-

зился как легко это удалось. Ему ничего не оставалось кроме бессмысленного взгляда в пустоту. Он расслабился, расфокусировал зрение и смотрел сквозь строки. Сколько он так медитировал, он бы не ответил, но вот в его сознании засела новая заноза.

Да в чем же дело? Что не так в этом меню? Леонид копался в своих ощущениях. Но никак не мог сформулировать что же его беспокоит.

В интерфейсе все как обычно: строки настроек, менюшки отвечающие за визуализацию, пара дюжин ползунков и переключателей, позволяющих досконально настроить симуляцию, окно ввода системных команд, вкладка сетевой информации. Видимо теперь можно подключиться не только к больничной сети, но и к любому общественно-доступному сегменту. Вот чудо, и все это без камеры депривации. Однако, нейро-колония – очень удобная штука. Часок другой пошаманить и Леонид бы смог подключиться к бортовому компьютеру непосредственно из виртуальной реальности в полном погружении. А это совсем другие ощущения от управления. Какой пилот отказался бы от возможности воспринимать корабль как часть собственного тела, обрабатывать информацию сенсоров, как раздражение собственный рецепторов. И все же это всего лишь сон. Сон?

– Так! Стоп! – Пилот с горяча врезал себе по лбу кулаком, – Я же могу подключиться к кораблю! Напрямую из виртуальности. А виртуальность-то обрабатывается и трансли-

руется для меня нейро-колонией. А это значит...

А это значит, что в теории, можно было попробовать построить несколько извращенный, но канал связи. Да, придется поработать ретранслятором между компьютером Ладоги и колонией, или скорее интерпретатором, ведь для подобного соединения из состояния депривации, Леониду придется находиться внутри этого мира. Но шанс есть.

Эх... Если бы это было не сон. Надо срочно проснуться, и попробовать сделать это в реальности!

Вкладка сетевых настроек неказиста, но вот строка для ввода сетевого адреса. Пробуем бросить пинг по внутренней сети. Нет, нейроколония подключена к сети напрямую. Достучаться до корабля не выйдет. Хорошо, блочим прямое соединение. Нет, такой функции здесь нет.

Леонид впал в некий азарт. Да, сон. Но почему бы не попробовать это сделать во сне. А потом... Потом, когда удастся проснуться, повторить на самом деле.

На основном окне была строка ввода команд. Так, вводим код, отключающий доступ до сети.

Поляна не исчезла, но вкладка сетевого подключения стала мертва. Хорошо, хорошо. Как теперь подключиться к Ладоге? У нейроколонии точно есть другие протоколы связи, Леонид же гонял их по своему телу, вмешиваясь в протокол. Хорошо.

Выскакиваем из виртуальности...

Чернота. Интересный эффект. Тело в полной отключке.

Центры мозга, отвечающие за сенсорику тела, похоже заблокированы или... Леонид четко осознал, что находится в медикаментозной коме. Медицинские боты просекли дикое переутомление человека и насильно заставили его отправиться баеньки.

Так это не сон?

Поляна снова зажглась разноцветными красками. Стандартный сетевой протокол удалось подключить в считанные секунды.

– Значит, будем писать письма.

Но почтового клиента нет, браузера тоже нет. Репозиторий отсюда тоже не доступен. Да, это стандартное ограничение медицинской техники. Все запрещено кроме непосредственного восприятия. Значит, надо попасть в сегмент сети, где доступны внешние программы, где можно взаимодействовать с клиентами посредством аватара.

– Бля! Тваюж мать, Лисицын! – Леонид подпрыгнул на месте, когда понял, что уже пару минут на него тарачится немигающий лис.

– И тебе не болеть. – Хихикнул звереныш. – Как бы это стремно ни прозвучало, но я рад тебя видеть.

«Не сон. Сон? Руки нервно подрагивали. Лис тоже снится? Нет, это... Неужели! Неужели нейро-колония по привычке забросила меня в медицинский мир, раз уж снова решила оказывать лечебное воздействие?»

– Да и я тоже. Только я сейчас сильно занят... Хотя, ты

наверное знаешь, как отсюда написать письмо.

– Нет, здесь нельзя устанавливать софт, и консолей связи тут нет.

– А где есть? Хотя бы одно место ты знаешь? Мне никогда не приходилось бывать подолгу в виртуальности. Любая зацепка...

– Ну, в фойе любой сетевой игрушки есть терминалы. Но как ты туда попадешь? Мы же в закрытом секторе.

– Лисичка, я как покинул стены госпиталя, у меня в настройках открылась консоль и сетевая вкладка, я могу выбрать любой сектор сети, зная лишь его идентификатор.

– А меня утащить сможешь? – лукаво подмигнул он.

– Нужен айдишник, а там попробуем.

– Пиши, диктую.

Лис по памяти продиктовал двадцать шестнадцатеричных чисел. И нетерпеливо запрыгал на месте.

– Это игра. Я видел, как в нее играют на компьютере в реальности. Всегда мечтал в нее попасть в полном погружении.

– Ты же никогда не был в реальности, – отстранено произнес пилот, погруженный в работу с интерфейсом.

– Все это ролики. Мне иногда удается тайком смотреть ролики из реального мира. А этот айди я наизусть выучил. – Лисенок то припадал мордочкой к земле, прижимая ушки, то снова подпрыгивал, как юла. Видно было, что он и боялся поверить, и мечтал уже выскользнуть из этого мирка. В любой другой, хоть настоящий, хоть вымышленный.

– Ну, я могу отправиться хоть сейчас, а тебя сейчас заякорим. И ве-пе-эн настроим. – Наконец отчитался Леонид.

– Откуда здесь ве-пе-эн? Это же медицинский сектор! – повесил нос Лис.

– Деревня! Как можно поднять сектор с сетевым подключением, не имея при этом ни одного софтового маршрутизатора. Сейчас мы его и нащупаем. Ага... Я на всякий случай тоже через этот канал пойду... Ай, без визуализации не получается. Ладно, вот этот куст подойдет...

За спиной Леонида из земли выскочил-вырос внезапный куст. На кусте росли бежевые яблоки. А аромат... Нет, аромата Леонид почувствовать не мог. Это уже мозг сам дорисовал привычные образы. У подобранной второпях модели была только визуальная составляющая. Простенькие полигоны, даже без текстур.

– Эх, коряво получилось. Куст яблок... Переделать?

– И что теперь?

– Все просто, срываешь и кусаешь яблоко. Это активизирует канал, который пробросит соединение по названному тобой айдишнику. Вот только обратного пути нет. Односторонний канал. Чтобы вернуться придется переподключаться.

– А этот куст теперь тут постоянно будет? – наконец заинтересовался Лис.

– Да, до тех пор, пока админы не пофиксят, либо я не отключу. Вот только надеюсь, что никто лишней яблоки эти

пробовать не станет. Канал хоть и узкий, на пять подключений, видишь, на кусте всего пять яблок, но случайные жертвы мне тоже ни к чему.

– А что будет, если канал отключат, пока мы будем там?

– Лисичка, ты информатику вообще не учил, да? Ты сейчас в своей капсуле, а не здесь. Картинка просто рисуется в твоём мозгу. Ну, что я тебе как ребенку все объясняю? Отрубится канал, ты переподключишься к базовому сектору. Это только в дрянных фильмах показывают, что сознание человека при подключении покидает тело и путешествует по электронным линиям.

Лис до конца не дослушав лекцию вонзился зубами в низко весящее яблоко. И исчез.

По уму надо было бы отключить визуализацию маршрутизатора по переходу, но столь примитивный софт, как в этой локации не позволял тонко манипулировать настройками. Да и ладно, не велика беда. Леонид срывает плод и вонзается в него зубами. Кислый сок течет по подбородку, а картинка перед глазами стремительно меняется.

Пилоту показалось очень смешным, что ощущения подгружались неравномерно. Первый прошел прогруз зрения. И в то время, как глазам уже открылась картина средневекового города, наполненного людом в хламидах, доспехах и топорно выделанных курточках, осязание и слух все еще получало сигналы из врачебной поляны.

– Вот не надо смеяться! – обиделся лисенок, – Сейчас пе-

резайду и сменю облик!

– Стой! Мне только десять минут надо! Помоги, а то я тут ничего не найду. Потом вернешься сюда еще раз. Куст же остался на месте.

Действительно данный сектор сильно резал привычный интерфейс. Сетевая вкладка с консолью пропала. Зато появились новые страницы, на которых теперь высвечивались характеристики персонажа, внутри-игровой чат и прочая геймерская атрибутика. Внешний вид, находясь на данном секторы поменять можно было только игровыми методами. И Леонид уже предчувствовал разочарование лисенка, когда тот сообразит, что к каждому акаунту автоматически привязывалась личина первоначального входа. А значит бедолаге поиграть за человека не придется.

– Лис, я вот чисто ради интереса, а что у тебя сейчас в главном меню? Все обычно?

– Ничего не понимаю. Инвентарь отсутствует, меню игрока нет, только бары жизни, опыта и прочего...

Леонид уже язвительно хихикал.

– Я что? Моб? – изумился Лис.

– Ага. Мы вошли в игру реально читерски. Мы не выбрали персонажа, класс и локацию входа. Нам назначили те личины, которые были на нас. Я человек, и у меня есть все что должно быть... кроме стартового комплекта вещей. А вот для твоего аватара игровой модели не нашлось, и игра сопоставила тебя с ближайшим возможным образом. Боже,

радуйся, что ты не моб, а пет.

– Давай скорее найдем терминалы внешней связи, да я перевоюду. Кстати, яблоки которые мы съели, снова вырастут?

– Вырастут, как только канал закроется. А вот когда наш сектор решит разорвать канал – за это я уже не ручаюсь. В принципе, теоретически, канал может провисеть открытым до перезагрузки.

– И я тебя не хочу огорчать, но мы не в фойе, а в игровом городе. Я никогда раньше здесь не бывал, но терминалы должны быть в банках и номерах таверны. И вот уж совсем тебя должно огорчит то, что туда нас без денег не пустят. А у нас даже стартового набора нет. И если ты обратишь внимание, то увидишь, что полоска голода уже наполовину пуста. Давай я перезайду и пойдем гриндить золото и хавчик.

– Давай, давай.

Лис исчез.

– Эй ты, болезный, где такой прикид достал? – перед глазами Леонида нарисовался здоровенный, явно прокаченный зеленый орк. Нижние зубы чудовища выпирали на половину лица, дополняя свирепый образ бывалого бойца.

– Подкинь золотой, расскажу. – Попытался схитрить пилот.

– А губа у тебя не дура. Давай я лучше перекуплю за серебрушку твою тряпку. Вот приколом будет, когда я это в клане покажу.

И только теперь Леонид осознал то, что одет в медицин-

ский халат, и при ходьбе сверкает на всю округу оголяющейся задницей. Да, в такой ситуации лучше не нагибаться.

Но нет, слоты инвентаря были пусты, а снять халат не удалось.

– Извини, это стартовое облачение. Видимо, у моего класса такое белье нижнее. – Разочарованно пояснил Леонид, – Приятель, выручи, я только вошел в игру и мне почему-то не выдали стартового набора, ни ботинок, ни штанов, ни палки завалящей.

– Кончай заливать, болезный, – рассмеялся орк. – Ты в хайлелвел городе, а не в стартовой локации.

– Вот я попал, – протянул опешивший парень, – так я теперь даже в таверне не остановлюсь. И мобов пофармить не смогу. Я, получается, застрял здесь.

– Удаляй персонажа, и живи как человек. – Предложил орк, – и не пудри людям мозги.

– Легко сказать. Да только я уже удалялся, но все равно здесь появляюсь, – соврал Леонид, будучи уверенным, что если попытается разлогиниться, то это ничего не изменит.

И тут где-то под ногами раздался болезненный стон. Это лисенок подтвердил опасения Леонида. Звереныш появился в том же месте, где и исчез в том же виде, как и прежде.

– Ух-ты! Классный пет. А говорил нулевка! Нет, с такими нулевка надо ухо во остро держать. Слышь, болезный, подскажу тебе и время сохраню. Здесь нельзя передавать вещи и деньги кому попало. Только внутри клана. А в клан тебя

в этом городе никто не возьмет. Так что можешь время не тратить и попрошайку из себя не строить.

Сказав это, орк развернулся и стремительно понесся вон. Как Леонид отметил, здесь все передвигались стремительным бегом, некоторые утыкались лицом в стены и так продолжали стоять, видимо погруженные в дебри интерфейса, чата или журнала. А вот на лисенка было больно смотреть. Еще бы, вместо героического квеста, ему предстояло коротать игру в виде необычной собачонки. И хорошо, если его так и будут принимать за пета. А если кто решит проверить, не дикий ли зверь это. Смерть будет болезненной.

– Надо хотя бы задания взять, может получится на комнату в таверне наскрести. – Предложил Лис.

– Печаль и боль. Это хайлелвел локация. Нам подходят только социальные квесты. Даже если бы у нас было оружие, то за границы города соваться нам не имеет смысла.

– И откуда такая информация?

– Да один орк рассказал. Пошли приставать к горожанам. Вон, стоят без дела, наверняка эн-пе-эсы.

Мытарства беглого сумасшедшего и его пета продолжались полтора часа. За это время они успели переговорить с тремя десятками мужиков и женщин, оравой мальчишек и даже зашли в таверну, чтобы прицениться. Трактирщик наотрез отказался дать им доступ до терминалов связи, или предоставить рассрочку на комнату.

О чем говорить, если каждый неигровой персонаж считал

своей обязанностью тыкать пальцем в юродивого. Каждый из них насмеялся над несчастным, а каждый третий предлагал вызвать либо стражу, либо лекарей.

И вот теперь друзья сидели на низком бортике городского фонтана и грустили.

– Может быть, ты знаешь другие сектора, – в который раз спрашивал Леонид.

И в очередной раз Лис отвечал ему, что нет, не знает.

Леонид снова глубоко и грустно вздыхал.

Лисенок тоже тянул воздух ноздрями и вздыхал еще более горестно.

И вот в очередной раз пилот вздохнул и раскинув руки в разные стороны завалился назад. Спиной он влетел в ледяную воду фонтана, небо сквозь небольшую толщу воды казалось невыносимо высоким и алмазно чистым. Спустя минуту бар жизнью начал проседать. Но Леонид не стал реагировать, а просто продолжил нежиться в прохладе воды.

И вот закономерно перед его глазами появилась табличка:

«Вы погибли в первый раз, поздравляю с увлекательным приключением. Возрождение через 59 секунд.»

И сразу за ней следующая:

«Внимание, уникальное достижение. Вы погибли не причинив вреда ни единой душе. В качестве компенсации Вам предлагается подарок.»

Перед Леонидом появился бледно сверкающий желтый обруч. По характеристикам он соответствовал головному

убору и не имел никаких дополнительных свойств, кроме того, что освещал пол вокруг героя на расстоянии полутора метров.

Пилот в очередной раз огляделся и обнаружил себя посреди сумрачного туманного поля. На горизонте возвышались чахлые деревца, чуть левее раскинулся погост, еще дальше угадывалась церквушка.

В метрах пяти от Леонида возвышался постамент. Этот постамент сильно отличался от остального убранства погостной локации. Не спеша подойти к постаменту, сдуть пыль, определить, что это ничто иное как терминал. Видимо создатели игры решили дать возможность провести отведенное игроку посмертие с пользой: выйти на игровые сайты, почитать гайды, связаться с товарищами. Внутри-игровой чат сейчас был заблокирован.

И тут истекло время.

– Там есть терминал! – возбужденно проорал Леонид, когда наконец отыскал лисенка.

Тот суетливо и бестолково бегал по площади у фонтана. Да, точка возрождения была совсем рядом, но не зная города пилоту все-таки стоило некоторых усилий найти место своей первой гибели.

– Кстати, держи! – Он вытащил подаренный ему нимб и нацепил на голову лису.

Вопреки ожиданиям, нимб проскользнул через голову и остался болтаться на шее.

– Да, знаю, извини. Передавать вещи в этой игре нельзя. – Сконфуженно повинулся Леонид, – просто я так рад, здесь при смерти стоит терминал. Можно написать сообщение.

– Это шутка такая? Мне системка выскочила: «Вам дарован ошейник, хотите ли Вы принять дар и служить верой и правдой Пилоту?»

– Это как?

– Это так, что у тебя теперь ник «Пилот», вещи мы можем передавать, и ты предлагаешь мне стать навеки твоим петом. Так что, мне соглашаться?

– Как много новостей. А почему мне такой ник назначили? Ух ты! А у тебя ник «Лисичка». Значит ты принял предложение? Эх, поспешил ты. Мне же сейчас еще десяток раз умереть придется. А что с тобой будет?

– Давай пробовать! Мы тут какие-то совсем баганутые. Ты в курсе, что твой ошейник называется «нимб» и определяется как головной убор?

С криком «Ага!», Леонид снова бросился на дно полуметрового бассейна при фонтане.

«Вы погибли. Возрождение через 119 секунд»

А это уже хорошо, система давала на операции уже две минуты. Так будет проще письмо написать.

«Подсказка: Вода приводит к утоплению. Попробуйте держать голову над поверхностью воды.»

Терминал! Так, вбиваем адрес почты. Доступно! Сначала простенькое письмо для автоответчика корабля. Ага, стан-

дартный ответ получен!

Пробуем отправить простенький скрипт, и компьютер его отказывается выполнять. Логично. Пробуем авторизоваться. Шиш. Время кончилось.

– Так что было? Тебя не убило? – Осведомился Леонид у Лиса, как только отыскал его глазами на точке восстановления.

– Убило! Я был с тобой! Ты что совсем не видел?

– Извини, не обратил внимания. Мало времени. Надо придумать, как скрипт написать и запустить.

– Так передай кому-нибудь из своих. Пусть они запустят. «Вы погибли. Возрождение через 239 секунд»

О! Великолепно! Каждая следующая смерть удваивает время. Не придется каждые десять секунд убиваться. Так проще. Письмо Симе. Описание сложившейся ситуации. Через минуту ответ «Ты же спишь!». Леонид успевает набить в ответ, что не спит, а в смоделированном нейро-колонией пространстве, но тело заблокировано для проведения медицинских процедур. Просьба о помощи. Время кончается.

Стремительный бег до фонтана, пол минуты на дне бассейна, и снова можно работать.

Теперь система дает восемь минут. Великолепно!

Леонид набивает простенький скрипт, который будет транслировать код из специально помеченного письма в систему, и пересылать ему в ответ логи. Время кончилось.

Точка возрождения, спринт, бассейн, смерть. Лис только

мешается под ногами, что-то кричит.

Шестнадцать минут. И новое сообщение.

«Что же Вы так убиваетесь, так вы никогда не убьетесь!»

И в подарок маленькая капсула, в свойствах которой красуется название «Цианид», и строчка «только для личного применения».

– Теперь я натуральный шпивон!

Запоздалое системное сообщение:

«Внимание, уникально достижение. Утоп в тарелке супа», и в пояснительном тексте информация о том, что время нахождения под водой до смерти увеличено втрое. Но появился шанс утонуть при приеме жидкой пищи или напитков.

Непростительно долго маячат перед глазами эти таблички.

Проверка системы простенькими скриптами. Вроде все работает. Теперь можно инициализировать протокол связи, использованный Леонидом при «заманивании» ботов. Да, сигнал есть, канал стабильный. Но не успевает Леонид осознать, что делать дальше, как время истекает.

Снова он на точке возрождения. Недолго думая, глотает пилюлю.

Мгновение тьмы, сообщение, отсчитывающее уже тридцать две минуты. Вот это красота. Целые полчаса спокойной работы.

За то время он успевает перебросить канал связи не через медицинский сектор с его устаревшим прокси, а через внут-

ренные системы связи.

Все еще по инерции он отправляет листы кода через почту, и таким образом поднимает микросервер виртуального интерфейса прямо на бортовом компьютере, естественно с расширенными правами доступа.

Опять истекает время, но уже нет смысла убиваться. Леонид просто выходит из игры, вернее пытается, из игры его выкидывает в никуда. Хотя, из ниоткуда оказывается довольно легко попасть в локальную микролокацию бортового компьютера.

Пилот в первую секунду стоит пораженный. Виртуальный сервер предстает перед ним, как чистая белая комната. Интерфейсы в ней вешаются в любое место и легко масштабируются, дублируются и ведут себя как надо оператору. Лисенок ошарашено смотрит на все это богатство с раскрытой от удивления пастью. Но модель животного изображена чисто схематически. Никакой шерсти – одна низко-полигональная модель даже без текстуры.

– Ты то здесь откуда? – Поражается Леонид.

На что животное недоуменно моргает. Пилот было решает, что это пост-эффект, просто случайная моделька, но вскоре Лис начинает что-то невразумительно бурчать. Леониду не до этого. Он обходит защиту одного бота, взламывает систему фабрики. Подсаживает вирус, который каскадно сносит настройки во всех фабриках колонии. Теперь боты будут плодиться неограниченно долго. В теории. Нет, нель-

зя! Леонид вешает временное ограничение на две недели. Потом можно будет и продлить. А если что-то пойдет не так. Если фабрики будут работать неустанно, то в один прекрасный момент они просто сожрут носителя. Да он видит эту ошибку в программе. Нет, он не сможет сейчас это исправить. Но этот баг сработает позже. Не сейчас.

Лисенок скулит под ногой.

Но еще куча дел. Он успел только предотвратить полный распад. Боты работники все равно издохнут. Уже издохли! Фабрики способны собрать металлолом от своих сородичей и снова вдохнуть в него бинарную жизнь.

А в колонии уже меньше пяти ста особей. Нет, этого недостаточно для функционирования колонии. Вычислительной мощности мало...

– Да, Лисек, подожди, мне еще пару минут! Они же сейчас все сдохнут!

Леонид выделяет вычислительные мощности Ладоги на обработку колонии микроботов. Уже четыреста фабрик. Ориентируем их на производство скаутов! Пол сотни скаутов, но триста шестьдесят две фабрики. Вычислительных мощностей катастрофически не хватает! А нет! Просто фабрики недостаточно мобильные. Они не могут собирать ресурсы в нужном количестве. А выходят из строя из-за физического износа.

Двести скаутов, и триста фабрик. Скауты собирают останки ботов, фабрики работают по максимуму. Хорошо, вышли

в стабильный плюс. Ставим верхнюю границу фабрикам в пять тысяч. Да, на первое время. Скаутов десять тысяч. Постепенно начинаем производство ботов других типов...

К Леониду постепенно приходит осознание, что он управляет ботами, которые сейчас ползают по его телу. Роят его кости в поисках нужных минералов и веществ. Он тут же уменьшает верхние границы производства вдове. Дает компьютеру команду воспроизвести текст для экипажа Ладоги. Он просит вколоть витаминный раствор. Дюжину капсул. На что получает сообщение о том, что уже третий час у него температура тела не опускается ниже пятидесяти.

Ужас. Во-первых, пятьдесят градусов – это не очень здоровая температура тела. Во-вторых, третий час!

Надо срочно проверить! Да, внутренние органы выдерживают температуру 38-39 градусов. Боты просто максимально отводят тепло через кожу, вот и кажется, что температура тела поднялась до пятидесяти. Боты рапортуют, что температура мозга тридцать пять градусов.

Леонид с удовлетворением откидывается в появившееся кресло.

– Лисенок?

– Я не могу-у поп... попасть назад. – Лисенок плачет навзрыд. Нарисованный низкополигональный зверь заходится ревом. Самым настоящим человеческим ревом. В его треугольных глазах отчаяние.

– Как ты вообще сюда попал?

– Я твой пе-е-ет, я привязан к тебе. Ошейник не снимается. Канал не рвется. Я не могу выйти!

– Прости. Что же делать... Да, такого просто не может быть! Я же тебе говорил. Твое сознание, душа, да все что угодно, остается на месте, в теле. Если просто выключить твою медкапсулу, то ты осознаешь себя с своим теле!

– А я не могу-у! Я-то тут!

Все верно. В моем мире у Лиса нет всех прав. Он не видит консоль, он не видит кнопки выхода. Что он может сделать? Просто наблюдать. Странно, что фаервол пропустил это соединение.

Леонид просто отрубает сеть. Аватар Лиса исчезает.

Спать... Просто спать.

«А потом уже буду выслушивать все упреки от команды и капитана. Что они переволновались, что думали, что я копыта отброшу.»– не трезво соображал Леонид: «Боже, бедный ребенок, сколько ему пришлось просидеть в моем мире? Без возможности что-то сделать. И я хорош, даже внимания на него не обращал. Сколько он просто сидел и плакал?»

Корабль автоматически аварийно подрубился к сети. Леонид еще успел увидеть, что от Лисенка пришло письмо. С реальным обратным адресом, с именем, и идентификационными номерами. Как и положено нормально отправленному письму. И как только он успел запомнить адрес Ладogi?

«У нас переполох. Меня пытались отключить от сети на протяжении пяти часов. Опекунов известили о чрезвычайных обстоятельствах.»

чайной ситуации. Рядом дежурит реанимационная бригада. Классно прогулялись. Жду повторения. Только в этот раз, чур, я человек.»

...

Очередное пробуждение.

Затхлое липкое пробуждение. Во рту стоит кислый вкус. Снова к горлу подкатывает рвотный позыв, но застревает в горле ломящим комом. Он хочет встать, но его ведет, и ему приходится ухватиться руками за кровать, чтобы не упасть.

Что же его заставило так подорваться в этот раз? Сон, снова этот сон, который и сном то не был. Бред. Горячечный ужас. Глаза, вымерший лагерь, разложившиеся тела. Мухи. И смрад. Но совсем не этот смрад замкнутой каюты, а смрад погибшего места.

Он с отчаянным порочным, мазохистским наслаждением пытается вспомнить все подробности жуткого кошмара. Но нет, это уже не сон, это реальные воспоминания. Ему уже который раз снится этот день, вернее окончание дня.

А на столике среди пустых пластиковых тарелок, измазанных запекшимся соусом и масляных стаканов, стоит черная коробочка. Куб. Черный мерзкий куб сантиметров пятнадцать в высоту. Как символ его кощунственного предательства. Как укор.

Против воли с резью в глазах выступают слезы.

Он в который раз пытается смахнуть рукой влагу с лица, и натывается на жирные остатки закуски. Как же можно так

низко пасть. Он сейчас сам воняет не хуже этой горы грязной посуды. А еще рука натывается на колючую щетину, и на куски чего-то прилипшего к щетине. В каюте есть зеркало, но как же противно сейчас смотреть в зеркало. Но, нет. Все хорошо. Зеркало уже заботливо зашторено чем-то. Да, об этом он уже позаботился заранее.

И новый приступ паники – а вдруг кто-то из экипажа заходил в его каюту! А вдруг он сам в пьяном бреду выходил на мостик! В конце концов, он должен был выходить, хотя бы для того, чтобы справить нужду.

И тут-же волна стыдного облегчения – доступ в капитанскую каюту есть только у капитана. Даже в экстренных ситуациях. А вон в углу и абсорбирующие салфетки. Как же стыдно! Сколько дней он уже ссыт и срет в эти салфетки?

И это еще не апогей падения. Ведь рано или поздно ему придется выйти.

Черная коробка на столе.

Все же его рвет. Все же выворачивает наизнанку. И это не последствие выпитого. Один вид «посылки» заставляет его опять пережить все те эмоции. Но и это тоже хорошо. Вместе с рвотой, его душу словно покидают излишние переживания. Словно амеба он медленно промакает рвотные массы салфетками. И отправляет их в срачную кучу.

А мысли снова возвращаются ко сну. И дальше, к воспоминаниям о проклятом спасителе. О прогнившей Леи, о подлости и собственной противной беспомощности.

Он на коленях. Он бережно придерживает левую руку. Почему она так болит? Когда удалось ее подвернуть? В голове не осталось воспоминаний об этом. В голове роятся только мысли об ЭТОМ.

Через гнетущую поволоку безразличия к своей судьбе, он собирает мусор, он отправляет его в утилизатор. Наконец-то он находит в себе силы заняться... Уборкой...

Холодок по спине. Мерзкий холодок, и он резко оборачивается, чтобы убедиться, что на него никто не смотрит. От резкого движения снова мутит, перед глазами плывет.

Перед глазами плывет.

Это все просто не может быть правдой.

...

Почему так часто хорошая идея оборачивается крахом? Не провалом или неудачей, а именно крахом. Полным, глубоким и безоговорочным.

Анатолий Окский, журналист, подающий надежды писатель на пике карьеры, вдруг решает стать одиночкой. Блогером. Он решает порвать со всеми своими старыми связями и начинает сольную карьеру.

Анатолий Окский, блогер, сделавший имя на проницательных разоблачениях. Блогер, попавший в сотню наиболее влиятельных людей, внезапно пропадает из новостей. Почему?

Да, потому что стал слишком влиятельным. Да, потому что всегда работает в одиночку. У него нет команды, нет

поддержки со стороны юристов, продюсеров. Никто не встанет на защиту этого выскочки. Да потому что миллиарды поклонников – это миллиарды равнодушных людей. Они не зависели от блогера. Если вдуматься, то оставшись в рядах медиа портала, он не попал бы в такую засаду. Потому что, будучи журналистом, он был одним из многих. Потому что претензия была бы не личная, а ко всему portalу, ко всей редакции. Его бы прикрыли. Да, он не стал бы таким успешным. Но он и не стал бы таким ничтожным.

А задавить амбициозного блогера просто. Особенно если он только блогер.

Анатолий Окский, капитан курьерского судна. Снова дурак. Снова Донкихот. Жизнь его словно и не учила.

Анатолий Окский презренный агент с Леи.

Или Анатолий Окский отступник и труп?

Пока еще не труп. Пока еще не отступник. Отступник чего? Да, его завербовали. Как это получилось? А вот как-то так и получилось. И черная коробочка жжет руки. Простое поручение: «Доставь посылку в ангар космической станции Марат. В любой ангар. В любое укромное место. Или не укромное. Можешь оставить в своей каюте. Главное, чтобы посылка осталась на станции, когда вы ее покинете.»

Что в ней? Маяк наблюдения? Это было бы хорошо. Не так противно. А если это бомба? А если это капсула нейропаралитического газа? Биооружие? Заражение мерзкой фауной? А зачем еще может понадобиться тайком подкиды-

вать коробку на станцию. Между прочем крупную станцию. С людьми: персоналом, небольшим военным гарнизоном общего правительства и конечно-же обычными людьми. Даже если кто-то из этих людей был в чем-то виновен, то никак не все. Вот в чем могли быть виновны исследователи, остановившиеся на станции для дозаправки? Или туристы? Такие же как он курьеры. Все они попали в черный список Леи? Не слишком ли высокая цена за... Черт возьми, да за что он заплатил такую цену? Он ведь и виновен ни в чем не был. Просто высадился на планету, просто посидел в баре. Просто помог сбежать симпатичной девчужке от бандитов. Все что было дальше просто не укладывается в голове.

Так много вопросов. Так много.

Открывать коробку страшно. Даже сканировать слишком... Нет, это перебор. Надо найти в себе силы и встать. Надо показаться экипажу. И все рассказать. Надо. Надо...

Надо!

Но почему так сильно дрожат руки?

– 5 –

Пятый выглядел как скала. Пятый был скалой.

За спиной Пятого стояла дюжина бойцов. Бойцов, как когда-то говорили, невидимого фронта. У Пятого не было ни должности, ни звания. Ни имени. Если бы кому-то захотелось как-то определить кем же является Пятый, то ему пришлось бы вспоминать про секретных агентов из глупых доисторических боевиков. А отряд бойцов за его спиной могли

бы назвать спецназом. В лучшем случае. Но им больше подходило сравнение с опричниками Ивана Грозного. Но кто из современников смотрел настолько старые фильмы? И кто из современников помнит настолько древнюю историю Земли?

Человек распространял вокруг себя ауру власти. И когда все вокруг подчиняются, даже не спросив документы, и не поинтересовавшись должностью и званием... Тогда каждый понимает силу и влияние персоны. Но Пятый не стремился к власти. Пятый ей пользовался. Пользовался, как неотъемлемой характеристикой.

Почему он Пятый? Почему Пятый – это именно он?

Осмелишься ли ты задать этот вопрос? Осмелишься ли ты хотя бы подумать эту мысль, когда перед тобой стоит скала. Скала по имени Пятый.

Бойцы отряда давно научились не задавать вопросы, на который все равно не получить ответа.

– Кто ты какой? – Отрешенно начал разговор Анатолий.

Анатолий походил на безродного голодного щенка рядом с столпом власти на Леи. Анатолий мог бы испытывать страх. Мог, если бы последний переход не вымотал его физически и морально. Анатолий прошел долгий путь от того, места, где был высажен чудным таксистом. Но сначала он ждал, как казалось, в безопасном месте. Час прошел, потек второй, и слишком молодой капитан решил действовать. Он не знал как, и честно скажем, не помнил зачем. Тогда в ушах Окского звенело от пожирающей все мысли растерянности. От от-

чаяния.

Спустя почти три часа он встал, и Дарья поднялась с травы следом за ним. Не говоря ни слова, они вместе отправились...

«Лучше сделать ерунду, чем не сделать ничего...»

Они просто пошли, да, пожалуй, куда глаза глядят. Просто пошли, не строя планов, не надеясь найти решения.

«Пусть в тысячу ли начинается с одного шага...»

Нет, эти мысли не звучали в его голове. Они всплыли уже в воспоминаниях. Он решил, что именно эти обрывки чьих-то когда-то сказанных фраз толкнули его. Заставили подняться с сухой травы и отправиться в путь. Но это было в его воспоминаниях. Но не в действительности.

Волоча ноги, еще не от усталости, а от гнетущего чувства обреченности, они двинулись на запад от дороги. Хотя, они и не выбирали направления.

Высокая трава цеплялась за ноги, тормозя и без того не спешное шествие. И вот уже Даша пристроилась за Анатолием, идти по следу из слегка примятой травы.

Окский даже не обернулся. Он не обернулся, когда девушка отстала на десять шагов. Он не обернулся, когда девушка отстала на пол сотню метров. Но и Дарья не окликала мужчину. Она тоже шла, как на закляние.

Закляние... Какое странное слово. Что оно значит? Закляние... От этого слова пахнет огнем и сырой землей. Промокшей в грязи сажей, ручьями, размывающими хлопья зо-

лы. И лезвие стилета касающееся самого сердца.

Но вот еще один шаг, и только палящее солнце, только трава цепляется за лодыжки...

А впереди уже виднеются шатры, палатки – это какие-то жилища... Лагерь? Впереди в траве видна тропинка. Окский ступает на утопанную траву. Странно, он видел тропинки и раньше, в прошлой жизни. Но они всегда были из черной плотной земли. А здесь утопанная трава. Но здесь явно раньше ходили. Часто ходили. И не успели протоптать до грунта, не успели его утрамбовать так, чтобы сделать непригодным для растений.

Только теперь Анатолий остановился. Он видел выгоревшую материю тентов, видел и сияющую новизной ткань палаток. Он видел мусор и остывшие костровища между ними. Теперь он видел и хлюпкие, сплетенные из веток стены хижин. Двух или трех на все селение.

Он видел развешенное белье на веревках, укрепленных, где на деревьях, а где на шестах, вбитых в землю.

Но он не ощущал запах дыма. Он не мог уловить запах мусора или хотя бы скошенной травы.

Запах был, но казался совершенно неуместным, затхлым, и словно принесенным ветром издалека.

– Брошенный лагерь? – Поинтересовался он, когда Дарьи удалось его нагнать.

– Брошенный? – Сглатывая ком в горле удивилась слишком молодая девушка. – Брошенный?! Анатолий? Вы разве

не видите?

Ее дрожащая рука коснулась плеча мужчины. Легкая, тонкая, холодная.

– Они все мертвы! Как же так? – Истерика в голосе Даши так и не проступила. Но пальцы все сильнее сжимали плечо капитана.

– Кто? – Анатолий не мог взять в голову. Пустой лагерь. Ужа давно опустевший лагерь. Или? Неужели? Эти тряпки на земле... Тряпки в которых едва угадываются очертанию людей. Тряпки, которыми так лениво играет ветер. И эти тела, прикрытые, полу оголённые, эти оскалы лиц...

Как, он мог не увидеть всего этого сразу? Как он мог не заметить пустые глазницы, серые вздутые и синюшные силуэты.

Анатолий вздрогнул, когда лицо, живое и молодое лицо девушки заслонило это безумное зрелище.

– Это лагерь отступников. У нас есть люди, не согласные с политикой государства. Тогда они селятся в таких вот зонах. В зонах где нет покрытия сети. Так они пытаются предотвратить, как они считают, слезки. – Слезы на лице и в голосе. Девушка испугана, нет, не испугана. В ее глазах нет страха. Какая-то иная горечь. – Ведь всем при рождении интегрируется интерфейс. Это закон.

Безумие.

– Но эта вышка? Это же вышка связи? Почему лагерь разбит в основании этой антенны?

Действительно, выше лагеря, выше леса возвышалась исполинская игла передатчика. И если задрать голову, можно было увидеть сетку антенн, пеналы и розочки передатчиков. Где-то среди их хитросплетения мигал сигнальный красный огонь, который даже сейчас, днем можно было разглядеть без усилия.

– Именно в этих точках, где сигнал слишком сильный, интерфейс перестает работать. Говорят, если подняться вверх по опоре, можно сжечь передатчик интерфейса насовсем. Не знаю, может кто-то и пытался. – Шепотом поделилась девушка.

– Значит нас не будут здесь искать?

Дарья только рассмеялась:

– А где же нас еще искать, если не здесь? Они не смогут получить наши координаты, но где нам еще быть, если не здесь?

– Можно попробовать поднять тебя наверх, сжечь передатчик, и свободно вернуться в город?

Анатолий мысль свою озвучил, но тут же отказался от затеи. И на то было слишком много причин: и взгляд девушки – молящий и отчаянный, и опоры вышки без единого, как казалось, зацепа, не говоря уже о лестнице, и россыпь трупов в лагере у его основания.

Хи-хи... Вууу-уу-уу...

Вот вы слышали фразу: «подпрыгнул на месте»?

Приглушенный расстоянием и разбавленный еле улови-

мым эхом раздался смех. Смех высокий и залиvistый. Детский.

А за смехом Анатолий был оглушен громким над самым ухом визгом.

Да он и сам вздрогнул от неожиданности и невероятности детского смеха в таком месте. Но визг Даши заставил мир во-круг на мгновение потемнеть. А когда мир обрел свои краски, он обнаружил себя лежащим в траве.

– Мы прячемся? – Удивленно одними губами, прошептал он.

– Что это было? – Губы Даши дрожали, шепот срывался.

– Смех... Детский смех. – Неуверенно предположил парень. – Ребенок, наверное, девочка. Как-будто весело играем. В догонялки, или салочки.

Широко распахнутые глаза девушки, раздутые ноздри, и рот раскрытый словно в беззвучном вопле наблюдал капитан некоторое время. Губы дрожали, а из уголка глаз выкатилась слеза.

– Посмотри. – С трудом совладав с собой, через какое-то время предложила она.

– Ребенок играет. Чего тут бояться? – Вопросил Анатолий. Однако голос его оставался тихим, на границе слышимости. А сам он продолжал прижиматься щекой к земле.

– Это какая-то чертовщина. Откуда здесь может взяться живой ребенок? Почему лагерь вымер. Столько мёртвых людей... – В захлеб затараторила Дарья. А у Анатолия волосы

на загривке пошли дыбом. Он видел много женских истерик. Но шепотом... Еле слышным шепотом ни разу. Холодок по спине.

Он резко перевернулся на спину, опасаясь за свой тыл, но увидел только все так же палящее солнце. И небо.

– Даша, – нежно позвал он, но девушка все равно вздрогнула, словно затравленная кошка.

– Даша, все хорошо. Призраков же не бывает. Так? И мертвые всегда остаются мертвыми. Они страшные и... Но такое случается. Люди умирают. Правильно? И нам ничего не грозит... Кроме диких животных. Да! Запах падали привлек диких животным.

– А голос? – С надеждой поинтересовалась девушка.

Дикие животные – это конечно опасно. Но с ними понятно, что делать. Беги или убей. От диких животных понятно, чего ожидать. Дикие животные – это намного лучше, чем банши. Лучше, чем не упокоенные души, и лучше, чем вставшие мертвецы. Потому что дикие животные «бывают», а остального нет.

– Это какие-нибудь птицы, или лягушки. Жабы могут кричать очень своеобразно. А может быть обезьяна? Или... какие звери водятся на Леи?

– Да, это животные. – Подтвердила девушки, – а почему ты все еще лежишь? Вставай и посмотри, ты же мужчина!

– Ага... Да, сейчас. Я уже почти встал. Сейчас, немного отдышусь. Я уже не так молод... Ха... – Наконец нашел в се-

бе силы Анатолий, чтобы рассмеяться шепотом. – Хорошо, что мы сразу догадались, что это так звери кричат. Подумать стыдно, испугались какой-то полевой горластой мышки. Вот Сима будет смеяться, когда узнает...

– А я вас нашла! Теперь буду прятаться я с тетей, а ты нас ищи! Я люблю прятки.

Жизнерадостный смеющийся голос раздался в паре метрах.

Сердце встало колом в груди, парень сам не понял, как оказался на ногах, руки шарили на том месте, где обычно висела кобура. Ему еще не приходилось пользоваться бластером, но устав предписывал его иметь. Вот поэтому парень уже привык носить оружие на поясе. Когда был на корабле. Спускаясь на Лею, он предусмотрительно оставил опасную игрушку на Ладогe. Ну руки жили своей жизнью. Когда ладонь не наткнулась на пластик рукояти, ему оставалось только одно.

Маленький, почти перочинный нож на щиколотке. Никакой устав не предписывал носить с собой мини-кинжал, но он просто был великолепен. А какой мужчина сможет отказать себе в удовольствии иметь добротный нож в своем владении. Кованный, великолепно сидящий в руке, и даже не нарушающий закона – лезвие слишком короткое, чтобы убить ударом в сердце.

Анатолий обнаружил, что стоит на полусогнутых, напряженных ногах, выбросив вперед левую руку, как при об-

ращении с собаками. Если тварь нападет, то она должна сначала вцепиться в запястье левой, выставленной перед ним руки. Он уже ощущал, как хрустят кости запястья, в пасти неведомого ужаса.

Тактический прыжок назад, чтобы хоть на полметра увеличить дистанцию.

Все бы хорошо, но нож в руке слишком сильно дрожит.

– Дядя, вы что, дурачок? – Обиженный детский голос.

Первые же звуки голоса заставили капитана так вздрогнуть, что нож исчез из руки. «Великолепно, – мысленно растекся желчным сарказмом Окский, – так я точно всех защитю».

В голове Анатолия звучало именно «защитю». Хоть и ошибка, но таков был внутренний моральный выбор этого человека – мысленно коверкать слова для того, чтобы подчеркнуть саркастичность внутреннего монолога.

И хоть сердце героя билось уже не то, что в горле, а где-то в верхней печенке, но «защитять» никого не требовалось. Если только бедную маленькую девочку, которая растерянно стояла перед злым мужланом, явно настроенным не дружелюбно.

И хоть Анатолий осознал, что нож остался висеть на темляке, по привычке закинутом на запястье – это было не важно.

– Даша, тут просто девочка. Даша... – Окский аккуратно коснулся руки девушки носком ботинка. Но так была без со-

знания. – Девочка... Девочка, прошу, не подходи ближе. Вот просто не подходи и все... Может быть мы потом поиграем даже... Но вот сейчас... Нет... Стой. Ни шагу. Я буду честен, я напуган. Я как бы сказать, сейчас сильно напуган. Да, я боюсь тебя. Не подходи. Видишь у меня нож. Я ударю. СТОЙ.

– У меня конфетка есть. Хочешь?

Удар, детский крик. Девочка исчезла.

Анатолий понимал, что ударил правой рукой. Той, в которой зажат нож. Ножом? Он честно пытался ударить слабо, но он не помнил про нож. Что там с ножом?

Да, он зажат в руке. Лезвие направленно вниз. Ага, костяшки все еще горят от удара. Значит удар он нанес кулаком, а не лезвием. Да, для маленькой девочки такой удар тоже мог быть чреватым. Но лучше, чем ножом...

– Что же я за тварь... Я и правда рассуждаю, что девочек кулаком бить лучше, чем ножом... Что за херня. Она просто девочки. Не бывает таких... призраков. – Вслух сетовал Окский. – И сейчас она плачет, как бы плакала настоящая живая девочка. Но не убегает. Почему она не убегает?

– Потому что меня никто не любит! – Яростно вспыхнула она. – Они перестали со мной играть. Никто со мной не дружит. И ты тоже плохой.

Дрожащей рукой Анатолий убрал нож в ножны. На вибрирующих ногах сделал шаг, еще один. Почему он идет в эту сторону? Почему не убегает.

– Как тебя зовут?

– Иня.

Потоки слез из ее глаз промыли на щеках ручейки. Было видно, что ее кожа светлее, чем слой прилипшей пыли. За-марашка, ее одежда, почти целая, не истрепанная, вся в пятнах и местами покрыта корочкой высохшей грязи. На левом предплечье длинная, неровная царапина. У Анатолия что-то ёкнуло в груди, но нет, это не порез от ножа – кровь давно запеклась. Пожалуй, лет семь. Или восемь? И нет ничего страшного в этой оборванке. Приходилось Окскому уже видеть детей попрошаек и нищету. Приходилось, как ни печально. Хотя, девочка подтянутая, но она не голодала. Развита полноценно, нет характерных черт от употребления наркотиков. Живая обычная девочка. Да, так бы мог выглядеть ребенок, неделю проблуждавший в лесу. Проголодавшийся, уставший, изорванный, но не успевший истощать, не успевший...

– Что здесь случилось? – Продолжал допытываться капитан.

– Ты меня ударил! – Разоблачительно заявила она. И стоило Дарье начать приходить в себя, как Иня тут же попыталась у нее найти защиту и утешение, – Дядя дурак! Он дерется! Тетя, а вы хорошая!

Хорошая тетя очнулась с визгом и воем: «Убери от меня свои руки грязная адская тварь! Толик, спаси!»

– Просто девочка, ее Иня зовут. – Поглаживая по голове успокаивал Дарью Окский. – Девочка, видишь. Хорошая ма-

ленькая девочка... Не подходи... вот, ты же хорошая девочка... Стой пока там.

– Горы трупов. И на горе трупов девочка? Такого не бывает! Тут все умерли!

– Они не умерли! – Иня внезапно взорвалась яростью, – они просто издеваются надо мной! Они договорились дружить против меня! А я тоже с ними не буду играть! А вы тоже дураки!

И еще что-то обличительное и грубое кричала малявка, но не уходила, впрочем, и подойти тоже не решалась. Может быть сама боялась незнакомых людей, а может быть вняла просьбе Окского, или опасалась лезвия ножа, который в вытянутой руке парня, словно змея следил за ее передвижениями.

Анатолий успокаивал Дашу, не обращая внимания на крики Ини, но при этом даже и не думал опускать оружие.

– Я хочу пить, – пожаловалась вдруг Иня.

– У нас нет.

– Глупые! В деревне есть колодец. Пойдемте, попьем воды.

– Он чистый? – Подозрительно осведомился после небольшой паузы Анатолий.

– Конечно, тысячу раз! – Рассмеялась Иня, но вмиг погрузилась в грусть, – но мне не хватает сил, чтобы крутить ручку, а в ведре уже совсем ничего не осталось.

– Вода может быть отравлена. Лагеря сами собой не вы-

мирают, – Вслух подумал Окский, но Даша ничего не ответила, она как вцепилась в руку парня, так и продолжала на ней висеть, стараясь встать так, чтобы находиться по другую сторону от капитана, нежели девочка.

– Иня...

– Да, злой дядя!

– Зови меня Толя, хорошо? В общем... Сможешь мне сказать, когда в деревне все изменилось, почему все перестали с тобой играть?

У Анатолия мурашки по спине пробежали от собственных слов. Но он уже начинал что-то понимать – девочка не в себе, она так и не поняла, что все мертвы. А она одна осталась в живых. Никакой мистики, никаких ужасов... Вернее все это ужасно, отвратительно и невероятно жестоко. Но объяснимо.

– Иня плохая? – С сомнением предположила девочка.

– Иня хорошая, – устало подтвердил Анатолий, – Стоп... Иня хорошая, но все равно не подходит. Я сейчас еще немного отдышусь... ладно... И мы... Воду из колодца нельзя пить...

Окский даже сжал виски свободной рукой в тяжелых размышлениях.

– Нет, даже если все погибли не из-за воды, то земля должно быть отравлена из-за такого большого количества тел. А дождем все могло смыть в колодец. Да, и нечего делать нам в лагере. Но, пить хочется... пока не сильно. Сколько мы еще

сможем прятаться? Не долго? Тогда вода нам не понадобится, и еда не нужна. А что нужно? Что нам делать?

– Дядя! Я очень хочу пить и есть! – Запротестовала Иня.

– Но... Что ты ела, пока была одна?

– У нас всегда много остатков в холодильнике! – И потом добавила нерешительно, – Еще кое-что осталось, мы могли бы и с вами поделиться. Хочешь кушать?

– О... нет... Только не еду из мертвого лагеря...

– Он не мертвый! Это наш лучший лагерь! – Крик девочки спугнул ворон на деревьях.

Вороны... Они наверняка уже начали лакомиться тухлятиной.

– В любом случае надо уходить. Ты пойдешь с нами?

– А как же мама? Мне мама не разрешит гулять с незнакомыми.

Окский грязно выругался. Долго смачно.

– Дядя, так говорить нельзя!

– Пойдем, Толя, пойдем. – Простонала наконец Даша.

– А как же девочка?

– Оставь ее.

– Как? Как я ее оставлю среди мертвых? Это ужасно.

– Так отправь ее к маме, за разрешением! – Вопль Дарьи выбил из крон деревьев оставшихся птиц.

– Но она там, в лагере, мертва! Но девочка этого не понимает! Что же делать? Я не могу больше здесь находиться.

– Так пошли! – Взмолила из последних сил Даша. – По-

шли отсюда.

...

Бойцы Пятого стояли на холме, с холма открывался замечательный вид. Они видели лес, вдалеке дорогу, немного ближе край брошенного лагеря. И от лагеря по грунтовой дороге к ним на встречу двигались трое. Парень, еще слишком далеко, чтобы разглядеть его черты, тянул слабо упирающуюся девочку. Немного поодаль шла девушка. Обреченно и отрешенно. Да, и парень, и девушка отчетливо видели Пятого со свитой. Но не пытались скрыться в лесу, не пытались убежать. Так лучше. Не придется гоняться и тратить силы. Так намного лучше.

Не понятно только, что за девочка с ними. Остальное Пятому было ясно.

– Вы знали, что они пойдут здесь. – Не спросил, подтвердил один из дюжины.

Но Пятый не ответил. Он даже головой не повел.

Все будет так, как он запланировал. Всегда так бывает. Всегда.

...

Кажется, отпустило. Анатолий сгорбившись навис над стаканом чего-то смолянисто коричневого. Мутило. Он потерял счет времени, но самообладание робко возвращалось. Стыд за помойку в каюте. Стыд за то, что он – капитан и предводитель, бросил экипаж в таких условиях. А может быть оно и к лучшему? Зачем Ленке и Симе видеть его в та-

ком состоянии? Нет, это даже к лучшему. Сейчас, когда все осталось в прошлом, и только таинственная посылка продолжала мозолить глаза, можно было и осведомиться, как идет полет. О том, что полет все еще идет штатно можно было судить хотя бы по тому, что сам Анатолий находился на Ладогe и оставался жив. Входя в состояние неопределенности, прыгая сквозь световые года на скорости в 88 миль в час, можно было либо сгинуть насовсем, либо благополучно появиться где-то в реальном космосе. Аварии по пути не происходили. По крайней мере у тех, кто возвращался, никаких аварий по пути никогда не происходило.

Утилизатор продолжал работать, не рассчитанный на такие большие объемы мусора. Анатолий запустил уже пятый цикл. Осталось еще немного. Надо протереть пол, надо... А как избавиться от этого кислого духана? Он что, здесь еще и курил? Нет, вспомнить не удастся.

Распечатать новое белье, да проклятый синтезатор был в каюте капитана. Проклятый потому, что в последние дни он работал только на синтез алкоголя. Без этой сатанинской штуки такой дикий запой был бы просто на просто невозможен. Раздевшись до гола, он засунул в расщепитель старые тряпки и тихонько проскользнул в рубку.

Она была темна и пуста. Повезло. Ребята в своих каютах. Отдыхают или работают? А, не важно. Зато можно незамеченным проскользнуть в душ. Помыться, побриться. Еще раз проблеваться и снова в душ. Ледяные струи ударили в раз-

мягкие члены мужчины, обожгли его кожу и даже, как будто бы, придали бодрости. Ручку вправо – почти обжигающий кипяток, и снова влево.

Анатолий еще с десятков минут продолжил терзать себя контрастной водой. Метод давно испробованный и надежный. Пар уже плотно стоял в крохотном гигиеническом блоке.

Вытереться и одеться. И можно в бой!

– Добрый день, Дарья. – Бодро поздоровался капитан с девушкой. – Надеюсь у Вас не возникло сложностей в размещении? Есть жалобы, предложения?

Да, бодрый тон дался капитану с трудом, а в голове тускло била боль. Честно скажем, хотелось лечь, закрыть глаза и несколько часов просто побыть в одиночестве. Хмель выветрился благодаря душу, а похмельная кровь продолжала циркулировать по венам. Можно было бы залечь в медицинскую капсулу, но... Опять это «но»... Отбирать у Симы агрегат даже на несколько минут не хотелось. Член экипажа нуждался в ресурсах авто-медика куда больше.

– Ой! Здравствуйтесь, – вздрогнула девушка, держащая в руках кружку чего-то горячего, – может быть кофе?

– Не отказался бы. А как же вы?

– Да, я только его синтезировала. Сделаю еще! Вот, берите.

А потом ступала, и робко добавила:

– Спасибо Вам огромное. Я же и вправду не знала, что мне

делать. Та, старая жизнь для меня уже давно была закончена. Если бы не Вы, я бы... Я бы сделала что-то нехорошее. Вы понимаете, о чем я?

– Так, значит, у Вас все хорошо? – проигнорировал Анатолий лишние слова девушки.

Даша еще сильнее сконфузилась. Официальный тон, который взял Анатолий ее выбил из колеи. Да, она не ожидала, что парень, с которым они несколько дней назад бегали по лесам и полям планеты, сначала пропадет чуть ли не на неделю, а потом встретит ее словно начальник.

А Анатолий только принял кружку, и сдерживая новые мулящие огоньки внутри тела прильнул губами к пластиковому краю. Он осторожно втянул губами горячую ароматную жижу, и сейчас замороженно следил, как жар напитка скользит по пищеводу, проникает в опустевший желудок и разливается по венам. На это тепло тело отреагировало новыми мулящими позывами, но усилием воли удалось загнать их поглубже.

– Очень вкусный кофе, – поблагодарил он Дашу. – Теперь всегда буду просить Вас синтезировать его для меня.

Но, неожиданно новый медработник поджал губки:

– Вы думаете, что для меня здесь не найдется более подходящей работы?

Вот! Вот, они женщины. Анатолий закатил глаза. Простой комплимент, они принимают как сомнение в профессионализме. Это, что получается, она сейчас решила, что он ее

мысленно в кухарки перевел?

– Я буду молиться всем богам, чтобы так оно и было. – Отрешенно но резко ответил капитан. И из-за того, что развернулся к девушки спиной, чтобы присесть на диван, не увидел, как та покраснела, смутившись.

– Да, извините. Я тоже надеюсь, что нам не понадобятся услуги врача. Ни терапевта, ни тем более психотерапевта.

– Тем более Ксенопсихотерапевта. – Играя желваками недовольно прогудел Окский.

И тут, для Анатолия произошло что-то неожиданное. Он даже чуть было челюсть не потерял от удивления. Девочка вытянулась в струнку, руки по швам, взгляд суровый, смотрит не на капитана, а строго перед собой:

– Я виновата. – Отчеканила Даша. – Я виновата, что не сообщила о своей дополнительной квалификации. Я виновата, что пошатнула Ваш авторитет на Перу. Я виновата, что навязалась в команду. Я виновата... Но! Но что бы вы знали! – Девушка повысила голос, а потом махнула рукой, – А нет никаких «но». Я дурочка, которая побежала, вцепилась всеми зубами и когтями за единственный, как мне показалось, шанс. Что дальше? Хорошо. Хо-ро-шо. Я все поняла. При первом же возможности, я расторгаю контракт, и схожу. Я не буду больше мешать.

И последние слова, девушка произнесла не с вызовом, как могло бы показаться читателю, а спокойным печальным голосом. Анатолий впервые видел, как начинающаяся девичья

истерика превращается в полнейший штиль. Хотя, вспоминая книги про мореплавателей, штиль сулил не меньше опасностей, чем самая страшная буря. Буря – это всегда понятно. Много работы, много смертей, но опытный капитан с опытной командой справятся, смогут не перевернуть свое корыто, смогут не напороться на рифы и скалы, смогут выстоять. А вот штиль на парусном кораблике – это сатанинская забава. И никто не знает, когда появится ветер. Никто не рискнет предугадать, что произойдет раньше, смерть от голода, жажды или паранойя вцепиться в глотки моряков.

Но глазки Дарьи не пылают сталью, губки не поджаты, и в теле все еще угадывается мягкость. Это не штиль, это что-то иное. Покорность судьбе?

Анатолий мысленно прокрутил возможные свои действия, но вместо разумного акта, внезапно расхохотался.

Утирая слезы, он предложил:

– Даш, твой кофе уже готов. Кажется, я не с той ноты начал наш разговор. Присаживайся. Нет, ты молодчина, я тебя ни в чем не упрекаю. Ты же психотерапевт, могла бы и сама понять, что мне неловко, за то, что я втянул тебя в эту ситуацию, и фактически похитил, взял в рабство. А кофе мне действительно понравился.

Девочка робко улыбнулась, но смущенно извинившись, отпросилась к себе в «номер».

– Номера на корабле называются каютами. – Улыбнулся капитан.

– А туалет гальюном? – Фыркнула, словно ежик, Дарья.

– А туалет у нас называется гигиенически блоком. Он с душевой кабинкой совмещен. Вместо кока у нас синтезатор, а... а больше я морских названий не знаю.

– А вместо штурвала у нас ложемент управления. – За спиной капитана раздался голос Леонида. – И если хоть одна морская крыса только попробует до него прикоснуться, я ее протащу под реей. Аргх!

Девушка заулыбалась и покраснела, а Анатолий не в силах сдержаться – обернулся, чтобы увидеть, как пилот стоит на одной ноге, пытаясь согнуть вторую так, чтобы казалось, что она откушена акулой в коленном суставе, левой рукой он закрывал правый глаз, а правой придерживал на плече какой-то куль, видимо символизирующий пиратского попугая.

– Чего же вы разорались? – Лукаво поинтересовалась Сима, вылезая из технического отсека. – Я только-только глаза прикрыла. Что-то случилось?

– Да, нет. Просто капитан, наконец то, выбрался из своей берлоги. Видимо весна пришла. – Опрометчиво заявил Леонид.

– Чекалов! – Тут же рявкнул по-командирски Анатолий. – Отставить трепаться! Доложить о статусе полета.

– Есть! – Ерничая воскликнул пилот. – Полет идет нормально. За время дежурства лазутчиков замечено не было! Неопределенность не определена, постоянная Планка по-прежнему равна шесть шестьдесят три! Предполагаемое вре-

мя до выхода близ станции Марата – три дня локального времени.

– На кой черт мне постоянная Планка? – Удивился капитан.

– Чтобы вычислить величину энергии квант!

Сима не стесняясь, мимоходом прописала мальчишке увесистый подзатыльник.

– Хорошо, что хоть у кого-то хорошее настроение. – Добавила она. Впрочем, не ворчливо или недовольно, а обычно, словно поинтересовалась, как прошел день.

– Да, ну вас! – Махнул рукой Леонид, тоже заказывая в синтезаторе кружку кофе.

Впервые за весь полет, за все уже шесть дней, вся команда Ладоги собралась в рубке управления. Единственный зал корабля Муфа-7 объединял в себе и столовую и кухню (если так можно назвать помещение, где установлен синтезатор пищи) и комнату отдыха и кабину, и капитанский мостик. В общем – кроме кают, душа, технического отсека и трюма (в смысле отсека для грузов), да вот этого помещения Муфа-7 удобств больше ни имела. Часто каюту пилота в таких судах переделывали под мед.отсек, а пилота поселяли в более тесной комнатке для обслуживающего персонала. Кают, вместе с капитанской и пилотской на Муфа-7 спроектировано было только 4, но Сима предпочитала все свое время проводить в техническом отсеке. Впрочем, после того как туда перетащили медицинскую капсулу, места осталось настолько мало,

что Анатолий диву давался, как там можно было провести более десяти минут. Однако Сима уверяла, что этот корабль без ее бдительного присмотра развалится уже после часа полета. И на жизнь не жаловалась. Ее пытались было силой переселить в положенную ей каюту, но после того, как оказалось, что медицинская капсула туда не влезает, бросили это занятие. Сима на уговоры не шла, и тот факт, что ей требуется медицинская процедура лишь раз в пять часов, и нет смысла куковать у автоврача все свое время на барышню не действовали.

Хотя, нет. Сейчас болезнь прогрессировала, и восстановительные процедуры требовались уже каждые четыре часа. Шесть раз в сутки. И ночью, и днем.

– Толь, расскажи лучше, как вы с Дашей встретились. – Попросила бортмеханик.

– Сима, давай не будем об этом говорить. Может быть позже, когда ни будь. Я сейчас не готов вспоминать этот... это приключение. – Немного покраснев отказался Анатолий. – Это точно, не та история, которую я захочу рассказывать внукам. Лучше, расскажи, как у вас с Леонидом дела. Что-то вышло?

Сима поерзала на кресле пассажира, развернутом сейчас к центру помещения, и несколько раз проведя ладонями по бедрам, словно вытирая их, неловко начала:

– Ленька молодец. Я не ожидала, не верила... Но ему каким-то образом удалось приручить нейроботов... Да сиди

ты! Я знаю... Нейроколонию. Велика разница. Не перебивай. Будет и у тебя время сказать. Так вот. Как я сказала, Ленка настоящий молодец. Он просто гений. Но...

Немного помолчав, собираясь с мыслями, Сима продолжила.

– Но, спасибо, и нет. Я не готова полностью разоблачиться перед мальчишкой.

– Какое разоблачиться?! Раздеваться не надо! Нейроколония разделится на две группы, и первая группа будет автономно лечить тебя в постоянном режиме! Ты не будешь привязана к этой капсуле, ты будешь свободна! Сможешь жить полноценной жизнью, и, хотя бы на время, забудешь про Ксенона. А потом мы и до Глории доберемся.

– Вот если до Глории доберемся – там и поговорим. – Жестко заявила Сима. – А пока прочь руки от моего тела. Я не хочу, чтобы какой-то мальчишка видел все мои параметры, чтобы он был во мне. И знал раньше меня, когда я в туалет захочу, а когда... В общем – это грубое вмешательство в личную жизнь. Я живая женщина, и мне не нужны такие шпионы. Любишь подглядывать? Так залезь в сесть, там полно таких видео! А мое тело – это только мое тело! Понятно вам!

Бортмеханик даже вскочила с места, сделала несколько шагов, и уставилась вызывающе на капитана.

– Чего уж тут непонятно. Сима, садись и расслабься. Без твоего желания никто ничего делать не будет. Леонид, иди

ко мне в каюту. Я сейчас присоединюсь. А вы девочки...

Капитан обвел команду взглядом, и дождавшись, когда за пилотом закроется дверь продолжил:

– Я не уверен, что понимаю причины твоего отказа, Сима, но самовольничать на Ладоге я никому не позволю.

Сима сдавленно усмехнулась.

– Да, не позволю. И если я не понимаю твоего решения, это не значит, что я не уважаю его. Я очень надеюсь, что с Дашей вы найдете общий язык. Я если честно не знаю, чем мне то сейчас заниматься, пока мы не прилетим. Но... Так... Не так... Слушай мое распоряжение! Провести тщательную инвентаризацию оборудования. Завтра.. Тьфу ты.. так. Сейчас семь.. в смысле девятнадцать тридцать шесть. Значит завтра в семь вечера предоставить мне полную опись оборудования, и прочих запасов. Выполнять!

– Ты с дуба рухнул? – Опешила Сима.

– Я сказал выполнять! – Рывкнул капитан.– Почему сидим? Распустил я вас.

– Можно хоть кофе допить? – Сухо произнесла ошарашенная бортмеханик.

– Я не успею сделать перепись до завтра! – Ужаснулась Дарья.– У меня же только одних таблеток около полутора тысяч наименований! И это я уже не говорю о сломанном оборудовании и...

– Отставить! – Перебил девушку капитан.– Тогда до послезавтра. И предоставить список необходимого для приоб-

речения. На станции пополним запасы всего.

– А зачем нам вообще таблетки, если у нас есть медицинская капсула! – Из последних сил прокричала Дарья, но кричала она уже в спину удаляющемуся Анатолию.

Такой импульсивный жест. Судорожный, не красивый. И с чего Анатолий взял, что это правильно? Какой-то инстинкт? Или дурость? Ну, вот, теперь девчонки еще и на него обиделись. Как же прекрасно он справляется с новой для себя должностью. Сейчас небось называют его самодуром, баринном и другими обидными словами.

– Я же помочь хотел. – Совсем поникший Леонид сидел на койке капитана, уронив голову на руки. – А теперь получается, что все это зря было. А мы же вместе так старались, столько усилий на ветер. Зачем она тогда мне помогала, если не собиралась...

Леонид наконец оторвал лицо от рук и жалобными глазами уставился на хозяина каюты. Но не дождавшись ответа продолжил:

– Что я не так сделал? Она сильно обиделась? Черт... Да, почему?

– Женщины. – Как можно более мягко сказал Анатолий. – Умом девчонок не понять, аршином общим не измерить, у них особенная статья, в девчонок можно только верить.

– Это про Россию.

– Нет такой страны сейчас.

– А вот с этим я не соглашусь. Русские были и будут все-

гда. Ты же Окский! Я такое мог ожидать услышать от Симы или Смита, какого ни будь, но не от соотечественника.

– Правильно ты говоришь. И неправильно в то же время. Русский. Ну и что, теперь будешь всем пенять, что русский? Остальные то в чем виноваты? Или может быть будем кичиться, что мы земляне?

– Нет, конечно, кичиться не стоит. Но ведь культура! КУЛЬТУРА!– Леонид даже встал.– Люди разные! И землянин орбитальнику не ровня. Нет, не перебивайте! Не лучше и не хуже. Но мыслим то мы разными категориями.

– Не кипятись. Согласен я с тобой. По большому счету согласен. В частности может и не сойдемся. Да и не важно это. Я на своем веку столько людей разных повидал, со столькими разговаривал и водку пил, что ты столько даже не видел. Только все же не рискну заявить, что понимаю даже лучшего друга.

– Это Кошикова что ли?

– Ты то откуда знаешь?

– А чего тут знать? Хороший и правильный мужик. – Обвинительно заявил пилот.

– Только и он ни хера меня не понимает и понять не сможет. Думаешь то, что он мне это корыто забашлял, он мне лучше сделал? Я ему теперь по гробу жизни должен буду? А слышал ли ты, когда ни будь, что друзьям в долг давать нельзя? И меньшие «подарочки» к концу дружбы приводили.

– Так Вы из-за этого переживаете? Думаете, он вам в

упрек это поставит?

– Не поставит. – Грустно подтвердил капитан. – А я себе поставлю. Только знаешь, чего это ты мне в душу лезть решил? Я вообще-то тебя успокаивать должен.

Леонид улыбнулся:

– А не надо меня больше успокаивать. Упокоился как-то. Думаете бестолково Симу уговаривать?

– Если женщина что-то вбила себе в голову, ее уже не уговорить. Только вот, что она себе вбила – я не знаю. Тут как. Уговаривать будешь – на скандал нарвешься. А не будешь – яду подсыплет.

Пилот вытаращился на Анатолия.

– Да, не ссы, – продолжил капитан, – это я про свое. Нет, Сима не станет нам яд подсыпать. И корабль не станет портить, в ней я уверен. Но ты с ней этот вопрос пока не начинай. Само рассосется. Или не рассосется. Там и узнаем. Не подумай, не спускаю я ситуацию на самотек. Нечего на меня так смотреть, думаешь, мне легко? Думаешь, я не видел, каких усилий тебе стоил этот подвиг. Все я видел. Не грусти. Чем ты занимался во время полета? Спал что ли?

– Нет, не спал, – Грустный смешок, – колонию тестировал, прогонял в разных режимах, нарастил объем и функционал. Несколько программ для нее с нуля написал. В медицине я профан, а вот оптимизировать функции управления и координирования смог. Представляете, производительность на сорок процентов поднял, только за счет того, что полно-

стью переписал протокол передачи данных. У них же защищенный канал был. Двойное дублирование и жутко сложный скрипт кодирования-декодирования. А оно надо? Они же сетью общаются. Каждый бот с сотней других одновременно канал держит. Ну, и зачем здесь удвоение канала связи?

– Это ты сейчас с кем разговаривал? – усмехнулся Анатолий.

– Да, поняли Вы все. Не стройте из себя полного-то уж гуманитария из сельского университета. И не волнуйтесь. Колония у меня просто огонь. Многофункциональная теперь стала. Мне еще пару дней работы, и я их смогу вне своего тела за стройматериалами посылать, а там глядишь, и правда автономную колонию смогу поднять. Может и правда поспешил. Все равно прямо сейчас не смогу разделить колонию на две автономные. Хотя, смотрите. Я вот так могу сделать!

После этих слов Леонид зловеще, но как-то не очень весело рассмеялся, его глаза быстро заволокло серебристой поволокой, а на лбу стали проступать две здоровенные шишки.

– Это у тебя рога будут?

– Будут!

– И зачем? – Дежурно поинтересовался Анатолий.

– Ну, как будто бы Сатана. Прикольнo же!

Последняя фраза была произнесена низким басом. настолько низким, что казалось, его слышат не уши, а все тело целиком.

– И голосовые связки подправил?

– Ага, – Глаза пилота вновь стали обычными, рога исчезли, – хотя самая сладкая фишка для меня – это то, что кораблем я могу теперь управлять без ложементов. Через виртуальный интерфейс.

– Хорошо, что сказал. Значит так! Запрещаю. В смысле, можешь кораблем управлять, каким угодно способом, но запрещаю это делать не из ложементов. Если управляешь кораблем – будь добр в этот момент находится у пульта управления.

– Да и правильно, – махнул рукой Леонид, – мало ли что где откажет, а так я смогу сразу же перейти на ручное управление. Тем более, что протокол синергии с Муфа-7, я еще только начал кодить. Сложно там.

– У, какие словечки. Ладно, разбирайся пока с новой игрушкой.

– Есть капитан!

...

Муфа-7 бороздила просторы неопределенности, если у неопределенности вообще есть просторы, а медицинский мирок по-прежнему прозябал в унынии. И не удивительно – пространство, созданное для отбывания срока операции, не могло быть наполнено радостью и весельем. Кто захочет веселиться, когда оказался на операционном столе, условно говоря. Разве что совсем маленькие дети, для которых все новое интересно, а все неизведанное – не пугает, а вызывает возбуждение.

Яркое, нарисованное, солнышко тщетно грело землю, камни и густые кроны деревьев, черепаха брела в бесконечность. Слона уже давно никто не видел, может быть, его вылечили, о другом варианте думать не хотелось. Случайные кролики, шмели, крысы, кошки, крокодилы, собаки... Все они появлялись и исчезали. Ах, да, попугай, который считал себя совой. Он уже вторую неделю прятался в кронах деревьев. Мухоморы же все так же торчали на лужайке. Алые шляпки с белыми пятнами. Упругие, мягкие, бесполезные. Они словно нарочно здесь натканы, чтобы вызывать ярость, чтобы нестерпимо хотелось их разодрать, раскромсать и разбросать куски по зелени лужайки. Но и это оказывалось бесполезным.

– О чем задумался? – Поджарый старик в голубом халате обратился к лисенку, который в очередной раз о чем-то глубоко задумался. Голос старика был низким и только-только начинал приобретать старческое дребезжание. Учитель, наставник, единственный друг. Друг... Нет, наставник никогда не был лисенку другом. Никто и никогда. Даже этот странный парень, пилот, появился лишь на мгновение.

– Почему бы тебе не принять свой облик? – Предположил наставник. – Уверен, тебе будет проще оперировать консолью в облике человека.

Лисенок отвел взгляд.

– Чарлот, повторите пожалуйста мой вопрос, – не отставал наставник.

– Для нахождения экстремумов данной функции следует использовать закон второго приращения Вайнтца, Учитель, – Лисенок продолжал оставаться задумчивым и отрешенным.

– Что же. Можно пойти и по этому пути. Чарлот, тебя что-то беспокоит? Хочешь, чтобы мы отложили занятие? Тогда в следующий раз придется сделать больше вычислений.

– А зачем все это? Нет, я понимаю, что учиться – это долг каждого ребенка, и Лея гарантирует возможность получения образования для всех... Но зачем?

Долгий вздох наставника привлек внимание лисенка.

– Чарлот, я тебя не узнаю. У тебя великолепные успехи в учебе, ты опережаешь своих сверстников, и я точно знаю, что ты понимаешь важность развития личных компетенций. Взрослая жизнь требует от нас высочайшей квалификации в любом деле. Лее нужны специалисты высочайшего класса. Вот! Общий курс такими темпами у нас закончится уже через год-полтора, и ты сможешь получить профессию! Смееу заметить, я буду ходатайствовать, – тут старик смутился на мгновение и поправился, – просить, чтобы тебе дали самую интересную и сложную специальность. Ты справишься даже с программированием квантовых интерфейсов искусственного интеллекта. Или тебе интереснее быть оператором логистических маршрутов?

– Зачем? Зачем Вы мне врете? Я же никогда не выйду из этого... Кто я? А кто Вы? Наставник! Ваши паттерны пове-

дения характерны разным людям. Внешность, голос, текст – все совпадает. А вот манеры, жесты. Два дня назад приходил другой человек. А на той неделе вы были женщиной. Скажите, хотя бы, как Вас зовут!

– Чарлот, зови меня Наставник, или Учитель...

Лисенок зашипел:

– Вы сейчас отвечаете, как бот какой-то. Я Вам про Фому, а Вы мне про Ерему! Зачем мне вообще Вас как-то звать?

Силуэт старика на секунду подернулся, и продолжил тем же голосом:

– Чарли, все хорошо, – осторожная полуулыбка застыла на лице старика, – давай сегодня сделаем небольшой перерыв. Хочешь, мы с тобой поиграем в ассоциации...

– Куда делся прошлый Наставник! – Зарычал лисенок. – Где преподаватель математики? Почему сменился оператор? Сколько может это продолжаться?

– Чарли, это я, все хорошо. Я была... Я был здесь все это время.

– Да, идите вы все к черту! За кого Вы меня держите! Я книжек по психологии прочитал больше, чем вы все вместе взятые! Я же только и могу, что читать книги и ролики смотреть! Сволочи! Мне здесь даже поговорить не с кем! Вы меня только и пускаете, что к комотозникам! Что я вообще такое? Я что, чей-то проект? Чья-то дипломная работа? Почему я никогда не видел своего тела? Где...

Мир снова дернулся, и застыл. Лисенок, Чарлот, Чарли,

тот кого иногда называли Шарльем, Чарльзом – и все один и тот же старик. Учитель, Наставник, один и тот-же человек, который себя вел так по-разному каждый раз.

Чарлота насильно выкинуло из образа лиса, и вот он уже видит свои руки – ненавистные, нарисованные, ненастоящие руки. Как ему сейчас поверить, что этот аватар соответствует его настоящему облику?

Пространство вокруг собралось в серые стены, впереди было зеркало, какой-то стеклянный стол, строгий стул. Лампа на длинном шнуре свисала с потолка, а в зеркале отражается насупившийся ребенок. Да, он уже видел этот образ, он легко мог принимать его, но предпочитал любой другой.

Первое, что бросалось в глаза – полупрозрачная кожа на тонких как хворостинки руках, шее, на кривых ногах. Под отливающей голубоватым кожей было видно, как бьется кровь в артериях и тягуче проталкивается по венам. Обычно эта кожа не была такой отвратной, такой тонкой.

Глаза подслеповато щурились, да это те же глаза, которые он видел и раньше, но теперь они были больше, глазные яблоки, словно не помещались в глазницы. А еще синие губы и медицинский халат, который походил больше на балахон.

Несколько минут прошло в тишине, и вот наконец рядом появился мужчина. Он был высок, Чарлот доставал своей макушкой только до его локтя. Мужчина лучился благополучием, а ребенок в сравнении с ним теперь казался еще более ничтожным, словно изуверским образом вытянутый эм-

брион.

– Чарлот, – спокойный канцелярский голос мужчины заставил мальчика съежиться, как от холодного сквозняка, – не буду скрывать, Ваше поведение вызывает у нас беспокойство. Это происходит уже не в первый раз, поэтому было принято решение... Гм... Экстренного вмешательства. Я не психолог, не преподаватель. Я юрист. Ваш юрист. Готовы ли вы сейчас выслушать меня? Я получил распоряжение объяснить Вам Ваш юридический статус. Это будет долгий и неприятный разговор.

– Сейчас? Вот так? Внезапно? – опешил бывший Лисенок. С удивлением он увидел в отражении зеркала испуг на своем лице.

– Почему же внезапно? Вы уже многократно запрашивали эту информацию, в том или оном виде. Мы хотим, чтобы Вы понимали, что с Вами готовы говорить... Гм... Серьезно. Да, Чарлот, Вы не совершеннолетний, находящийся на попечительстве Нашего Совета. У вас сейчас нет права голоса, в юридическом смысле. Но как мне показалось доктор Ка... Извини, меня просили не называть имена. В общем Ваши кураторы пытаются сделать ваше существован... Ивините... Вашу жизнь более комфортной.

– Почему тогда они сами не говорят со мной!

– Они пытались. Они разговаривали. Но Вы сами не воспринимаете их слова серьезно. Я могу включить записи этих разговоров. Они пытались все Вам объяснить, но не смог-

ли. Поэтому мы и встречаемся с вами в такой обстановке. Прежде чем мы продолжим разговор, прошу ознакомиться с рядом документов. Это договор о оказании Вам медицинской помощи, это свидетельство о попечительстве, это...

Человек еще пол часа только выкладывал документы из воздуха на стол. Он оглашал и оглашал названия документов. Документов, в которых фигурировало одно лишь именован- ние Чарлота – а именно «Пациент G9-3856p7», не Лисенок, как его называл странный парень, пилот, не Чарлот, как его называл Наставник, не Чарли, как его называл тот же самый наставник, когда им управлял кто-то другой из персонала... Не Чак, не Шарль... Только «Пациент G9-3856p7».

– Я по-настоящему выгляжу именно так?

– Да, за одним исключением. Ты плаваешь в полупрозрач- ном оранжевом геле, к твоим венам подключены трубки, в ноздрях, во рту какие-то шланги, глаза полуоткрыты, но они не реагируют ни на свет, ни на движение. Что Вы еще хотите узнать?

Стоило человеку закончить говорить, как аватар исчез. И появился через пару десятков секунд. Он принес глубочай- шие извинения за лишние подробности. Объяснил, что те- ло ребенка действительно живо, но не функционально. На этом он распрощался, давая мальчику самостоятельно озна- комиться с документами.

В то время как «нарисованный» Чарлот обреченно скло- нился над грудой документов в нарисованном мирке те, кто

с ним говорил, старательно избегали глядеть друг на друга в реальном мире.

– Это слишком жестоко.

– А что мы могли еще сделать?

– Я все понимаю, но зачем же так грубо, так в лоб? Он же ребенок.

– Повторяю в очередной раз – он не ребенок. Он вычислительная ячейка нового поколения. Уже сейчас Чарлот выдает вычислительных мощностей, как двадцать стандартных ячеек на ферме. Нам надо протянуть еще хотя бы полтора года, чтобы предоставить отчет.

– Мы точно будем гореть в аду.

– А я думал, что мы находимся в цивилизованном обществе. Можем мы обойтись без религиозных концепций? У него хотя бы есть такой мир, такая жизнь. А в дальнейшем возможны интерфейсы присутствия, он сможет стать частью реальности, продолжая вырабатывать мощность для наших серверов Биг-Дата. Сколько можно об этом говорить! Да, у нас очередной кризис! Но я категорически утверждаю, что перевод даже в кратковременную кому уничтожит все наши старания. Лея нуждается в подобных решениях. На нас возложена эта миссия по апробации решения. Или вы хотите уничтожить работу десятков лет, просто из-за своих сомнений и сантиментов?

– Нет.

– Так-то. Кто-то должен брать на себя ответственность.

Карл, продолжайте раскочку его мозгов. У Вас все хорошо получается. А мы займемся своей работой. Надеюсь, что разработки психологов помогут хоть на какое-то время заставить Чарлота следовать нашей программе.

– Он щелкает мои задачки на раз. Надо усиливать интенсивность. Надо привлекать новых специалистов. Из университетов. Предлагаю начать социализацию мальчика.

– Исключено. Его психическое состояние слишком нестабильно! К тому же, мы должны жестко контролировать все его контакты. Представляете, что может произойти, если будет утечка информации.

– Я один уже не смогу загрузить его на сто процентов! Нужны нагрузки иного рода! Математика для него слишком проста! Нужны реальные модели!

– Нет. Продолжайте в том же духе. Жду от вас отчета через неделю. Как идет гормональная коррекция? Может ли этот кризис быть связан с тем, что он входит в подростковый возраст?

– Нет, все гормоны в норме. Проблема не в физиологии. С этим вопросом можно еще с полгода повременить. Хотя, по нашим прикидкам гормонального скачка может вообще не произойти. Он же в банке растет.

– Вот и хорошо. Через неделю я собираю комиссию. Мне нужен будет подробный отчет. Продолжайте работу.

– 6 –

И снова эти отвратительные грибы. Если бы не полумет-

ровые мухоморы, то было бы не так противно. Даже кислотные мультяшные краски не раздражали так сильно. Даже идеальное небо, даже бестолковые животные, даже собственная растерянность.

Леонид огляделся. Он сам не мог объяснить, что же он делает здесь. Зачем в очередной раз взломал медицинский сервер, зачем пришел в это унылое место и зачем высматривает Лисенка. Просто пару дней он не находил себе места. Просто так. Да, обидная ситуация с Симой его ошеломила, но тоска его привела почему-то сюда. Не в комнату подружки, не в летный симулятор, как иногда случалось, не на сайты с интересным содержанием, а в этот унылый до удушья мирок. И ладно, если бы сюда было легко попасть – нет! Он потратил сорок минут на обход защиты, и проброс соединения. Он понимал, что ему нужно здесь быть... Но почему? Неужели Лисенок занял такое больше место в его жизни? Так нет же! Всего лишь чужой ребенок, всего лишь очередное капризное, и никчемное существо.

Да, это все правда. Но почему он сейчас так напряженно высматривает рыжий клочок шерсти? Почему ему чудиться, будто вот-вот и промелькнет огонек шустрого животного между деревьев.

Леонид смущался себя.

Парень прошелся по поляне, где все так же слепо и безразлично брела черепаха. Он растерянно толкнул упругий гриб, и хотел было позвать... Но не решился. Как-то это уж

совсем глупо будет выглядеть.

С другой стороны, он же сюда пришел в поисках Лисенка? Зачем? Разве не будет еще более глупым походить здесь час и так и не позвать...

Точно! Он должен поблагодарить мальчика! Вот оно! Он же так и не сказал спасибо. Лисенок оказался рядом именно в то мгновение, когда ему нужна была помощь. И смог помочь так, как никто другой бы не смог. Вот она причина.

Уже более уверенно, Леонид зашагал к краю поляны, к тому месту, где в чащобе высадил куст... Куст яблоч.

И куст яблоч был на месте. Все пять яблоч сияли алым. Значит мальчишка не удрал играть в свои игрушки. В смысле не отправился в тот фентезийный мир. Странно, что инсайд так и не пофиксили.

Леонид усмехнулся: «Бездарные программисты в медицине на Лее».

Еще через пару шагов он наконец заметил то, что искал. Но вместо ожидаемой радости в груди что-то защемило.

Лисенок лежал около куста старой драной тряпкой. Не огненно-рыжий, а словно тусклый, пыльный мешок. Животное лежало, уронив мордочку на лапы, и никак не реагировало на его присутствие.

– Здравствуй, – позвал пилот, но ответа так и не получил.

– Ты АФК, что ли? – рука пилота легла на загривок зверя, – знаешь, я ведь так и не смог тебя по-настоящему поблагодарить. То, что ты для меня сделал – это было... Надеюсь

ты понимаешь.

– Я ждал, – вздохнул лис.

– Ты обиделся, что я так долго не приходил?

Лисенок только отвернулся от парня.

– Да, наверное, я виноват. У меня там такие дела случились! Похоже это день такой. Все на меня сегодня обижаются.

– Я не обижаюсь, – безразлично засопел лис, – просто все как-то... бессмысленно, что ли. Зачем ты пришел?

– Я же говорю, сказать «Спасибо».

– Ну, все. Сказал. Теперь можешь идти.

– Лис, но ты ведь меня ждал! Зачем ты меня ждал?

– Не ждал я тебя, – лисенок выполз из-под руки Леонида, и отойдя на пару шагов, снова обреченно улегся.

– Ты сидишь под этим кустом. Ты ждешь. Иначе ты бы здесь не сидел. Почему грустишь?

– Это тебя не касается. Нет. Все равно ты не сможешь помочь. Да и зачем? Мы ведь даже не знакомы. Совсем не знакомы. Что тебе от меня надо?

– Чарлот Леренард, 8 лет, прописан на Лее...

– Хватит! – Вдруг рявкнул Лисенок, – В банке с гелем я прописан! Ты хотел видеть меня настоящим? Хотел! А вот гляди!

Лисенок яростно вскочил, и в прыжке испарился. Но не прошло и секунды, как на его месте возник страшенький мальчишка. Он доставал только до груди пилоту, на макуш-

ке его безжизненно болтались серые волосы, свисая на лоб и закрывая серые пучеглазые зенки. Да, все бы было не так страшно, но вылезшие из орбит чем-то напоминающие крысиные глаза уничтожали любое желание продолжать знакомство. Тонкий нос, серые губы, кривая длинная шея, узкие, настолько узкие плечи, что в реальности медицинский халат, сейчас нацепленный на это чучело, не смог бы удержаться.

– Это твой настоящий облик? – Осторожно проговорил Леонид.

– Не знаю, – отворачиваясь просопел мальчик, – не видел его. Так мне сказали. Очень убедительно.

А потом с отвращением добавил:

– Тело живо, но не функционально.

– Ты сейчас сбежишь? – Печально спросил Чекалов. – Не позволишь с тобой поговорить?

– А зачем?

– Зачем? Я бы сбежал. Да, если бы я был в такой ситуации, то я бы тоже мог показать этот образ назло всем. Но после этого я бы убежал, и никогда бы не стал говорить с человеком, который меня увидел таким.

– Зачем разговаривать! – Возопил мальчик, срываясь на истеричные нотки. – О чем нам с тобой разговаривать! Ты там, где-то в космосе, а я в этой банке! О чем!

– Но ведь я здесь, и ты тоже здесь. Ты зачем-то ждал меня. Признай, ведь ждал!

– Ну, ждал, – всхлипывая подтвердил мальчик, – не знаю,

зачем. Я не знаю, зачем я тебя здесь ждал!

– Я тоже не знаю, зачем сюда пришел, – сознался Леонид, подходя ближе к размазывающему несуществующие сопли уродцу.

– Вот именно! – Обвинительно выкрикнул бывший Лисенок, но не смог продолжить, потому, что оказался в объятиях незнакомого, чужого парня.

– Вот именно, – спокойно повторил пилот, прижимая ребенка. Мордочка Чарлота прикоснулась к его груди, он ощутил его глаза, мерзкие выпученные крысиные глаза. Было противно. Но парень не стал разжимать руки.

– А что дальше? Мы больше никогда не увидимся, – спокойно и уверенно заявил ребенок, – ты исчезнешь и больше никогда не вернешься. У тебя полно дел. Работа, заботы. Зачем я тебе сдался? Или ты будешь приходить сюда, чтобы смотреть, как я из этого стручка превращаюсь во что-то настолько же мерзкое.

– А что, если я скажу, что заберу тебя. – Неожиданно для самого себя уверенно заявил парень.

– Куда? Зачем? И как? – Обреченность так и сквозила в саркастическом выкрике.

– Не знаю, как. Но знаю, что заберу. Не знаю зачем, но вытащу тебя. – Леонид продолжал поражаться своим словам.

– Я на ферме! Я собственность Леи, там куча охраны. Меня не отдадут.

– Не отдадут. Я сам заберу. Но ты не на ферме. Я уже дав-

но вычислил сигнал. Ты находишься в каком-то институте. Я сейчас не вспомню названия. Я абсолютно точно знаю координаты твоего подключения. Все это реально. Я вытащу тебя из этой твоей капсулы. Ты мне веришь?

– Верю, – опадшим голос ответил мальчик, – верю. Но разве это поможет.

– Поможет. Ты меня дождешься. Я найду способ. Обещаю. У меня на Земле есть дом. Родители. Ты сможешь жить по-настоящему.

Мальчик отстранился. Оттолкнул Леонида, сам отошел на шаг. На лице не было следов слез, но в этом мире и не могло быть слез. Зачем давать возможность нарисованным коммозникам плакать по-настоящему. Лишний функционал.

– У меня есть еще часов семь, – Сообщил Леонид, – потом моя смена, придется работать на Ладого. Хочешь войти в игру?

– Не хочу, – Чарлот опустил голову, но все же принял у парня сорванное с куста яблоко, – я ничего сейчас не хочу.

Мальчик наблюдал, как только-что обнимающий его мужчина откусывает кусочек от своего яблока и растворяется в воздухе.

Мир подернулся пеленой, в уши ударил гвалт базарной улицы, в носшибанули странные запахи, а спустя секунду и зрение выцепило пыльные улицы фентезийного мира. Того странного мира, где он был собакой по кличке Лисичка с нимбом вместо ошейника. Того мира, где у него был хозяин,

а он был ручным животным. Того мира, где Пилот сейчас сидел на краю фонтана и смеялся.

– Я сейчас только вспомнил, что это хай-лevel локация. – Вытирая слезы с лица посетовал нервно смеющийся Пилот. – Нам и тут некуда идти.

– Незачем куда-то идти. – Поправил пес по кличке Лисичка.

– А как же мы тогда сумеем развеется и повеселиться? – резонно возразил Леонид. – Ты как хочешь, а я просто обязан оторваться по полной. Неделька уж больно напряженная вышла. Буду рад, если мы это сделаем вместе. Осталось только понять, что мы вообще можем здесь.

Площадь жила свой жизнью, не обращая внимания на появившуюся парочку. Местные неспешно занимались своими делами, торговцы лениво рекламировали свои товары, мужики брели по делам, женщины разглядывали товары. А вот вооруженные мечами, латами, волшебными посохами и луками товарищи носились сломя голову. Некоторые из них изредка тормозили у лавок, другие пресекали площадь не останавливаясь. Все понятно – интересные квесты и неинтересные энпеесы, которые не выдают новые квесты. Зачем тормозить около молодой девушки, которая споткнулась и рассыпала персики по земле? Зачем останавливаться около нищего, просящего подаяния, зачем обращать внимание на старика, у которого отвалилось колесо от его тачанки?

Леонид был уверен, что видит тривиальную картину стан-

дартного эмемо. Да, сам он никогда на эту дурь времени не тратил, но видел фильмы или ролики про такие вот игрушки. Поэтому считал себя экспертом.

Пусть немного надменно, но все честно. Как он считал.

– Разрешите Вам помочь? – Поднимая укатившийся персик, сказал девушке Пилот.

– Я квесты не даю! – Возразила девица с лукошком.

– А, бог с ними, с квестами. Я просто так. Корзинка то тяжелая наверно?

– Нет. – Зарделась девица. – Я привыкла. Вот собрала свежий урожай и в лавку к матушке несу.

Леонид закинул в корзинку пол дюжины фруктов, которые успел поднять быстрее хозяйки. Он даже умудрился отобрать лукошко – девушка не сопротивлялась, и кажется была польщена вниманием.

– Лавка за углом. – Комкая передник сообщила миленькая энпеэска.

– Замечательно. Не пугайтесь, это моя собачка.

– Здравствуйте! – Неосмотрительно заявила собачка.

Взвизг девицы «Ой, он говорящий», последующая расступившаяся толпа и мужики с дубинками и тесаками за кушаками – стала наградой за приветствие.

– Кажется здесь не привыкли к говорящим собакам, – посоветовал Пилот.

– Кажется здесь не привыкли к тому, что мужики в халатах на голую жопу помогают собирать фрукты девушкам, –

возразил Лисичка.

– С чего-то то надо начинать! В любом случае, что бы сейчас ни произошло – оно лучше, чем полуметровые мухоморы!

– Это, да... – вздохнула собачка.

– Опусто оружие! – Велел кто-то из мужиков.

– Какое оружие! Я странствующий актер, скоморох и дрессировщик! Мужики, вы чего? – Самозабвенно заврался Пилот.

И Лисичка тоже принял игру парня, он встал на задние лапки и начал ритмично тьявкать.

Пританцовывая в такт, Леонид внезапно затянул:

«Вы-ыходи-ила на берег Катюша,
На-а высо-окий берег, на крутой...»

Мужик, велевший убрать оружие, яростно почесал пятерней у себя в затылке, да так, что все отчетливо слышали хруст соскабливаемой грязи:

– Бальной, что ли?

«Вы-ы ходи-ила, песню заводи-ила,
Про-о того, которого ждала...»

Румяная девица весело смеялась, присев и прихлопывая в такт тьявканью собаки, кто-то из толпы тоже пустился в нехитрый пляс. Зато дубинки из рук мужиков исчезли и на лицах появились пусть не улыбки, но заинтересованные гримасы.

– Слышь скоморох, на жонглируй! – Все тот же мужик

вытащил несколько персиков из корзинки девушки и запустил ими в лоб Пилоту. Правда и тот не растерялся, ловко увернулся...

Хорошо, это сам Леонид хотел увернуться, но оба запущенных фрукта смачно врезались в его твердый лоб, и сладким пюре растеклись по лицу. А сам он плюхнулся на пятую точку. Лисичка внезапно поджав хвост заскулил, при этом ощеривая зубы в оскале.

– Хорош, хорош. – Наконец заготовили мужики. – Таких клоунов мы еще не видали. Вот, держи медяк.

Грош плюхнулся в пыль дороги, рядом с ошарашенным парнем. Рядом присоединилась еще парочка монет.

Вот не так он планировал заработать свои первые деньги в игре! Не так!

– Что это было? – Шепотом осведомился Леонид у товарища.

– Кажется сначала нас чуть было ни убили, а потом ты устроил уличное представление, за которое заработал три медяка. – Резонно заметил песик, так же перейдя на шепот.

– Что-то мне не хочется продолжать карьеру скомороха. Персики сладкие, но хотелось бы их ртом поглощать, а не всем лицом сразу.

– Зато копеечку заработали.

Пока Ленька приходил в себя, пока по-варварски отмывал лицо в фонтане, девушки с персиками и след простыл. Что же первая попытка наладить знакомство провалилась. Будем

пытаться дальше.

– Думаешь этого хватит, чтобы что-то перекусить ку-пить? – Заинтересовался Лисичка.

И они вдвоем пошли по торговым рядам. Что же. Трех монет как раз хватило на пяток пирожков с мясом. И пусть собачку пришлось кормить с руки, не позволяя есть с грязной и пыльной дороги, но настроение стало улучшаться.

И улучшалось оно до тех пор, пока где-то в стороне не раздался крик: «лови вора»!

– А чего это мы сразу не подумали, что с лотков можно просто стащить еду? – Изумился Чарлот в облике собаки.

– Я те дам, стащить. Не позволю пятнать наш моральный облик! Я честный герой!

– Фу, ты! Герой! Ты еще помнишь, что задницей сверкаешь, когда широко шагаешь или нагибаешься?

– Чарлот, не язви! – Впервые назвал Леонид друга по имени. Тот стушевался, рыкнул, но ничего не сказал.

За разговором приятели не заметили, что парень, за которым неслась толпа мужиков, бежал прямо на них.

– Держи вора! – Кричали одни.

– Моя Ряба! Отдай курочку, ирод! – Стонала вдалеке у лотков обворованная тетка.

И только воришка ничего не кричал, но изо всех сил работал ногами и лопатками. В руках его одурело квохчала пестрая курочка. И вот надо было так случится, что эта дурная птица буквально напротив Пилота с Лисичкой решила ро-

дить. В том смысле, что как только воришка поравнялся с нашей парой, курочка снесла яичко. Яичко, да не золотое, а простое. Яичко это никто бить не пытался, оно само свалилось аккурат под ногу воришки. Воришка наступил на «вражеский снаряд» и давя скорлупу оскользнулся, разъезжаясь в залихватский шпагат. Сдавленный стон, наполненный болью, заставил голубей подняться со всех ближайших крыш. Солнце чуть было не померкло от обилия пернатых в небе, а курочка из разжатых рук неуклюже вспорхнула и приземлилась аккурат на голову Пилота.

– Говорят это на счастье! – Не преминул отметить Чарлот, наблюдая как курочку прошиб знатный такой приступ поноса, даже с носа у парня закапало.

– Я тут некоторым говорящим собакам, сейчас их говорилку на задницу натяну! – Неожиданно для мальчишки со злобой рявкнул Леонид.

– Эй, да я же пошутил!

– Знаешь, где я такие шутки видел? Да, слезь ты с меня тварь пернатая!

Но птицу не так-то легко оказалось сбить с головы. Тычок она проигнорировала, а после удара, было свалилась, но взмахнул крыльями, заняла прежнюю позицию на голове страдальца.

– Отдай мою курочку! – И как эта тетка только успела оказаться перед ними быстрее разъяренной толпы мужиков.

Леонид только наклонился вперед, дабы торгашка сама

сняла с него пушистое чудовище. Ярость начинала кипеть в жилах, и парень сам не заметил, как оказался рядом с воришкой. Тот все еще не поднялся со шпагата, и заливисто ревел, видимо конструкция его тела не подразумевала такие растяжки. Но Леонида это не остановило, он, матеря парня на чем свет стоит, схватился за ухо и одним рывком поставил на ноги.

Это был обычный деревенский оборванец, юнец лет четырнадцати, щуплый, голодный, испуганный и обескураженный.

– Я тебе, недоделок, сейчас покажу, как в людей куриным говном кидаться!

И с криком, который не пропустит в печать ни один из цензоров, вонзил ему кулак сначала под ребро, а затем и под левую скулу.

Опешившие мужики робко топтались в сторонке, наблюдая, как «колдун в белоснежной мантии увещевает мелкого воришку».

– Чего это он такое делает?

– Не видишь, что ли, Борода! Ворожбу колдует! Слова то какие закоробистые! Кажись на три поколение его род проклял.

– Это... Мужики... Наш ведь парнишка-то... Может это... Ну, как обычно, руки лучше отрубить? Чтобы повадно не было... Зачем же его так-то вот... Эко вот он его... как то бишь он сказал: «Факин шит, мазер твою фазер»... Может

не надо этого волшебства?

– Чего-то мне кажется, что этот «мазер фазер», херня. Вот то заклинание, которое про «хер на ухо намотать», пострашнее будет.

– Так он убьет же его!

– Дурья твоя голова, это ж неумирающий. Хотел бы убить, убил бы одним ударом. Видишь, как его трясет. Он свою магию поганую творит. Мало ему бед-то.

И тут одна из перепуганный голубиных тушь, что взметнулись в небо от криков, метко сбросила новый снаряд, да так метко, что попала аккуратно в тыковку Пилоту. Птичка обосралась в небе и там же и окочурилась, по какой причине одним небесам ведомо, но ее бездыханное тельце пало в пяти шагах от разгневанного «мага». Тот, утирая новую оплеху судьбы с волос воззрился в небо и охарактеризовал его такими эпитетами, которые еще долго в селении почитали за страшнейшее заклятие.

Мужики попадали ниц, продавцы соседних лавок запричитали, умоляя не губить. Тут же появились свидетели, что питухи яйца нести начали, а у одной бабки оказывается именно в этот момент сгнило три арбуза. Тут же нашлись оригиналы, у которых, видите ли вот именно сейчас половина всей рыбы на прилавке протухла и начала смердеть.

– Не губи! Великий, добрый волшебник! – Взмолились бородатые мужики и начали бить челом прямо в дорожную пыль.

– Чего это они? – Опешил Леонид, и потирая разбитые о лицо воришки костяшки, обратился к своей собаке.

– Кажется ты сейчас проклял их село. Или город. – Тявкнул Лисичка.

– Я же просто обматерил их, эм... Да, чего-то я разошелся. Кажется, парнишке крепко досталось. Но это он сам виноват, нечего курицами в людей швыряться!

– Это... – робко попросил один из мужиков, – можно мы уже вора заберем?

– Куда это? – Грозно возразил Пилот.

– Ну, дак. Руку надо отрубить. У нас закон строгий. За воровство надо руку отрубить. Хотя теперь уже и не знаю. Как это ты сказал? Мол сам он помет собаки, и дети его теперь тоже помет собаки. Руки его кривонопые... Это лихо ты его проклял. И всего-то за курицу. Может мы ему лучше руку отрубим, ну, как по старинке... И обойдемся без ворожбы?

– Кажись уже поздно! – Возразила собака.

После этого заявления с дороги исчезли последние сторонние наблюдатели, даже товарищи говорящего мужичонки куда-то пропали. Сам дядька неуютно мялся, не решаясь последовать примеру товарищей.

– Сдриснул, чтобы я тебя не видел! – Разрешил Леонид, и улица полностью опустела. Можно еще было заметить, как захлопываются ставни и запираются двери на засов. Даже лавочники побросали свой товар и схоронились кто куда.

– Пошли, что ли обратно к фонтану, умываться буду. –

Пилот промокнул руки своим халатом, и не обращая внимания на распростершегося воришку, отправился обратной дорогой.

– Зачем ты его так избил? – Проскулил песик, – он ничего такого не сделал!

– Посмотрел бы я на тебя, если бы тебе всю рожу говном измазали!

– Так это же не он! Это курица! А потом голуби!

– Слушай, давай я сейчас умоюсь, а потом поговорим. А вот честно скажу, чего-то на грубость меня сейчас тянет. Чарлот, я и сам не ожидал от себя такого. Ну, да, бывало дрался – с каждым бывает, но чтобы вот так... Нет, но он сам виноват! Во-первых, вор. Во-вторых, меня засрал. Мелкий негодник...

– И что мы теперь с квестами делать будем? От нас же теперь все люди прячутся! Какая уж теперь игра?

– Да, к черту такие игры! Тут вроде как весело должно быть, а не так срачно!

– А потом он какое-то заклинание прочитал, и небо потемнело, – услышал Чарлот приглушенный разговор, – а с неба птицы мертвые посыпались! Говорю тебе – это некромант был!

– Какой, такой некромант! Некры ритуалы не проводят! Чистой воды шаман! И чего, теперь этот город проклят? Я же еще квесты не сдал.

– Плюй ты на эти квесты! Видишь, энпээсов вообще на

улице не осталось! Это он!

– И чего он делает?

– Кажется главную площадь проклинает! Тва-аю жеж...

Вода пеной пошла... Валим отсюда!

– Да, это же игрок!

– Какой нафик игрок! Рейдовый босс вне уровней! Ты как хочешь, а я валю!

– Это что, теперь здесь данж будет?

Убегающие игроки успели насмешить Лисичку. А вода в фонтане действительно начала пениться из-за смывой с волос Пилота массы.

– Чего дальше делать будем? – Отфыркиваясь от грязной воды, задался вопросом Леонид.

– Может в ратушу?

– Зачем?

– Проклянем пару алтарей, у тебя это хорошо получается.

Пилот скорчил такую рожу, что мальчик в теле пса сразу понял, что сейчас точно не лучшее время для шуток. Тем более со стороны торговых рядов к ним на коленях шел давнейший воришка.

– О великий колдун, светоч нашего мира и заступник! Пощади, покорного раба твоего! Каюсь, грешен, покусился я на чужое! Каюсь, виновен! Но все вина тому голод мой и братьев моих. Не имея разума и сил работать, толкнуло меня грешное проведение на проступок этот. Не губи род мой. Согласен я принят кару твою, но братишки мои и сестренки,

что сейчас дому плачут в чем же виноваты? Не карай их за грехи мои тяжкие!

– Сдались они мне, – отмахнулся Пилот.

– О самый светлый из светлых волшебников, благодарю тебя за дар твой. Будут они чтить подарок твой, и щедрость твою. Так значит ты снимешь проклятье с рода моего?

– Какое еще проклятье?

– Ну, эта... все, которые наложил... Ну, про детей моих и про родню, и про отсыхание органов плодородных и прочих.

– Чего? – Возмутился Леонид.

– Мне тебе дословно пересказать, как ты его крыл? – Влез в разговор говорящий пес.

– Да, пожалуй, что не надо. А как с него проклятье снять? – Шепотом осведомился парень у приятеля.

– А еще было бы не плохо проклятье с города снять. А то я слышал тут разговор парочки игроков... Оказывается ты шаман, и проклял этот город капитально. Сейчас сюда, небось, целый рейд собирается, чтобы босса вне классов завалить. Сразу подскажу – босс в не классов – это ты. Злой шаман – то же ты.

– Пацан, закрой рот, и перестань завывать! – Обратился Леонид к порядком надоевшему воришке. – Проклятья я снять не могу. Один лишь путь у тебя – побрей голову на лысо, бери мотыгу и иди косить траву. Как накормишь досыта тридцать коров или быков – так спадет с тебя заклятье! Я все сказал! А теперь прочь!

– А зачем ты его мотыгой траву косить заставил? – Изумился Чарлот.

– А чем надо было?

– Обычно косят косой. А мотыгой землю рыхлят. Кажется.

– А и ладно! Следующий раз неповадно будет. – Задумчиво проговорил Леонид, рассматривая сверкающие пятки уносящегося, не разбирая дороги юноши.

– Ну, что будем сваливать? – Лисичка как-то поскущнел, было видно, что он рассчитывал на продолжение приключения.

– Зачем? Даже если нас убивать придут – то мы в посмертную локацию отправимся – вот тогда и уходить можно будет. А сейчас... Если в меня больше говном кидать не будут, пошли дальше кошмарить местных. Как ты говоришь, я страшный шаман? В таком случае ты у нас будешь Цербер. Сможешь себе еще две головы отрастить?

...

– И вот тогда я ему говорю, что я блогер, – подытожил Анатолий, делая театральную паузу в своем повествовании.

И благодарная публика не заставила себя ждать. Даша, так та, вообще прыснула, расплескивая кофе из пластикового бокала. Сима же продолжала добродушно улыбаться – видно было, что все эти байки не очень-то ее занимают, но она просто радовалась вместе с остальной командой. Словно ма-тушка, смотревшая на забавы своих малолетних отпрысков.

А вот в глазах Леонида горел азарт и восторг, видно было, что он так и жаждет вставить свои пять копеек, но отчего-то пока сдерживается.

Первой паузу оборвала девушка, с нетерпением чуть ли не выкрикнув:

– А что охрана? Вас вышвырнули?

– Щас! Как бы не так! У меня же камера, трансляция, кому охота на весь мир ославиться? Но в лице вице-канцлер переменялся. Он то думал, что я следственный дознаватель, и веду оперативную съемку. Но это я уже потом узнал. А я ему значит, так спокойно заявляю: «хорошая, видать зарплата у чиновников, раз они могут себе позволить особое обслуживание в борделе Касл Риот». А на этом жирном борове в этот момент две девицы сидят, на столе разные бокалы, фужеры, таблетки, порошочки. Музыка гремит, гвалт, и только официанты туда и сюда шныряют. Двое мордovorотов мне уже за спину зашли, как только поняли, что я не легавый. Но пока не трогают, ждут, значит, отмашки. А Вице-канцлер такой встает в полный рост, штаны приспущены, а из-под них ярко красные шелковые семейники торчат. И тут у меня словно что-то щелкнуло. Смотрю я на эту свиноту килограммов в сто пятьдесят весом, как он надо мной нависает, и понимаю, что сейчас меня убивать будут, не зависимо от моего желанья.

Слушатели притихли, даже слегка вжались в сиденья, словно боялись, что сейчас история закончится смертью

главного героя.

– Тут везде наркота раскидана, проститутки, разврат... А он вице-канцлер. Ну, вы понимаете, что если видео обнаружить, то сядет он на три пожизненных. А я ему морали читаю, мол «не хорошо это вы деньги общественные тратите». В общем отпускать и живым меня оставлять в их планы не входит. Тогда я тихонько так встаю, и обращаюсь к свиноте по имени... Ну, допустим, имя я сейчас говорить не буду... но, что-то вроде «Иван Иванович, спасибо за аудиенцию. Я Вас с Петром Петровичем спутал, ах, вон он за соседним столиком. Не сочтите за дерзость, но мне работать надо», жму ему руку и тихонько так разворачиваюсь, мимо охраны прохожу – дышать боюсь.

– И что? – Взвизгнула Дарья, не выдержав напряжения.

– А меня никто не останавливает, только чувствую, что сам вице-канцлер по сторонам озирается. Ищет того, чье я имя назвал. А, я не помню кого назвал, кого-то из министров, что ли... А у меня уши горят, в жопе свирбит, но пока иду... Вид не показываю. А сам понимаю, что видео то у меня действительно в прямом эфире транслируется. Я-то думал, что просто скандальный репортаж сниму. Но, не подфартило. А сам какую-то салфетку со стола взял, на руку повесил, подхватил грязную посуду и в таком виде свернул в служебные помещения. Джеймс Бонд, блин.

После небольшой паузы, Анатолий скорбно закончил:

– В общем, я в какой-то подсобке там три дня прятался.

Не знаю, как на меня никто не наткнулся, но через пару дней, а не знаю, на самом деле, сколько я там просидел... Но я и поспал там три раза, и пачку крекеров схозячил на сухую. Ну, как пачку, вот такую здоровенную коробку, какие для баров и ресторанов оптом поставляют. Но вышел я спокойно. На улице ночь, чего делать не понятно, в камере заряд сел, в телефоне тоже. Пешком домой пошел. А там дверь выбита, мебель переломана, документы только те, что с собой носил. А именно удостоверение вольного журналиста, их блогерам раздавали. В общем чего делать не понятно, куда идти не понятно. Мой канал заблокирован, машина сгорела... Вот...

Леонид даже положил свою руку на плечо капитана.

– Скрывался я еще две недели, а потом меня Кошиков нашел. Он то и рассказал, что свиноту ту уже давно как посадили в тюрьму, на меня дело открывать никакое не стали, никто за мной не охотится. Но журналистом мне больше не быть, так как тут остальные чинуши на меня шибко обиделись.

– А вы сбежали на Ладогe и в космос? – Предположила Дарья.

– Нет, конечно. Никакой романтики. Я еще полгода помыкался в блогерстве. В издания меня не брали, думаю, даже не из-за этой истории, а просто я никому не нужен был. Новый канал раскрутить не смог, деньги оставшиеся проел... На земле ведь не как на Лее. У нас безработных нет. И никаких субсидий им никто не платит. Там, те, кто не может

зарабатывать – мрут от голода. Все просто. Кошиков меня буквально силой посадил на это судно и заставил курьером работать. А что еще делать оставалось? Что еще филолог по образованию может сделать?

Анатолий тяжело обвел взглядом рубку Ладоги. Вся его команда сейчас сидела на местах, развернувшись в центр небольшой залы. Да, такой разговор был бы уместней за общим столом. Но нет, на космических судах обеденного стола не предусмотрели. Пусть, у каждого в каюте и была полка, которую при желании использовали как обеденную.

– Вот такой у вас нелепый капитан. – Развел руками Окский. – Не романтик я. Жизнь так сложилась. Дома у меня ничего нет, ни накоплений, ни дома, ни друзей... Кроме этого оболдуя.

– Как Вы можете так говорить о человеке, который Вам столько сделал? – Возразила девушка.

– Да, не со злобы. Кошиков – хороший парень. Просто так сложилось. – Еще раз повел руками капитан.

Все помолчали, уделив внимание горячим напиткам.

– Так. – Тяжело наконец-то выдохнул Анатолий. – Что же, вечер воспоминаний можно считать оконченным. Все по местам. Лень, сколько нам еще болтаться в неопределенности.

– Если бы все так просто было. – Хмуро заметил пилот. – По расчетам еще меньше суток. Но она на то и неопределенность, что неопределенна. Если правда завтра выйдем в космос, то считайте, что нам очень повезло. Кстати, сейчас не

вечер, а позднее утро. На бортовых часах только двенадцатый час.

На что Анатолий только недовольно повел носом. Знал он про время, и про все расклады по прыжкам в неопределенность. Знал он, и про то, что первоначальные расчеты времени могли не совпадать с реальным положением дел. Все он знал.

Только сейчас он уже жалел о своей откровенности. Да, начиналось все хорошо, с побасенки. Не планировал он откровенничать, думал просто разогнать скуку. И опять только ухудшил всем настроение. А вот еще одна мысль терзала его душу – вдруг Даша решит, что попадать в такие заварушки, обычное дело для него самого. Пожалуй, в таких горячих переделках Окский участвовал всего два раза в жизни. Тогда с вице-канцлером, и теперь с этим злосчастным выигрышным билетом девушки. Особенно обидно было то, что выигрыш получить Дарья не сможет. Ведь платежная системы Леи действовала только на Лее. Ну, и еще на паре спутников.

Зато посылка, переданная на Марата, фигурально выражаясь, жгла карман. Неужели от нее и вправду нельзя избавиться, выкинуть в открытый космос, потерять по пути... Но нет, слишком страшно. Этот тип на Лее, Пятый, как сам он назвался, выглядел совсем не простым человеком. В нем чувствовалась и власть, и решимость. Что же... Если это бомба, то одним грехом на совести парня будет больше.

Окский снова посмотрел на синтезатор, закралась мысль,

опять создать алкоголь, или даже чего «покрепче»... Но взяв себя в руки Анатолий решительно закрыл дверь в свою каюту, и застыл в нерешительности.

«Чем бы себя занять»

Но занять себя было решительно нечем... Штиль.

Он уже сообразил зачем нагрузил девчонок ненужной работой – так лучше, когда есть чем заняться. Пусть инвентаризация и была ни к чему, но хотя бы часть экипажа сейчас не лезла от безделья на стену. Но и в Леониде капитан был уверен. Этот тип точно без дела сидеть не станет. Пилот Ладоге сейчас не требовался, но в руках парня была другая интересная игрушка. Нейро-колония, рой медицинских ботов, которые превращались в руках программиста-самоучки то ли в боевую колонию, то ли во что-то совсем уж невообразимое. Лишь бы он не намудрил чего совсем убойного.

Штиль.

В углу каюты сиротливо лежала полуторакилограммовая гантель. Говорят, люди в заключении, чтобы не сходить с ума начинают качаться. Можно. Да, конечно можно было бы потягать этот снаряд и таким образом убить пару часов. Не зря же она лежала в каюте капитана.

Но... Нет, Анатолий слишком хорошо понимал, что даже если и начнет сейчас ее тягать, то бросит через полчаса, а то и раньше. Так какой толк начинать, если не сможешь продолжить? Физические упражнения хороши, если они выполняются в системе и регулярно. А не так, раз от раза. Поэтому

и начинать не стоит. Пусть себе лежит и не отвечивает.

Штиль.

Книги... Может быть почитать что-то увлекательно, приключенческое.

Штиль...

Нет... Читать хорошо, когда на это есть время и желание. А когда вынужден этим заниматься в ожидании окончания заключения... Нет, в такой обстановке Анатолий читать не станет. Для него книга – это святыня, а чтение – обряд. К чтению надо подходить обстоятельно. Сейчас не время.

Штиль...

Штиль, полный штиль. Перед глазами пустая стена. В сознании пустота. Ни планов, ни мечтаний. Что же такое сделать, чтобы не было так тоскливо! Даже разговаривать с кем бы то ни было казалось свыше его сил. Даже просто сидеть и ждать – было слишком много.

Может быть капсула гибернации? Погрузится в синтетическую кому, и проснуться в тот миг, когда это ожидание закончится. Можно. Тем более, что две такие капсулы сейчас лежали в грузовом отделении, извлеченные из спасательной шлюпки для проведения гонок. Да, покидать Перу приходилось в спешке, и оборудование просто не успели установить обратно.

Как же быть?

Штиль...

...

Отчего так выходит, что, когда одни люди прозябают в бездействии – другие начинают бурную деятельность. И чей путь в конце концов окажется более правильным, покажет лишь время. И пускай на Ладоге сейчас полный штиль, на Лее многие пришли в движение. И речь даже не столько о отряде Пятого, не столько о вечно суесящихся космических пиратах, сколько об одном, пока не очень важном герое повествования – о Александре Хилле. Доблестный полицейский, служитель закона, в первую очередь заботящийся о своей репутации, во вторую о своем внешнем виде и чести, сумел-таки растормошить улей. Он один поставил на уши слаженно работающий бюрократический аппарат. Много ли нужно сил, чтобы заставить потеть флегматичного начальника? Много ли сил нужно, чтобы скептически настроенные коллеги встали на уши? Да, Александр был показательным служащим, его замечали, его ценили. И все же, он был этикеткой, бронированной куклой на полке плюшевых медвежат. Все ставили атлетически сложенного парня в пример, но никто не считал себя обязанным идти по его пути. Кроме его собственной свиты, кроме тех, кого сам Александр смог привлечь в свою веру. И поэтому, когда Александр заговорил о своей сбежавшей жене, остальные слушали его с легким недоумением.

Хотя бы потому, что для многих на Лее, жена была всего лишь одним из спутников. Мало кто относился к клятве вечной любви столь серьезно.

А Александр женился на Дарье по любви, а не зову долга или традиций. Он обожал свою жену, обожал ее в мгновения общей радости, ценил и в часы несчастья. Он любил свою жену, когда находился на дежурстве и когда возвращался домой. Он всегда говорил о ней с неизменной гордостью. А когда приходил домой, раздевался и облачался в домашний костюм – продолжал ее любить большой человеческой и нежной любовью.

Но сейчас он с отчаянным недоумением смотрел на пухлые руки своего непосредственного начальника, и не мог найти себе места.

– То-есть, как это «добровольно»? – Возмутился, наконец, Александр. – Она не могла добровольно согласиться на это. Она ведь никогда не была в космосе, никогда! Этот подлый преступник задурил Даше голову, он выкрал ее, приставил пистолет к голове и не дал шанса что-то сделать. Вы разве не понимаете? Это преступление не против человека, а против всей Леи! Сегодня они похитили мою жену, а завтра начнут расстреливать с орбиты наши заводы, больницы и школы! Мы просто не можем допустить этого прецедента! Да! Это прецедент! И сейчас важно, как мы на негоотреагируем!

– Саша, перестань. – Толстый начальник участка тяжело выдохнул, словно только-что пробежал стометровку. Этот спор его уже порядком утомил, утомил как морально, так и физически. Старый опытный полицейский сейчас был готов на все, чтобы только остаться наедине с чашкой кофе и уют-

ным креслом. – Мы совершенно точно знаем, что Дарья заключила контракт абсолютно добровольно. Кроме того, за того пилота поручились ТАКИЕ люди, что все обвинения с него пришлось снять заочно! Никакого разбирательства просто и быть не может. Вот ты сейчас хочешь броситься в погоню за космическим кораблем, хотя, как правильно заметил, не имеешь опыта космических перелетов. У тебя нет команды, нет оборудования, и нет полномочий. Пока ты остаешься офицером полиции, ты обязан выполнять наши законы, и обязан соблюдать график дежурств. Кто сейчас находится на посту? Кто сейчас защищает людей на улицах города? Давай так, в виду особых обстоятельств я не буду от тебя требовать рапорта, а ты просто вернешься на дежурство.

– Нет! Это грубейшая ошибка! И дело даже не в том, что мы говорим о моей жене, а в том, что Дарья – гражданин Леи! Лея так не поступает. Вспомните уже декларацию о превентивных мерах! Я не понимаю, почему они отпустили преступника, но сейчас речь идет о целостности нашей идеологии, как государства!

– Какие пафосные слова! Саша, будь проще. Ты не на сцене, и тебе не надо производить впечатление на юных девиц. Сядь уже и еще раз выслушай меня! Ходу этому делу ни я, никто другой не даст. Дарья вернется, когда наиграется в космолетчики. У тебя нет выбора. Пока ты полицейский – ты выполняешь приказы начальства.

– А я понял! Понял, – подмигнул Александр начальнику,

пораженный своей случайной догадкой. Действительно, ведь не просто так была второй раз повторения фраза про «Пока ты полицейский». – Все ясно, я Вас понял. Значит, у Вас связаны руки, но спасибо за наводку. Итак, я подаю рапорт об отставке! Вот мое оружие и удостоверение. Теперь, когда я не в штате полиции, могу я рассчитывать на небольшую помощь!

– Да ты сдурел! Немедленно возьми обратно оружие! Это так не делается!

Александр на мгновение завис, пытаясь понять хитрую игру начальника. Он сначала намекнул ему об отставке, как единственном законном способе спасти супругу, и вот теперь велит взять обратно табельное оружие. Но ведь гражданским запрещено иметь пистолеты... Ах, вот в чем заключается тайная помощь. Что же, хорошо, он все понял, сам догадался.

Бывший полицейский загадочно улыбнулся и поднял пистолет со стола:

– Спасибо. Я не подведу!

– Вот и хорошо. Я знал, что ты одумаешься.

А все-таки этот Александр хороший полицейский. Начальник отдела протер платочком пот со лба. Как же хорошо, что ему удалось образумить этого Хилла... Хотя постойте... Почему он не взял свое удостоверение? Как же это понимать? Забыл? Эх, теперь придется бежать вслед за рассеянным подчиненным.

А Александр уже целеустремленно шествовал по улице. С пистолетом в кармане и полной уверенностью в том, что уволился со службы. Он не хотел никого подставлять, поэтому оружие станет использовать только в крайнем случае. Что же, рас пришло время работы под прикрытием, так сказать в поле, то и на официальные каналы рассчитывать тоже не приходится. Но, были у Хилла свои контакты, отличные от официальных. Поэтому свистнув такси, он направил таксомотор к хорошо известному бару. Именно там он рассчитывал встретиться с человеком, который сможет вытащить его с планеты, и при определенной степени удачи, поможет найти тех, кто выследит пирата, укравшего Дарью.

Таксист молчал, улица скользила за окнами, начинался морозящий дождик. Горожане жались ближе к стенам домов, ближе к козырькам и подальше от дороги, где со свистом проносились автомобили. Колесные и на магнитной подушке, большие автобусы и юркие флаеры. Город оказался в тени облаков, он померк и посерел, и только свет рекламы и окон теперь раскрашивали улицу. Легкая тень от облаков не погрузила улицы в сумрак, а дождик только принес свежести, но сам Александр уже мысленно прощался с такими родными кварталами. Мрак был у Хилла в душе.

У каждого в жизни есть мгновения, когда все окружающее кажется чужим, неправильным, бесцветным.

Но не каждый готов ринуться в погоню за своим счастьем наплевав на все обязательства и связи. Нет, Александр не

думал сейчас о квартире и вещах – жизнь на Лее не учит дорожить вещами. Распечатать новые трусы, куртку и сэндвич можно с одинаковой легкостью, как на экваториальном курорте, так и возле сельского элеватора или коровника. А все действительно нужное у Хилла было с собой: его натренированное тело и острый ум, его стремление к справедливости. А платежная система, привязанная к биометрике и внедренный с сознание нейро-интерфейс, не позволяли потерять сбережения и связь. Поэтому, когда распахнулись двери бара, его уже ждали. Ждали от части из-за того, что Александр был действительно видной фигурой местного масштаба. А отчасти от того, что такого идиота, который в одночасье был готов бросится в космическую погоню за женщиной – еще поискать надо.

– Здравствуй, Джо Биль! – Энергично пожимая протянутую руку заявил Александр.

– Здравствуйте, молодой человек. – Нет, Джо, прославленный пилот, победитель несчетного числа гонок на Лее, не был стар. Отнюдь. Но от панибратского «Здравствуй», поморщился как от протухшего яблока. Что-же, он был готов стерпеть и не такое, особенно если обещали хорошо заплатить. А заплатить обещали солидно.

– Я попал в очень щекотливую ситуацию. – Развел руками Александр, словно извиняясь за визит. – Моя жена была похищена неким Анатолием Окским, капитаном Ладоги, межзвездного курьерского судна. Кажется, Муфа-7.

– Что же, я наслышан о этом корабле. Жаль, лично не удалось познакомиться с пилотом Ладоги, но... Леонид...

Кулаки Джо непроизвольно сжались, а в голосе появилась сталь:

– Чекалов... Грязными трюками он... Он даже не смог догнать меня, не то, чтобы обогнать, но каким-то образом ему удалось... Этот мальчишка! Что же... Теперь мы знаем, что жури гонок не такое уж и неподкупное! Но как ему удалось! И кто это был? Так значит, ты хочешь догнать мальчишку? И что дальше?

– Да, это они. Только меня не интересует их пилот. Их капитан, Окский, он выкрал мою жену, схватил ее и увез куда-то в космос! Я просто обязан спасти мою Дашу! Вот только... Боюсь действовать придется неофициально! Понимаешь, я уполномочен провести, так сказать, секретную операцию...

– Больше ни слова! – Резко запротестовал пилот «Черного ската». – Ни слова больше. Я все понял. Я, как честный подданный Леи, просто обязан помогать в расследованиях такого уровня. Но, прошу меня простить, мой крейсер на святом духе не летает. Кроме того, я сейчас связан двумя срочными контрактами, и... Впрочем, я готов принять оговоренную сумму. Но! Но в качестве аванса. И не надо махать руками, молодой человек! Если Вас не устраивают мои условия, то можете обратиться к любому другому капитану.

– Но специальная операция!

– Вот именно. Вы хотите, чтобы «специальная операция» оказалась под угрозой срыва из-за ваших нерешительных действий и сомнений? И еще... – Джо приблизился вплотную к лицу Александра, ему даже пришлось притянуть его за шею, чтобы глаза оказались на одном уровне, и добавил, шипя сквозь зубы. – И еще... Если ты, шавка, еще раз обратишься ко мне на «ты», или посмеешь дерзить, то я не посмотрю на то, что ты грудничек с Леи, не посмотрю, что ты велюровый полицейский, не посмотрю, на то, что Богом обиженный на голову мальчишка. Ты меня понял? И не думай, что если я, в отличие от тебя, не ношу с собой оружие, то совершенно безобиден. Я одними пальцами могу переломить твою свинячу накаченную шею. А теперь, когда мы друг друга поняли достаточно ясно, переводи деньги.

– Да, сер! – Отчеканил вытянувшийся в струнку Александр, какой-то глупой, подсмотренной в дуратском фильме, фразой.

– Да, капитан. – Недовольно буркнул Джо, смачно сплевывая прямо на пол.

– Да, капитан. – Послушно повторил Александр, наблюдая, как из бара выходит прославленный гонщик, известный всем на Лее, как многократный победитель чуть ли не всех на свете гонок. Самый крутой пилот. Самый достойный капитан, что только может быть.

А ведь Александр не просто так подошел к Джо Биллю. Ведь еще только вчера, они вместе поднимали тост за пра-

вопорядок в городе. Да, расследование перестрелки в баре привело полицейского именно сюда. Именно здесь он допросил пару дюжин свидетелей, и именно Джо так удачно подвернулся ему, и провел по всем значным местам заведения. Показал все самых ценных свидетелей и действительно оказал неоценимую услугу правопорядку Леи. Именно поэтому Хилл и был уверен в том, что Джо не откажется помочь в поисках Дарьи. Только сейчас Александр начал подозревать, что, видимо, что-то понял не так, как надо.

– Зачем тебе этот легавый? – Девушка, шедшая по левую руку от Джо, почтительно отставала на пол шага от него. Ее желтые, не светло русые, а именно желтые волосы торчали во все стороны крупными зубцами, как у персонажа первобытных аниме фильмов, а пустая сбруя разгрузки имела петли как для тяжелых автоматов, так и для массивных кинжалов или клинков. Допустим, только очень опытный взгляд мог отличить крепления для оружия в эластичных карбоновых ремнях, но уж поверьте мне, как автору. Эти петли предназначались именно для очень тяжелого вооружения.

– Айва, девочка, детей обижать не хорошо, – участливо посетовал Джо Биль, – а этот молокосос, кажется решил передать нам все свои накопления. Так, стоит ли ему мешать? Я слабо верю в его бред про специальную секретную операцию, да и за пределами Леи у их агентов мало влияния. К тому же... Да, пожалуй, мне очень хочется поговорить с пилотом «Толики удачи». Сдается мне, что он очень захочет

извиниться за нанесенную мне обиду.

Ушки Айвы заострились, оно слишком хорошо помнила в каком настроении находился их капитан после поражения в гонках. И она могла его понять. Прийти первым, начать праздновать победу, и вдруг узнать, что эта победа досталась не ему, а пришедшему... Даже не вторым с минимальным отставанием – ведь при расчете бонусных секунд и штрафов достаточно часто пилотам могли добавить или урезать полторы, а то и две секунды. Нет, такого просто не могло быть, чтобы неудачник, разбивший свой болид о финишную черту пятым, смог победить во всем заезде. Нет, этот Чекалов явно играл не один, у него была поддержка среди судей и среди технического персонала. А эта издевка, когда они на истребитель высочайшего класса нацепили кожух от яичка Муфа-7? А то, как этот чертов пилот дал фору в несколько секунд? Нет! Это не случайно! Это чья-то очень точная и изощренная игра. И этот дибилловатый легавый, который за чем-то приперся к нему в очередной раз. Ладно, допустим, Хилл, приперся именно к нему, из-за того, что вчера Джо сам протащил его по подставным свидетелям и позволил бару не очень волноваться о различных не столь афишируемых сферах деятельности. Допустим.

–Тварь! – Джо саданул кулаком по металлической дверце в стене здания. – Не понимаю я этой игры. Кто-то меня ведет? Но, кому это нужно? Айва! За нами следят? Вон тот мужик, да, вон тот, в зеленой шапочке! Он на нас смотрит.

Сука... Где мой импульсник. Айва, шмальни в падлу!

– Джо, у меня тоже нет оружия. Все на корабле. А смотрит он на нас потому, что Вы сшибли технологический люк рекламного щитка. Возьмите себя в руки, капитан! Хотите, мы можем завтра, не дожидаясь этого легавого стартовать и отправится в Хаввас.

Джо сам себе кивнул, ухмыльнулся своим мыслям и добавил:

– Нет, девочка, Айви. Эти твари затеяли игру против меня. И сейчас это уже дело чести. Только вот вопрос, в чем меня подозревают? Что заставило их зашевелиться? И почему они играют так нагло, так пафосно? К чему этот олень с бубенцами? Зачем глупая легенда про украденную жену? И главное, Айви... Кто из наших может быть с ними заодно? Надо вычислить крота... Да, это самое главное, надо вычислить крота. Думаешь это Саламон? Или опять-таки этот еврейский засранец Чагма?

– Чагма – не еврей, – механически возразила Айва, – он скорее индеец или испанец по крови. Он даже не мусульманин.

– Думаешь, меня это волнует? – Недовольно каркнул Джо. – Мне хоть индус или Дарланин. Я даже не знаю, что эти слова значат.

– Нельзя же всех, кто Вам не нравится называть евреями.

– На орбите, стоит Армгал, и там, в моей каюте, в сейфе лежит мой бластер и набор моих черных ножей. Если ты хо-

чешь вернуться к этому спору именно сейчас, то мы можем прямо сейчас вызвать лифт, и прямо сейчас продолжить эту дискуссию, вооружившись надлежащим образом.

– Джо, сколько можно?

– И я о том же! – Неожиданно истерично заорал Джо Бил, – Сколько можно меня пилить, поправлять, канючить! Ты мне что, мамочка, что ли? Хватит уже к словам цепляться! Я обещал тебя высадить в открытом космосе? На астероиде! Хочешь проверить, на сколько хватит моего терпения? На тварь!

Джо с размаху саданул, проходящего мимо парня, тот от неожиданного удара рухнул, словно мешок пovidла и затих. Да, вы не ослышались, прохожий парень был слегка пухловат, поэтому падал он как что-то очень мягкое.

– Это ты виновата! – Остервенело сообщил Джо. – Это ты виновата! Не надо меня выводить из себя! Из-за этого страдают окружающие люди!

Джо заехал пяткой своего ботинка в челюсть растянувшегося на тротуаре тела.

– Чего ждешь, извиняйся! Дурная Айва опять все запарола! Хорошо же гуляли! Опять ты со своими поучениями! И что теперь будешь делать? Проси прощения у этого куска говна!

– Прошу прощения. Но он без сознания. Я виновата. Джо, простите меня, я была не права.

– Не у меня проси, у него! Он же из-за тебя по морде по-

лучил!

Вокруг уже собралась жиденькая толпа. Что, как казалось, совсем не смущало Джо Биля. Впрочем, когда он развернулся и отправился дальше, никто не сказал ни слова. Один из мужчин отступил на пару шагов, чтобы дать пройти нарушителю спокойствия, сопровождаемого молодой желтоволосой девушкой.

Да, прославленный гонщик, победитель чуть ли не каждой гонки. Любимец публики. Легенда и герой на Лее. Джо Биль. Пилот «Черного ската». Национальная гордость.

Что же... Не всем же работать продавцами и слесарями. Кому-то приходится брать на себя и такие профессии, которые требуют собранности. Есть профессии настолько сложные и нервные, что превращают человека во что-то невероятное. Про таких говорят: «Он комок нервов».

Но, одна из самых сложных профессий – существовать в полулегальном состоянии. Иметь право появиться на родной планете только в дни фестиваля, в дни празднеств или после самых крупных состязаний. А все оставшееся время влечить жизнь среди отбросов, на помойке цивилизации. На орбите, среди «пиратов».

Джо оглянулся на знакомую улицу, уходившую вдаль параллельными линиями. Вот этот его родной городок. Вот его родная планета. Сколько времени уже прошло? Четырнадцать лет? Или больше? Да, когда он оказался на орбите ему еще и восемнадцати не было. А сейчас? Тридцать пять?

Сколько же прошло времени? Леня считать. Но много. За эти годы многое чего произошло, но...

– Как же я ненавижу этот город...

– Я знаю, – Айва положила руку на плечо своему капитану, – я знаю.

– Ничего ты не знаешь, девочка. Ни-че-го. – Джо тяжело вздохнул. – Они ведь меня выбросили, использовали и выбросили. С каким бы я удовольствием сжег все эти дома, всех этих жирных евреев.

Айви лишь сильнее сжала эластичную карбоновую разгрузку в том месте, где должна была висеть ее катана. Старая песенка капитана уже порядком приелась. Каждый раз одно и то же. А сейчас... Похоже он решил, что легавый имеет какое-то значение, может быть он считает, что Хилл – это своего рода ключ? Безмозглый психованный Джо. С каким удовольствием сама Айви прирезала бы этого коротышку. Но... Но больше всего выбешивала эта его присказка про евреев. Да, евреи то здесь причем?!

– Евреи то здесь причем? – Вслух устало выдохнула желтоволосая девушка.

– Черный пиар – тоже пиар. Не все ли равно, по какому поводу хайп? – Безразлично бросил Джо, с омерзением взирая на вечереющее небо. – Думаешь Чекалов расколется? Расскажет, кому и сколько занес за семь с четвертью секунд? Или у него были карты? Подробные карты золотого русла? Или все же так насчитали?

Пока Джо продолжал сумбурный монолог, Айви наблюдала за эволюциями мускулатуры не его лице. А венка на виске продолжала бешено пульсировать. И чего стоит садануть по этой вене остро заточенный ноготком. Ноготком, усиленным керамикой, наточенным как бритва. Как хирургический скальпель этот ноготок мог бы рассечь и кожу на виске и саму артерию. С такой же легкостью этот ноготок мог вспороть и шею с сонной артерией, но Айви прицелилась именно в синего извивающегося под кожей на виске червячка. Одно движение и весь этот бред закончится.

Но есть вещи, которым просто не суждено сбыться. Просто не суждено.

– 7 –

– Это и есть твоя игра? – Даша задумчиво ткнула ботинком дорожную грязь, – я почему-то думала, что здесь будет больше... Ну, знаешь... Людей?

– Да, – усмехнулся Пилот, – мы немного набедокурили здесь в прошлый раз.

– Да, да, – подтвердил Анатолий, – только не надо еще раз рассказывать про то, как вы насмехались над местными. По мне, так это было ужасно. Кстати, где твой приятель?

– Не знаю, его может здесь и не быть. Нельзя же постоянно торчать в придуманном мире. К тому-же здесь довольно скучно.

Чекалов обвел глазами площадь. Да, всеобщее запустение, игроки так и не вернулись в проклятое селение. И эн-

пеэсы тоже все еще прятались по своим домишкам. После злопамятной заварушки прошло уже достаточно времени. Несколько дней. За это время сам Леонид заглядывал сюда несколько раз, ему удалось развести местных на пару простейших квестов и выторговать для себя какую-никакую одежду. Сейчас он больше походил на местного. Холщовые штаны, льняная рубака, и даже соломенная шляпа с торчащим из нее колоском пшеницы. Не покоритель миров, и приключенец, а великовозрастный детина, сын булочника или пахаря. Хорошо хоть удалось выменять ботинки с кожаной подметкой, а не лапти.

– И как это нам поможет отвлечься? – Девушку продолжали мучать смутные сомнения.

Экипаж Ладоги в неполном составе, после продолжительных споров, все же решил нелегально посетить фентезийный мир, в котором Леониду уже удалось немного освоиться.

Да, все, кроме Симы, по итогу, согласились принять в себя медицинских ботов, так лихо угнанных у специалистов Леи. И, как ни странно, Анатолий был первым, кто поддержал товарища в этом авантюрном решении. Хотя, он и не мог сформулировать состава преступления. По большому счету действия команды не попадали под уголовный кодекс. Это если тщательно разобраться. Участие в гонках – это вполне законно. Случайный выигрыш, а на самом деле, выигрыш Даши был чистым случаем, тоже не мог быть наказуемым. Вот только удастся ли доказать, что Дарья действовала без

сговора с капитаном? Дальнейшие события в рамки законности было втиснуть уже сложнее. И самыми неприятными действиями казались сопротивление аресту, пусть и не заслуженному, и вторжение в программный код медицинского оборудования и запуск репликации нейроколонии.

Что еще? Незаконный вход в игру? Так это вообще не карается. Самое печальное, на что они могли сейчас претендовать – так это перманентный бан, запрет на вход в локации этого мира. Страшно ли это? Нет. И еще раз нет. Не та эта ценность, из-за которой они стали бы переживать, особенно учитывая то, что Дарья вообще никогда не играла, Леонид тоже к играм имел очень косвенное отношение. Сам Анатолий, возможно и имел некоторый опыт, но он был настолько давно, что его тоже в расчет брать не стоило.

– Не беспокойся, я понял, что нас окружают непроходимые толпы монстров, что задания, которые нам могут выдать, мы не сможем выполнить из-за низкого уровня персонажей, и то, что другие игроки нам не помогут. – Размышлял Анатолий, – но разве это полный тупик? Нет. Ленька вон, смог прибарахлиться. Кстати, стильный наряд. И не смотри на то, что улицы обезлюдили, как говорится: «Свинья грязь везде найдет». И Леня, серьезно, это очень хорошая идея. А то я уже в четырех стенах на стену лезть начал. А тут хотя бы небо над головой есть.

– А не лучше было бы тогда начать играть так же, как все? – Возмутилась Даша, – зачем эти читерские уловки?

Тем более...

– Даша! – Возразил Леонид, – никакого читерства! Мы не получили никаких способностей, мы просто нулевки. Мы просто появились там, где не должны появляться. Вот и все!

– А как же ты тогда проклял город? – Не сдавалась девушка.

– Брось ты, – Анатолий присел на бортик все еще пенящегося фонтана, и зачерпнул мутную воду, – никакого читерства. Вода пенится из-за того, что в ней куриный помет. Странно только то, что от такого количества... Возможно, некая условность игры. Так сказать, гипербола. А если вода в фонтане циркулирует, то и помету из него некуда деться. Думаешь, тут есть электричество? Вода качается насосом? Или это какая-то магия?

– Вот уж не знаю! Лампочек накаливания я у здешних не наблюдал. – Рассеяно отмахнулся Пилот, – давайте уж собой займемся. Вы что-то интересное в интерфейсе обнаружили? Есть у вас какие-нибудь свойства или эффекты? Может быть вы колдовать умеете?

– Нет, только бар хепе, бодрости и опыта. Кстати, опыта уже с чего-то накапало на треть полоски.

Чекалов только пожал плечами.

– И что нам делать? – не унималась Дарья.

– Как что? Я сейчас пойду гильдии поищу, посмотрю есть ли задания без ограничений, поищу гилдмастеров для прокачки, узнаю, где тут можно профу получить...

Товарищи усталились на своего капитана. Скажем так, челюсти у них не отвалились только потому, что были намертво прикреплены к голове.

– Да что вы на меня так тарашитесь? Пока Ленька настроивал подключение, я бегло просмотрел гайды. Жаль, что мы не знаем названия локации, а то бы уже сейчас по карте все посмотрели... Кстати, да! Галочка на память – раздобыть карту.

– Даша, – Леонид встрепыхнулся, и отмахнулся от капитана, словно от мухи, направляя ход мыслей в другое русло, – а не согласишься ли ты, составить компанию в прогулке по этому селению?

– Так! – Возразил капитан, – встречаемся на этом же месте через час. И если вы еще раз назовете это селение «этим селением», я вас буду пинать. Как оно называется то? Леня, ты же тут уже был, и даже работал. Не судьба была выяснить?

– Как-то речь не заходила. Извини, если что.

Неспешный то ли разговор, то ли перебранка могла бы продолжаться еще долго. И поэтому Анатолий, не дожидаясь ответа приятелей, бодрым шагом направился в сторону... ну, поскольку рекогносцировку никто провести не удосужился, хоть этот «никто» и провел здесь несколько часов, а то и десятков часов.

А в это время...

Нет, если серьезно, то не совсем в это время, но какие еще есть переходы между сценами? Снова ставить три точки не

охота. Можно было бы сюда вставить переход через черное, но это не фильм. Откат камеры, и панорама тоже не прокатит, по той же причине... Хотя, что это я.. а давайте попробуем пролет камеры изобразить. И сделайте, пожалуйста вид, что этой ремарки не было, и что «автор» не вмешивался в канву повествования...

Анатолий, не дожидаясь ответа приятелей, бодрым шагом направился в сторону...

Выложенная камнем мостовая красиво освещалась низким солнцем, время шло к вечеру. Анатолий миновал площадь, и стараясь держаться самых широких дорог направился на обход территории. И все же жизнь здесь продолжалась, с некоторых дворов доносился стук топора, из окон приглушенные разговоры. Если прислушаться внимательнее, то можно было понять, что этот средневековый городок продолжал жить. Просто никто не стремился показываться на глаза. Жуткое зрелище, должно быть так выглядели города после оспы или чумы. Длинные тени от двух, максимум трех этажных каменных домиков резали улицу, солнце стало добавлять алых красок. Красивое, если задуматься, зрелище. И в то же время страшное.

И не стоит винить игроков, за то, что они, попав в запустевший город, уносили из него свои ноги в спешке. Слухи множились. И если первые разговоры о проклятии вызывали скорее смех, нежели тревогу, то после появления рассказов о безлюдных дорогах, о отсутствии караванов и даже нищих...

О вот уже клан «Каменной маргаритки», собирал рейд на «новый данж». Их даже не смущало то, что никто так и не увидел монстров. Ни зомби, ни мутантов, ни гномиков в красных колпаках. Но игровая логика говорила многим, что если город обезлюдил, значит в нем что-то творится страшное. Если творится что-то страшное в одной отдельно взятой локации – то эта локация стала данжем с Босом и сокровищами.

Та же игровая логика подсказывала, что тем, кому удастся «пройти» данж первыми удастся не только получить самый солидный навар, но и попасть в какие-нибудь рейтинги.

Поэтому каменные маргаритки очень спешили. Они любили уникальные эвенты. И не только они.

– Данж наш! – Рычал, оскалив зубы Мильхиор.

Танк шестьдесят третьего уровня обнажил свой молот.

– Данжи детям не игрушки! – Протестовал Арчи. Он был дедешником отряда, который сейчас столкнулся с маргаритками. Его команда явно проигрывала, хотя бы потому, что не состояла ни в одно клане. А еще они проигрывали из-за того, что Арчи – лидер отряда, и при этом лучник. А оба отряда стояли в боевой формации. Танк напротив танка. Хилеры сразу же за ребятами с мечами, алебардами и прочими железными игрушками. Маги же и лучники торчали у всех за спинами. Именно поэтому голосок Арчи доносился до линии фронта издали.

– Кто это там вякает из кустов? – Мильхиор, конечно же

не был лидером клана, или командиром группы – танков на такую должно не берут. Но он оказался достаточно остер на язык, чтобы взять инициативу в разговоре на себя.

– Не вякает, а разговаривает! – Надрывался лучник, – и я вам очень советую разворачиваться, пока не поздно. Мы первые пришли сюда! Так что, проваливайте, и поищите приключений в другом месте!

– А вот теперь, пришли и мы. – Самодовольно мурлыкал Мильхиор. – Поэтому вы можете быть свободны. Но если хотите, мы можем пропаравозить одного из ваших! Садись на хвост, не обидим. Но только одного!

На звук скачущей конницы обернулись все.

Поднимая пыль, мимо прогалопировало шестеро всадников на вороных конях. Они не обратили внимания на потасовку. Им до этого было мало дела. Они старались попасть в новый данж как можно скорее.

– Просрали первое прохождение. – Удрученно заметил Мильхиор, и ни с кем не сговариваясь первым бросился вслед за конными.

Но и Арчи был не лыком шит. Он успел пустить две стрелы вдогонку промчавшейся мимо шестерки. Но из-за поднятой копытами пыли, не смог разглядеть, достигли ли они цели. Он еще секунду наблюдал за тем, как серое облако удаляется от них, и соответственно приближается к крепостным стенам города. Он наблюдал, как восемь воинов, только что стоящих напротив него же, устремились следом. Он наблю-

дал, как половина его отряда тоже присоединилась к погоне. Что ему еще оставалось?

– В погоню! – Отчаянный жест, но чего уж тут попишешь.

Догнать конных на своих двоих – задача нереальная. Оставалось надеяться на то, что кони по пути ноги переломают. Или их снимет кто-то из монстров на подлете.

– Думаешь, есть шанс? – Вопросил Арчи, догоняя Мильхиора.

– А мне то почем знать! Из-за вас они нас опередили!

– Ага. Из-за нас. Вы же лагерь ставили. Если бы не мы, вы бы уже все в палатках дрыхли.

– Ну, а чего. И дрыхли бы. Ты, лучше, давай, дыхание прибереги. Нам так еще полтора часа бежать.

– А чего вы так далеко от города остановились? – Продолжил неспешную беседу Арчи. Игра же... Бег, на пределе возможностей, разговору никак не мешал. – Мы хотели еще десяток километров пройти до вечера.

– А у нас трое из игры вышли. Ну, хотели выйти. Надо было им уже. Хотели завтра с утра и на весь день... Уф...

– Чего это ты отдуваешься? Устал что ли?

– Да, есть такое немного.

– Так ты из мажорчиков что ли? Небось с плеймуна зашел? Морда твоя буржуйская. Психосаматику, гнида, поймал. Вот так тебе и надо!

– А тебе и на камеру свою не хватило? Чего, с клавиатуры играешь что ли? Кто только сюда таких нищebroдов пускает!

Свали с дороги, доходяга!

Мильхиор толкнул плечом лучника, преграждая путь. Вот только, долгие забеги ему действительно давались с трудом. В игре при физических нагрузках тратилась полоска выносливости, но эффектов усталости симуляция не накладывала. Однако, если камера депривации была достаточно хороша, а дизайнеры игры толковы, то сознание могло само наложить «эффекты усталости». Так сказать, по опыту из реальной жизни.

Именно поэтому очередная потасовка закончилась тем, что танк каменных маргариток рухнул под ноги Арчи. Лучник об него споткнулся, и оба полетели кубарем под ноги своим товарищам.

Когда им удалось распутаться и встать, компаньоны уже отделились достаточно далеко, даже стук копыт о землю не бы слышен.

– Дебил ты, лошадиная морда, – со досадой и обидой проскулил Арчи.

– Нормальная у меня морда. Чего ты свои руки-ноги везде поразбросал. Нечего было подножки ставить!

– Да я! – Арчи задохнулся от несправедливых обвинения. – Держи свой молоток! Я тебя убивать сейчас буду!

– А нет молотка. Я его где-то выронил. – Извиняющимся тоном заявил Мильхиор.

– Но лук-то при мне!

– Но стрел нет.

– Блин.

– Вот и я о том же. Ну, что? Назад пошли, собирать оружие, пока его снегом не занесло.

– Лето же!

– Вот и я о том же. – Мильхиор подобрал с земли звякнувший чем-то тяжелым мешочек.

– Смотри ка! – Арчи указал рукой в направлении города. Его крепостные стены отсюда были еще не видны. Но вот... – Подсади меня на эту ветку, я попробую на дерево забраться!

И Мильхиор подсобил. А Арчи забрался. Уже через пару минут он отчитался с высоты пяти метров:

– Там осада уже во всю идет! Тысячи полторы игроков! Прикинь! Кто-то между собой рубится, кто-то стену штурмует. В общем, зря мы спешили. Вообще зря!

– Слышь, дрозд переросток, слезай же. Кушать будем.

– А мы разве не пойдем туда? – Арчи даже не успел обидеться на издевку.

– Туда, это куда? Хочешь в общей свалке поучаствовать? Могу тебе демо версию устроить? Ты главное слезай, а я тебя своим молотом то и приложу.

– Может лучше я тебя стрелой?

– Вот же молодежь пошла. Я ему покушать приготовил, а он мне за это стрелой! – Беззлобно ворчал танк.

– Ладно, ладно. Только у меня все статьи полные, зачем кушать-то?

– Я вкусно готовлю. У меня кулинария на сороковом уров-

не. Еще моя бабушка говорила – в любой непонятной ситуации, садись кушать. Ну, вообще-то она немного не так говорила, но фильтры все равно не пропустит дословную цитату. Так что, давай спускайся. Все, мне резона гоняться за тобой больше нет. Давай дружить... Тогда что ли...

– Я вот что думаю, – продолжал разглагольствовать Арчи, спускаясь по веткам, – что-то у нас команды какие-то собрались... ветренные. Ну, ладно, у меня понятно, мы собирали группу впопыхах. А у тебя же клан!

– Так же впопыхах и собирались. Кинул я по клановскому чату призыв, кто пришел, тех и взял в группу. Думаешь, раз я в клане, то мы теперь дружная семья? А ничего подобного. Дань только регулярно отстегиваю, да в клановских данжах качаюсь на общих правах. А так... Одна петрушка.

– И зачем тогда этот клан тебе нужен? – Изумился лучник.

– Так вот, для этой надписи в нике и нужен. Карманники к нам не суются, по мелочи оно проще, когда ты в клане. А так... Каждый раз новую группу собираем. Только не на базарной улице клич даем, а в клановском чате. Кстати... Вот еще один минус. Каменным лютикам можно группу собирать только из соклановцев. Есть там такой подлый пунктик.

– Так выходи из клана, и живи как человек.

– Ага, чтобы вот как ты, по елкам лазить? Ладно, пустое. Надо будет – выйду. Это дело-то не хитрое.

Разговор ребята продолжали, уже пристроившись на кусках поваленных деревьев возле костра.

– А похлебка твоя, действительно ничего! – поблагодарил Арчи.

– А то! – зарделся Мильхиор, – там и мясо, и травки, и крупы. Даже шмат лазурного оленя заваялся. Только вот лук пришлось луговой кидать. Культурного лука уже почти две недели не кушал.

– А это что? – Изумился Арчи, доставая из наваристого варева удивительно ажурную косточку.

– Свиристелька солнечной жабы.

– Чего! – Лучник с отвращением откинул косточку в кусты.

– Не то, что ты подумал. Свиристелька солнечной жабы... Как бы тебе объяснить... Эта косточка держит спинной плавник. Она резонатором работает, когда эта зверюшка самку в брачных играх подзывает. Знаешь, они как трактор жужжат, когда себе жабиху призывают.

– Чего-то мне больше не хочется эту похлебку кушать. На кой ляд ты в нее жаб суешь? Вкусная же штука!

– Потому и вкусная. Тебе здесь не там. Тут чутка по-другому готовить надо. Рецепты то тоже особенные здесь.

– МУЖИКИ! – Из кустов вывалился запыхавшийся в мыло коротышка. – Я опоздал?

Это появление заслуживает премии в номинации появления месяца! Как минимум! Вот сами посудите, как можно продираться сквозь колючие кусты, не издав ни единого шороху, а потом вывалиться из них с оголтелым криком «Му-

жики!», всполошить всю ночную братию, встрепенуть уже ночующих пташек, и запутавшись в своих же ногах, свалиться в костер.

Пока Арчи отмахивался от выбитых из костра искр, Мильхиор, в первую очередь ухитрился спасти котелок с похлебкой, а во вторую вытащить внезапного гостя до того, как он сам покрылся ароматной корочкой.

Ночной спринтер был насильно усажен на поросшее мхом бревно, и даже успел получить в руки ароматно пахнущую миску.

– Это смотря, куда ты спешил. – Резонно заметил Мильхиор. – Если отхватить люлей в свалке около крепостных ворот – то еще успеваешь. Там буза еще часа на четыре.

Неожиданный коротышка поперхнулся горячей похлебкой, пытаясь что-то возразить, но был бесцеремонно перебит дружеским похлопыванием по спине.

– Мама не учила не говорить с набитым ртом? – Посочувствовал танк. – Расскажи лучше, что ты за зверушка такая? Друид? Или может быть рога?

– Почему? – Изумился неназванный.

– Потому, что ты совершенно бесшумно вывалился из кустов. И перепугал нас до усрачки! – Возмутился Арчи, но увидев суровый взгляд товарища поправился, – меня напугавший. Этого каменного маргарита хрен чем прошибешь!

– Я Вовчик. Я диверсант. Это почти как рога, умения прокачены так же в стелс, но меньше навыков вскрытия, нет во-

ровства. Зато харизма прокачана и технические навыки. Втереться в доверие и подорвать мост – это ко мне. Забраться в сокровищницу и умыкнуть принцессу – это в другой лес.

– Мне больше нравилось, когда ты в кустах был. Тихо так было... спокойной. – Грустно заметил Мильхиор.

– Сами же спросили! – Возмутился не рога, и засунул очередную ложку угощения себе в пасть.

– Вот и правильно. Лучше жуй тщательнее, а не языком трепли. Чего ты мне всю свою подноготную выкладываешь? Может быть сейчас расскажешь, как одноклассницам юбки задирали?

Вовчик аж задохнулся, не смог ничего возразить, так как рот оказался забит вкусняшкой.

– А я Арчи. Он Мильхиор. Мы тут друг с другом воюем за право войти в данж первыми.

– Так я успел! – Наконец-то справившись с едой во рту, проорал диверсант. – Тогда я тоже буду сражаться! Я вас заваляю одной левой.

– Ага. Сначала харчи мои сожрал, даже не проверив, каким ядом они отравлены, а теперь морду начистить грозитесь! – Восхитился Мильхиор, и кинул добавки в миску гостя, – ты ешь, ешь. Не стесняйся. У меня еще осталось!

– Он шутит, – пояснил Арчи, тоже пережевывая свою порцию похлебки.

– Ну, не то чтобы... – Как бы в сторону обронил Мильхиор, – там бурка красная и переи болотный. От первого кро-

вавый понос, а от второго слепота, вплоть до летального исхода...

Повар-любитель выждал пару секунд, но добавил:

– Если их неправильно приготовить.

Все же Вовчик с сожалением отставил свою миску.

– Там за рощицей, – продолжил рассказывать Арчи, – тысячи две таких же как и мы. Только они в ратном деле упражняются. Если хочешь посмотреть, метров двести пройти всего вон по той тропинке – видно будет хорошо. Они теперь себя факелами подсвечивать начали. Но если интересно, то стену пока не взяли.

– Ага, это как в анекдоте. Товарищ генерал! В наших войсках потери не большие! Два крейсера, двадцать истребителей, ну и полтора сотни личного состава. А что у противника? А противник пока на войну не явился.

– Это как?

– Спорят, кто из них первый должен чистить морду великану. – Пояснил Мильхиор.

– Там и великан есть?

– Кто же его знает. Пока что никого не видно. В город только ворота подняли, когда первые гости к ним постучались. И все. Даже лучников нет. Они пытались лестницы соорудить... Но пока одни на стену лезут – другие лестницы рубят.

– Ага! – Поддакнул Арчи, – было даже две балситы. Он пять зажигательны снарядов успели запустить в город. Но

увы... Кажется конкуренты разобрали их орудия.

В этот момент что-то гулко бухнуло. Вовчик вскочил, не зная в какую сторону бежать: то ли на штурм пробитой городской стены, то ли в лес, спасаясь от рейд босса.

– Да сиди ты. – Махнул Мильхиор. – Это у них боезапас рвется. Так уже два раза бахало. Бочки с порохом у них остались, а вот катапульта уже нет. В лучшем случае к подножью стен подтащили. Но городские стены от такого не рушатся. Модель повреждений не та. Не реалистичная.

Да, у танка, похоже был пунктик насчет реалистичности. Рецепты, видите ли, не такие как в жизни. И стены ломаются не так как в жизни.

– Ребят, вы как хотите, а я спать, – заявил Мильхиор, растялая спальный мешок.

– Ты чего же, даже выходить не будешь? – дежурно осведомился Арчи.

– А чего выходить то? Часиков шесть посплю. А завтра с утраца пойду глянуть, что там за побоище случилось. Может к тому времени уже разберутся, кто из них самый достойный.

– У него плеймун. – Объяснил Арчи Вовчику, но потом вспомнил, как тот тоже появился запыхавшимся. Значит и у этого тоже что-то крутое стоит.

– Круто, – все же с завистью в голосе пропел диверсант, – а у меня простая депривация. Мамка обещала плеймун к новому году купить, но папка, когда узнал, сколько он стоит,

ей за это в ухо дал. Поэтому на новый год я, скорее всего, получу щенка.

– Школота, – недовольно ворочался танк, устраиваясь в своем спальнике.

– Завтра в четыре утра? – Арчи прикинул в уме, что через шесть часов, которые хотел спать Мильхиор, будет часа четыре утра. – Только чур без меня не ходить! Я АФК!

– Я с тобой не венчался. – буркнуло из спальника.

– Так рано! – обиженно заныл коротышка. – Давайте хотя бы в семь!

...

Леонид обнимал мелко дрожащую Дарью, стоя на городской стене. Они-то сюда поднялись полюбоваться закатом, но когда увидели первых «залетных» непроизвольно вздохнули:

– Ну вот, началось.

Но они сильно ошиблись. Настоящее представление началось немого позже. А сейчас город на мгновение оживился, на улицы высыпала стража. Но только для того, чтобы поднять мост. Сказать по правде – чисто символический. Рва вокруг городской стены не наблюдалось. С их позиции было видно, что подъемный мост перекинули через простую яму, глубиной в метр. Эту яму выкопали, видимо с единственной целью – чтобы было через что перекидывать мост.

С другой стороны города, судя по всему, были еще одни ворота, с такой же декоративной ямой.

Выполнив программу минимум, стражники снова исчезли, то ли попрятались в казармах, то ли просто испарились.

– Тебе совсем не страшно? – Спросила, прижимавшаяся к боку парня Дарья.

– Нет, не страшно. Это же игра. И то не наша. Мы в любой момент можем выйти. Абсолютно в любой момент. Не переживай. Зато смотри как красиво.

С высоты защитного сооружения парочки было великолепно видно, город утопающий в закатных лучах. Но, с другой стороны ограждения уже собиралась разношерстная армия. Хотя, армия – это преувеличение. Толпа воинов состояла из небольших группок, человек в пять-десять. Редкие отряды насчитывали двенадцать бойцов.

– Город как будто заливают кровью. – Голос девушки дрожал, но она на пыталась больше скрыться и убежать.

– Не нагнетай.

– Неужели мы ничем не можем помочь этим людям?

– Каким людям? – поразился Пилот, – это энпеэсы. Это не люди. Это нарисованные марионетки.

– Но это их дома. Да, я поняла – нарисованные дома. Но они здесь живут своей нарисованной жизнью. Или ты думаешь, что они сразу же исчезают, стоит им спрятаться в своих домах?

– Думаю, что нет. Вычислительные мощности позволяют просчитывать каждого персонажа в каждый момент времени. Для большей реалистичности, разработчики могли про-

писать личность всех жителей города. Прописать им профессии, характеры, взаимоотношения. Видишь луга? На них частично выкошена трава. Думаю, есть какой-то энпеэс-косарь. Который каждый день отправляется на покос, собирает траву в стога, а потом везет сено в город, сгружает их в амбары, потом этим сено кормят коров. Но все это в рамках игры.

– Я понимаю.

– Это хорошо. Смотри, некоторые отряды ставят шатры, разжигают костры. Вот это уже настоящие игроки. Хотя – те же самые нарисованные марионетка, только ими управляет не компьютер, а люди.

– А мы тоже такие же нарисованные марионетки?

– Здесь – да. Даша, серьезно. Ты сейчас лежишь на своей кровати на Ладого и видишь сны. Тебя нет на этой стене. Просто нейро-боты транслируют в твои нервные узлы ощущения. Этих ощущений тоже нет.

– То-есть, на самом деле я не испытываю страха и восхищения, когда смотрю на этот город и на этих воинов?

– А вот и нет. Страх, радость, тоска – это уже реакция твоего тела, на простейшие раздражители.

– Значит, не такое уж здесь все и ненастоящее?

– Вон ты как завернула!

Даша довольно хрюкнула и сильнее прижалась к Леониду.

– Замерзла?

– Нет, просто...

– Помнишь, ты замужняя женщина.

– Не напоминай мне об этом, пожалуйста.

– Ладно, как хочешь, но...

Разговор прервало появление Анатолия. Похоже он сюда бежал сломя голову.

– Вот вы где! – проревел запыхавшийся капитан.

– Выдохните. Здесь нет усталости. Эта одышка индуцируется вашим представлением о... – Начал было Леонид, но был перебит капитаном.

– Отставить! На наш город вот-вот нападут, а вы тут милуетесь! Да, кстати, теперь это Багдад.

– Наш? – поразился Пилот.

– Да, наш. Я его купил.

– Как?

– Пришел к губернатору, вынул его из-под стола, он предложил купить. Все просто. А почему ты так не сделал?

– Так ведь нельзя!

– Давай поспорим насчет этого потом. А сейчас срочно надо что-то придумать!

– Стой. Ты говоришь, что купил... – подозрительно возразил Леонид, но не успел закончить.

– Да, купил. Еле-еле на тысячу золотых сторговались! – Анатолий отмахнулся от вопроса, как от несущественного.

– А откуда у тебя столько денег! – поразилась Дарья, но и ее тоже перебили.

– Говорю же купил! Эта подлюга хотела сначала даром, но я сторговался на тысячу. В общем теперь у меня есть город и

тысяча. Ты, Леня уж назначен военачальником, так что иди подымай войско. А ты, Даша, на торговле и снабжении. Иди из складов выгребай все, чем можно нанести тяжелые или лучше несовместимые с жизнью травмы. Мне реально нравится эта игра! Такая вариативная!

– Твоей логикой можно несовместимые с жизнью травмы нанести. – Вставил Леонид, но зачем-то вытянулся в стойку «смирно».

– У нас военное положение, честь потом будешь отдавать! – рявкнул капитан. Чекалов же только великим усилием воли смог сдержать слова: «Честь отдают в постели, а это – воинское приветствие».

Именно поэтому сама собой взметнувшаяся к виску рука, в последний момент изменила жест, и вместо козыряния, произвела вращательные движения.

– Наш капитан окончательно крышей потек. – Диагностировал Леонид.

Но на секунду подвис, взял себя в руки и продолжил:

– Мне сейчас десять уровней дали, за принятие на должно воеводы Багдада. Теперь у меня одиннадцатый уровень и я должен получить первую специализацию.

– Так, воевода же! – Не понял Анатолий.

– Это профессия, она описывает сферу обязанностей. А специализация дает возможности прокачивать умения!

– Тогда я даю тебе специализацию командира! Иди уже, спасай наш город!

– Это так не работает. Специализацию должен выдавать... А нет, смотри-ка – работает. Ок, спасибо! Буду прокачивать «приказ» и «поднятие морали»! Даше выдай специализацию.

– Это как? Ты в своем уме?

– В своем, в своем. И на твой квест «Защити Багдад» я тоже уже согласился. Видимо алгоритмы игры совсем забаговало. Не должно быть такого функционала у игроков. Только у энпээсов. Если окажется, что ты единственный во всей игре мер города, то я не удивлюсь.

– Губернатор. Я губернатор, а не мер.

– А в чем разница? – упрямылся новый воевода Багдада.

– Потом разберемся. Скорее!

– Куда скорее. Посмотри вниз, со стены. Видишь толпу?

– Ну?

– Чем они занимаются?

– К штурму готовятся! Ты чего застрял!

– Внимательнее посмотри! Они же меж собой отношения выясняют! Ой!

Буквально в десяти метрах от наших героев пролетело горящее бревно.

– Баллиста! – В ужасе проорал Пилот... Воевода? Леонид... Да, как минимум Леонид, с ником Пилот, специализацией командир, назначенный на должность воеводы.

– Даша! Ты наш медик! Иди организуй людей на тушение пожаров и собирай раненных в... Я не знаю, у нас есть мед-

пункт? – Затараторил Анатолий, наблюдая за разгорающимся пожаром.

– А я теперь еще и медик? Мне что, казначея мало? Ух ты, а за медика дали пару умений: «Тоник» и «остановка кровотечения»! Это хорошо?

– Замечательно! Бери пример с Леньки! Беги приказ выполняй!

– А Вы?

– Пойду план сражения рисовать. – Довольно гагатнул Анатолий.

И все же, главным и единственным приказом, который отдал Анатолий своим войскам было: «Не отвечивать, огней не жечь, на стену не подниматься, готовиться к обороне, и греть масло».

– Зачем масло то греть? – опешил энпеэс-секретарь. Анатолий так и не определил, какой масти был тот халдей, но тот постоянно таскался следом и старательно записывал все, что было более или менее похоже на приказ.

– Чтобы поливать тех, кто будет карабкаться на стены.

–А! Смолу! Правильно! Передам приказ кипятить смолу.

– Вот и замечательно, что мы друг друга поняли. Что там с новостями?

– Под стенами города собралось около трех тысяч неумеющих. Они в нашу сторону даже не смотрят. Чего-то между собой делят. Может еще и обойдется?

– Нет, братишка. Не обойдется. Они там сейчас решают,

кто первый на штурм пойдет. Слушай, а передай Леньки... ну, в смысле, Пилоту, воеводе, чтобы изобразил чего ни будь такого эдакого. Шаманского. У него это вроде хорошо получается.

– Не пойду! – Внезапно воспротивился подчиненный. – Он меня прошлый раз с лестницы спустил. Сказал, чтобы я его больше не отвлекал. Он очень сильно на солдат наших орет. А они, все двести душ, как один по-струнке стоят! Вообще такого ни разу в жизни не видел! Чтобы наши вояки, и по струнке в строю стояли! Их же никто строю не учил! Ну, не было у нас никогда воеводы. Они же до сегодняшнего дня были просто стражниками. А сейчас внезапно – солдаты. А что это такое – «солдаты» – кто бы знал!

– Ух ты, как разговорился. Ладно, иди тихонько, как ни будь, намекни ему, что я от него чуда жду.

Служивый тяжело вздохнул, но все же поплелся выполнять приказ его святейшества.

Перед Окским сейчас лежал план города с прилегающими территориями. Кроме самого городка в двадцать домов, вокруг расположились еще три деревеньки душ на сорок, пятьток мельниц, одна из которых была водяная, да поля-луга. Плюс, в лесу домик лесника. За каким-то хером, в другом краю леса – кузница. Все это соединялось дорогами – не тропинками, а дорогами! А вот затерянная в чащобе «избушка ведьмы», судя по карте, не имела к себе даже тропинки. На карте виднелся еще берег большого безымянного озера.

Вот! Вот в чем отличается мер от губернатора.

Мэр – управляет городом. А губернатор – всем что изображено на этой карте. И даже ведьма, по идеи, должна ему челобитную бить. Вот... Это как же надо было перепугать местных, чтобы губернатор добровольно от всего отказался, да еще и приплатил!

Ну, Ленька, ну Чекалов! Ладно, допустим, что это все игра. Ну, да... Действительно игра. Но! Вот то-то и оно!

– Как дела у Дарьи? – обратился Анатолий к вошедшему халдею – на этот раз уже другому. – И где тот, прежний?

– Так, он пошел Пилоту Ваш приказ передавать. Сказал, что если не вернется, чтобы я его должность занял.

– А он не вернулся?

– Пока нет.

– Ладно. Какие успехи у нашего казначея?

– Хм, – нервно сглотнул новый халдей, – Дарья, выгребла все оружие из закровов, раздала страже... солдатам. Все эликсиры, тряпки, ножницы и нитки стащила в одну избушку, сказала, чтобы всех раненых сразу к ней тащили, забрала с собой трех девушек и заперлась. Пилот во время тренировок одному нашему уху отхватил. Так мы, как и было приказано его в ту избу притащили. Четверть часа стучались, еле достучались. Она на нас наорала, сказала, что долго тащили, парня внутрь затащила и снова заперлась. Так там Марка до сих пор под окнами сидит, плачет. Это ее дом был. Что теперь с ней и детьми ее будет?

– Марку определите в другую избу пока. Ладно, я так понимаю к Даше тебя посылать с умными мыслями тоже бесполезно – сгинешь. Ладненько, – Анатолий аж потер ладони в предвкушении, – завари пока чай!

Вот, скажем честно, Анатолий впервые в жизни видел, чтобы человек с такой радостью и рвением убежал заваривать чай. Оставалось надеяться, что сам чай найдется – а то такой может и в соседний город за ним с радостью убежать.

Снаружи что-то бухнуло. Да так, что воздух из груди выбило.

– Они за стеной снаряды рвут! – бедного посыльного даже было жалко.

– Почему за стеной? В смысле, за стеной относительно нас, или относительно их?

– Относительно нас. – Робко добавил паренек.

– А почему? – в задумчивости проговорил Окский.

– Не могу знать! Прикажете выяснить?

– Будет с тебя. Ты же на части порвешься, если я тебе такую задачку задам. Небось к самим захватчикам и пойдешь спрашивать.

– Пойду! – отчеканил парень, но лицом он побелел хлеще твоей простыни.

– Не ходи. – Задумчивость не отпускала Анатолия. – Значит они уже совсем там между собой передрались. Только вот, хорошо это или плохо? Сколько за стеной неумирающих?

– Тысяча восемьсот! – Отчеканил с облегчением халдей.

– Вот! Уже в два раза меньше. Какие мы из этого выводы делаем? А вот такие. Подкрепление не прибывает. Когда они решат, кто самый главный среди них, тогда и пойдут на штурм. Зафиксировали. Могут ведь и организовать. Допустим в войско человек в пятьсот. Нет. Не пойдет. Там группы от пяти до двенадцати человек. Не поверю в то, что сразу десять кланов смогут договориться за одну ночь. Тогда получается максимум пять. Да, пять отрядов договориться смогут. Берем в расчет естественную смертность и получаем войска в пятьдесят – шестьдесят человек. А наших две сотни, плюс нас трое. Нет, как ни крути, ни единого шанса.

– Губернатор, простите... – еле слышно влез в размышления халдей. – Если позволите... Я согласен, что один неумирающий стоит десяти наших стражником. А если он еще и возродится, то еще десяти. Но после повышения наша стражники... солдаты как-то покрепчали, что ли. Их Пилот уже третий час гоняет, тренирует. Он сказал, что из них каких-то ниндзя сделает. Я не знаю, что это значит, но он их зачем-то в черные тряпки замотал и учит железяками кидаться. Так вот... Один из них эту железку кинул и стену дома насквозь прошиб. Каменную!

– И какого они сейчас уровня?

– Не понимаю я Ваших слов. Простите.

– Ладно, будет с тебя. Скажи лучше, что там со смолой.

– Выкипела! Мы пока новую в чаны не добавляем, вдруг

они так и не полезут на стены.

– Логично. Ты лучше скажи, есть ли у нас на складах краска, тряпки и бижутерия?

– Это еще зачем?

– Хочу карнавал устроить. Значит так, слушай мою команду! Вытаскивай из подвалов всю краску, все тряпки, одежду, все странное на вид и красивое. И собери всю молодежь от четырнадцати и до двадцати пяти на площади! Я покажу как победить в битве, не пролив ни капли крови.

...

Простая таверна сегодня, впрочем, как и всегда, оказалась забита под завязку. Люди, словно сговорились. Они набились в помещение так, что свободных мест не оставалось не только за столиками и барными стойками, но и в зале. Кто-то сидел на подоконнике, кто-то потягивал пиво, стоя напротив камина. Другие неспешно перемещались от компании к компании, бросая пробные фразы, и решали, стоит ли им присоединиться к обсуждению. Орки, гоблины, эльфы – вполне понятная и знакомая публика в таких заведениях. Даже странные человеко-насекомые и желейные монстры не вызывали удивления и отторжения. Никаких расовых предрассудков. Вот здесь зеленокожий человек обнимает лесную орочиху, а вот здесь друид-перевертыш вгрызается в сочный ростбиф, и с набитым ртом продолжает увещивать своим спутникам, среди которых и крылатые бочи и даже шарх полуджин.

Вы скажете, что такая толерантная обстановка возможна только в игре. Ведь каждый из них сейчас всего лишь маска, под которой скрыты обычные тривиальные люди: клерки, механики, слесаря, школьники и студенты. Возможно. Возможно, тем и хороши игры с полным погружением, что даже самый черный лич в них – это тот же уставший офисный работник, которого на службе так достали, что единственное что он смог придумать – это сбежать в придуманный нарисованный мирок. И пусть этот мирок нарисован, он не реален, он не настоящий. Но общение-то в нем самое что ни на есть настоящее, и истории в нем происходят не с орками и полуджинами, а с людьми, с теми, кто управляет персонажами.

Почему игроки собираются вечерами в бары, если это игра, если здесь нельзя выпить, а для более интимных знакомств существуют другие заведения? Как раз для того, чтобы вот так потолкаться в толпе таких же игроков, чтобы послушать и рассказать новые истории, чтобы найти себе соратников... ага... соратников... вернее подельников на очередное полуторачасовое приключение.

Но нас сейчас интересует не вся эта толпа, а только небольшая группа ребят, сейчас занявших место за длинным дощатым столом почти в углу зала. Вот они, держат в руках кружки пива и вальяжно развалившись на скамьях, время от времени наклоняются к столу, чтобы бросить себе в рот еще одну горсть просоленных орешков.

– И чего вы только находите в этом пиве? – Обиженно

фыркнул Вовчик. – Это же симуляция!

– Это для тебя, малолетки, пиво – это симуляция, – добродушно прогудел Мильхиор, – а для нас с Арчи, это очень хорошая симуляция. Да, согласен, физиологически мы не получаем этанол, и пьянеть вроде бы не с чего.

Крупногабаритный боец перевел ласковый взгляд на худощего лучника, который блаженно улыбался, пялясь в стену за головой Вовчика.

– А мне просто вкус нравится, – громче чем следовало заявил Арчи, и продолжил, – я вообще в реальности пиво не люблю. Вернее, не часто пью. Ну, как не часто... Не чаще, чем раз в неделю. Понимаешь? Поэтому оно и здесь на меня почти не действует!

– Не переживай, Вовчик, успеешь и ты... – Мильхиор покрутил рукой в воздухе, словно вылавливая подходящую мысль. – Интересно все-таки устроена депривация. Даже если в нашей игре нет усталости, то люди пробежав несколько километров, все равно устают, отпыхиваются. Словно мозг сам симулирует половину ощущений. Знаешь, что я подумал! Может такое быть? Ну, что и в жизни, половина из того, что мы ощущаем – это не наши настоящие чувства, а воображаемые? Скажи, Арчи, как ты думаешь?

Лучник собрался, с явным усилием сконцентрировал взгляд на собеседнике и проникновенно заметил:

– Это факт. Если сунуть руки в воду. То одна из них почувствует жар, а другая холод!

– Что за бред? – Возразил Вовчик.

– А ты не лезь, когда старшие разговаривают! – Резко обиделся лучник.

Диверсант аж рот захлопнул.

А Мильхиор ласково так положил руку на плечо друга и елеинным басом потребовал:

– Мальчик мой, Арчи. А можешь ли ты, дорогой мой, без драки покушать?

– А я и не собираюсь драться! – Вскакивая с места выпалил лучник. – Чего началось то? Я что ли виноват, что он никогда в своей жизни пива не пробовал?

– Я пробовал!

– Если бы ты мне сказал, чтобы я в разговор не лез, то я бы тебе уже между глаз прописал. – Пояснил танк. – А ты лучше сядь и доставай жемчуг Багдада. Будем закусывать.

Низкорослый мужик, за которого играл Вовчик, радостно подтвердил, что пора бы уже попробовать диковинные фрукты. А когда на столе появились зеленые плоды, чем-то напоминающие яблоки, только часто украшенные белыми узорами, в таверне стало как будто бы тише.

– Чур мое с ежиком! – Вовчик попытался схватить один из плодов, выставленных на стол, но Мильхиор остановил его жестом:

– Давай на формах глянем сначала, меня сильно смущают неизвестные стату. Вдруг там что-то действительно уникальное?

– Если бы там было что-то уникально, то их за серебряшку бы не продавали, – парировал Арчи.

– Это что? Настоящие жемчужины Багдада? – Девушка появилась словно из ниоткуда. Симпатичная волшебница с посохом в одной руки и фигурной чашей в другой.

– Ну, да. – Буркнул Мильхиор.

Но Арчи не поддержал скепсиса товарища. Режим забулдыжного пьяницы был им резко переключен в режим «казановы».

– О прекрасная эльфийка, я заметил Ваш интерес к нашим боевым трофеям! Смеем заметить, что и подвиги наши столь же красноречивы и говорят сами за себя. Ни пожелаете ли разделить с нами этот дивный стол и послушать дивный рассказ о том, как мы заполучили сей чудесный фрукт? – Под конец спича лучник пожелал принять героическую позу, облокотившись одной рукой о стол. Конечно же он промахнулся.

– И как же вы его заполучили? – Девушка явно заинтересовалась, впрочем, как и добрая половина таверны.

– Купили на рынке. – Просто буркнул Мильхиор.

– Завались! – Прорычал Арчи, выбираясь из-под-стола. – Друг мой нисколечко не слукавил. Мы действительно приобрели жемчуг Багдада на рынке. Но хочу добавить, что, прежде чем добраться до этого рынка, нам пришлось пережить кровавое побоище, в котором полегло не меньше тысячи бойцов. И на рынке том сокровищ невиданных целые

горы.

– Да это же яблоко! – Выкрикнул кто-то из окружающих стол парней.

– Это яблоко? – Лукаво возмутился лучник. – А описание ты видишь? Ясно же написано, что это «Жемчужина Багдада». Или может быть это тоже яблоко? Или это?

Арчи достал из своей сумки сначала некий сухофрукт, в описании которого красовалось «урюк из Багдада», а потом баночку с надписью «верблюжий жир из Багдада», так же на стол легли и «золотая пудра из Багдада», за ней «Щербет обыкновенный из Багдада», «щербет с изюмом из Багдада» и наконец «чурчела из Багдада».

– Я такого еще никогда не видел, – поразился кто-то из окруживших компанию.

– И это еще не все! Видели бы вы сколько там приправ, трав, диковинного оружия, тканей! – Продолжал восхищенно рекламировать свои трофеи Арчи. – Милая леди, мне бы хотелось разделить счастье попробовать эти удивительные сладости вместе с Вами.

– Но вот это-то точно обычное яблоко! Просто на нем какой-то дурак узоры вырезал! – Не унимался злопыхатель из толпы.

– С дураками спорить, – махнул рукой лучник, – ясно же написано – «жемчужина»! Ты, дядя, лучше иди куда шел.

– Так, я тут стоял!

– Тогда стой молча!

– Мальчики, а вы правда дадите попробовать? – Проронила девушка, присаживаясь на скамью рядом с Арчи. – Расскажите, как вы попали на тот рынок?

– Про обновление новое слышала? – Включился в разговор Вовчик. – То, из-за которого города опустели? На них еще рейды собирать стали!

Арчи злобно посмотрел на низкорослика, но ничего ему не сказал.

– Наша история начинается с того, что мы, как и все, решившие участвовать в осаде проклятого города...

Бурное обсуждение длилось не менее полутора часов. Арчи же, хоть и рассказывал все более-менее правдиво, но пытался представить события в более выгодном для себя свете, явно красуюсь перед незнакомкой. Например, в его изложении, ночь перед боем они провели в отдалении потому, что им поручили контролировать территорию. Именно поэтому, они всю ночь не смыкали глаз и охраняли лагерь воинов. А когда перед самым рассветом из города выскочили ниндзя – они первыми подняли тревогу, чем и спасли жизнь солдатам.

Только на этом моменте Милхиор перебил, и заявил: «Какие-же это были ниндзя!? Обычные мужики, закутанные в черные тряпки! И матерились они очень даже по-нашему. И топоры у них были, а не катаны. И бегали они не скрытно, а как стада мамонтов!»

Но несмотря ни на что, пол сотни странных ниндзя, воспользовавшись тем, что большинство солдат еще спали, про-

сто перерезали горло трем сотням солдат. В краткосрочном бою мужиков в черных тряпка удалось оттеснить к лесу, а как только диск солнца полностью показался из-за горизонта, все снова утихло. Разобщенные группы игроков, в рассказе Арчи превратились в слаженное войско, именно поэтому под предводительством «главного командира», войска ринулось на штурм. По словам лучника в живых оставалось только восемьсот бойцов, но и на этот раз атака захлебнулась. Ведь подлые вражины по всему полу навкапывали растяжек – тонкая проволока, натянутая между двумя кольшками, кому-то даже умудрилась срезать голень, но большинство ребят отделались растяжениями.

Каково же было удивление нападающих, когда ворота города опустились, и к армии вышел человек в красном чурбане на голове, льняной рубахе на груди и лаптях на ногах. Этого ряженного сопровождала парочка скоморохов, они кувыркались, гремели бубенцами и корчили рожи.

Стоило человеку немного приблизится, как он разведя руки в стороны зычно заявил:

– Добрый путник войди в славный город Багдад...

С первыми же его словами из-за стен грянула музыка, а парень продолжил петь:

«Ты своим не поверишь глазам.

Ждут тебя впереди приключений каскад

Ты готов, открывайся сезам!»

Спев свою песню, парень в красном чурбане скрылся за

городской стеной. Воины, которые собрались на штурм данжа, и были уже жестоко атакованы, после такого представления просто ошалели. А когда из леса появилась процессия городских стражников, с алебардами в руках, и заунывно затянула: «В Багдаде, в Багдаде, в Багдаде все спокойно», люди были полностью деморализованы.

Хоть на самом деле, выжившие игроки и кинулись в новоиспеченный Багдад без разбора и порядка, в рассказе Арчи, именно его троице, как наиболее доверенным людям, позволили войти в город первыми.

А в самом городе творилось что-то несусветное. На обычных избах были развешаны шатры из разноцветных тряпок. Обычные улочки оказались засыпаны хорошим слоем желтого песка, а все свободные в обычных городах участки, плотно уставлены палатками с диковинными товарами.

В общем, нападать и штурмовать Багдад уже никто не решался. Воины рассредоточились по улочкам, покупали дивные фрукты и пытались разузнать у местных, что же здесь творится.

Да, допустим, что «урюк из Багдада» больше походил на сушеные сливы, «верблюжий жир из Багдада» по запаху не отличался от медвежьего, «золотая пудра из Багдада» больше всего походила на колотый жженый сахар, а «Щербет обыкновенный из Багдада» мог быть вообще чем угодно, вплоть до муки, пропитанной медом, но надписи система вешала исправно. На большинстве товаров висели неизвестные

бафы, а в небе летал ковер самолет.

– Да не летал он! – Заверещал Вовчик, не выдержав хулы. – Там же веревки были! Просто эту девку на ковре по веревкам перетаскивали с крыши на крышу! И верблюды ваши были всего лишь крашенными лошадьми!

– Да, верблюдов там не было. – Пояснил Арчи. – Там ходили желтые лошади с тюками тряпок на спинах. На этих тряпках сверху седло, а в седле погонщик. Я сам видел, как один из таких с этой конструкции свалился. Но остальное-то было настоящим.

– Ага, и Шемахинская царица тоже была настоящей? – Усмехнулся Мильхиор, когда удалось вставить хоть пару слов.

– Ну, была какая-то голая девка в наволочки. Она утверждала, что царица из Шамаханана. Значит, Шамаханская царица. Чего тут непонятного?

– А то, что это галимый маскарад! – Взорвался наконец Мильхиор.

И все были с ним солидарны. Но не стовариваясь, словно по команде все, абсолютно все в таверне, опустили свои глаза на стол, на котором все еще лежали ажурно изрезанные яблоки, высушенные сливы и прочие непотребства, которые теперь в своем описании имели вычурные имена с упоминанием Багдада.

...

«Мальчики, спасибо вам. Вы – лучшее, что со мной про-

исходило за последнее время.

И даже хорошо, что вы сейчас заняты этой игрушкой. Так лучше, я бы не смогла...

Я прошу только об одном – не вините себя. Это мое решение, и я делаю это с легки сердцем. Не обижайтесь на меня. И спасибо. Надеюсь, вы сможете меня простить. Я на себя израсходовала весь ресурс медицинской капсулы. Там ничего уже не осталось. Я в любом случае покину вас, только мне не хотелось бы стать для вас еще большей обузой.

Если вы это читаете, значит у меня все получилось. Кажется, мне придется украсть один из скафандров. Без этого корабль просто не откроет шлюзы. Я уже все решила. И Лень, прости, я не соглашалась на твою помощь потому, что уже знала, что это будет мой последний рейс. Я знала, что что-то случится. То, что мы не выходим из неопределенности – это из-за меня. Она не отпускает именно меня. Теперь все будет хорошо.

Бортмеханик Ладоги, Сима Вейдер.

P.S. Даша, позаботься о моих мальчика... О Ленки и Анатолии. Они отличные ребята, и не дадут тебя в обиду. Пожалуйста, не оставляй их одних.»

– 8 –

– Мне это все чертовски не нравится. – Анатолий сосредоточил свой взгляд на экранах внешнего обзор.

– А уж как мне это не нравится. – Подтвердил Леонид.

На станции Марата не горел ни один из стыковочных ог-

ней. Но сама станция не выглядела безжизненной, иллюминаторы жилых и общественных секторов продолжали сиять, временами прихотливо зажигаясь, гаснув, словно люди в люксовых каютах с видом на открытый космос продолжали жить своей жизнью. А локаторы антенн связи также, как и всегда юрко искали каналы связи, ориентируясь на неведомые далекие станции приема.

– Сможешь пристыковаться вслепую? – с тревогой в голосе наконец спросил капитан.

На что Леонид только усмехнулся.

Девушка же продолжала находиться в прострации. Да, им не хватило какого-то часа. Пятьдесят минут отделяли выход Симы в неопределённость и выход Ладоги из этого состояния. Сейчас тело борт-механика продолжало дрейфовать в загадочном то ли пространстве, то ли состоянии. Судя, по некоторым выкладкам ученых, находясь в состоянии неопределенности материальная точка обладала только потенциалом. Она существовала равновероятна в любом моменте пространства и времени. Как и по каким законам космические суда при этом умудрялись из одной точки вселенной исчезнуть, а после появиться в другой – оставалось загадкой для большинства специалистов. Для тех, кто еще оставался в своем уме. Это как с Богом – те, кто утверждает, что разговаривал с ним, либо врут, либо сумасшедшие. Так и путешествие за грань материального евклидового пространства поддавалось только тем, кто не задавался вопро-

сами, либо тем, кто уже находился за гранью адекватности.

– Перестань читать эту записку. – Раздраженно велел Леонид девушке. – Мы уже ничего не сможем сделать или понять! Не было у тебя шанса ей помочь, переубедить или даже посочувствовать.

– Я должна была! – Голос Дарьи дрожал, губки сжались до белизны, а ногти произвольно терзали бумажку. – Я должна была хотя бы быть рядом! Это мой долг, как специалиста! Я же медик! А вместо этого я играла в эту дурацкую игрушку.

Анатолий же машинально про себя отметил, что хорошо, что девушка не винит Леонида. Она сказала, «Я играла», а не «Ты меня заставил играть». А это уже достаточно в данной ситуации. Но все же пилот сконфуженно спрятал виноватый взгляд.

– Отпусти. – Рука Анатолия легла на плечо товарища. – Дай ей побыть со своими мыслями. Помни, она девушка, девушкам сложнее переживать такие ситуации. И я тоже продолжаю прокручивать ее последние слова, ее действия. Я должен был как-то понять. Но чем я мог помочь! Сима нарочно скрыла то, что ресурс медицинской капсулы подходит к концу. И знаете что... Я ловлю себя на мысли, что если бы она помедлила еще один час, то была бы сейчас с нами, и на станции ей смогли бы помочь.

– Моя колония...

Леонид не смог закончить фразы, спазм в горле саданул

так, что бравый пилот закашлялся.

– Что твоя колония! – Вдруг взорвался капитан. – Твоя колония идеальна! Я знаю, и не смотри так. Она продлила бы ее мучения еще на час, день. В лучшем случае на месяц. Лень! Ты сделал все, что было в человеческих силах. Даже больше! Это ее решение, и ты как друг, должен его уважать! Разве не так? Она не хотела быть обузой.

– Она ушла как кошка. – Невпопад откликнулась Дарья, и снова зарыдала.

– Можешь заставить Дашу поспать? – Многозначительно еле слышно спросил у пилота Анатолий.

– Могу.

И даже не моргнув, Леонид отдал команду, все еще находившейся в теле девушки колонии, команду на выработку снотворного. Даша тихо опустила руки, уронила голову на грудь и ровно засопела.

– Да, ты чертов бог! – Недовольно бросил Окский.

– Но Вы же сами попросили, – было возмутился Леонид, но под тяжелым взглядом капитана посмурнел.

– Вот этого и боялась Сима. Думаешь, легко понимать, что тобой могут управлять как куклой? Видеть все внутренние процессы, как на бортовых приборах корабля? А она разваливалась. Она просто не могла на тебя это взвалить. Вижу, что понимаешь. Бросай корабль в дрейф, и пошли за мной.

– Я выведу колонию из ваших тел!

– Не вздумай. И не жди от меня объяснений. Просто

оставь все как есть. И пошли.

– Куда?

– В грузовой отсек.

– Там ведь пусто. – Пилот не смотря на растерянность, все же уже закончил выполнять приказ – скорости космических посудин сравнялись, одной маленькой под названием Ладога и другой гигантской, по имени станция Марата.

– Помнишь, как говорится? Приказы обсуждаются после их выполнения.

Трюм корабля и правда, был совершенно пуст, темен и пронзительно чужероден. Вафельный металлический пол, ребристые стены, укрепленные тавровым профилем, скупые светильники.

Анатолий выдвинул из стены пенал с уплотнительным материалом – матами метр на метр, из вспененного алюминия. Этот материал использовали часто для прокладки особо хрупкого груза, чтобы предотвратить удары и вибрацию. По началу использовался аэрогель, но когда оказалось, что формовать плиты из алюминия дешевле, а по весу, упругости и долговечности они выигрывали у всех традиционных материалов, повсеместно стали использовать его. И только когда четверть всего пола оказалась устлана матами, Анатолий ступил на них, слегка пружиня и балансируя, чтобы не упасть.

– Снимай рубашку, ботинки, и иди ко мне. – Анатолий принял классическую боксерскую позу. Он даже попробо-

вал несколько движений, но быстро пришел к выводу, что на вспененном алюминии «порхать как бабочка» он не сможет, отвел правую ногу назад, перетекая в некое подобие борца.

– Я ж Вас уделаю! – Усмехнулся пилот. – Хоть в боксе, хоть в греко-римской борьбе!

– Вот и посмотрим, тем более что я не знаю, ни бокса, ни твоей новомодной борьбы для римских греков.

– Китель хоть снимите! – Леонид сразу же перешел на надменный тон, разминая мышцы перед схваткой.

И тут же оказался на лопатках. Анатолий не стал долго ждать, он совместил два движения. И отбросил в сторону снятое обмундирование, и сделал подсечку. Если бы они стояли на твердой поверхности, то и этот подлый трюк не помог бы ему. Но, Леонид, заметивший удар по лодыжке слишком поздно, постарался отскочить, маты предательски погасили толчок стоп, и подсечка его застала только слегка оторвавшимся от пола.

– Это было слишком просто. – Расхохотался капитан, подавая руку сопернику.

На этот раз Леонид, понявший правил боя, принял Анатолия на бедро, и не поднимаясь, отправил того в непродолжительный полет.

– Твою же ж мать! – Анатолий приземлился за кромкой застланного татами и смачно приложился локтем и лопатками в ребристый металлический пол. Хорошо, хоть голову успел прижать к груди.

– У Вас кровь!

– Думаешь, это мне мешает навалить тебе? – С задорной ухмылкой усмехнулся капитан. – Лови!

Окровавленный носок, пролетел немногим левее лица пилота, но и этого секундного замешательство хватило Анатолию, чтобы нагнувшись, плечом врезаться в живот Леонида. Но на этот раз пилот не стал мешкать, завалился спиной, и толкнул начальника ногами в живот. Вопреки ожиданию, капитана он кинул не назад, а ровно вверх перед собой.

Ошалевший матерной птицей, мужчина подлетел к потолку и снова устремился в падении. Но падать ему пришлось уже не на пилота – тут успел кувыркнуться влево.

Бойцы закружили в замысловатом первобытном танце, они не обменивались ударами, они примерялись ухватить друг друга то за пояс, то за голень. Наконец, Леониду удалось поймать пятку капитана, и повалить на спину. Но на этом он не остановился, продолжая тянуть его за собой. На белоснежных матах осталась бурая полоса от расшибленной спины мужчины.

Пилот вывернул ступню в болевом захвате, и не сразу заметил, что капитан уже колотит ладонью по мягкой поверхности уплотнителя.

– Брейк! – Простонал капитан, пытаясь отдышаться. Вопреки разодранной спине и полученным ушибам, на лице его сияла полубезумная улыбка. У обоих парней уже катил пот со лба.

– Иди проверь, не вызывают ли нас диспетчеры.

– Капитан! Я продолжаю мониторить пространство прямо сейчас. С нами никто не пытался связаться, более того, со станции и на станцию никто не вылетал. Где-то на периферии, как и мы, находятся в дрейфе еще два курьерских корабля.

– Слышь, киборг хренов! – Усмехнулся капитан. – Тебя самого-то не пугают такие возможности?

– Нисколько. – Уверенно возразил пилот. – Только радуют. Это же не сказка, и не кино. Я точно знаю возможности колонии, я сейчас просто вывел все приборы в свой интерфейс. Никакой магии, никакой мистики. Я же сам запрограммировал это все. Ну почти все.

– А вот меня пугает. Лень, мы ведь уже не люди. В нас ползают эти микро-роботы. Ты же прямо сейчас можешь остановить мое сердце! Разве нет? А мысли мои читать не можешь? Черт, жжется!

– Не переживайте, я дал команду на ремонт ваших повреждений! – Язвительно усмехнулся Леонид.

– Вот об этом я и говорю. Иди в душ, и будем связываться с Маратом. Что у них там такое произошло?

– Я могу вывести колонию из Вас в любой момент. – Посерьезнел пилот. – Вы только скажите. Это не мистический разум, и не волшебство. Это все техника. Просто как портативная медицинская капсула. Вы ведь не боитесь стим-пакетов?

– Стим-пакетами не управляет малолетний засранец.

– Это я-то малолетний? – Всерьез возмутился пилот.

– Хорошо, что насчет засранца не споришь, – бросил капитан, выходя из грузового отсека, – только плиты уплотнителя не забудь в пенал убрать.

А про себя Анатолий добавил: «Симе бы эта перебранка очень понравилась». Она всегда любила, когда «мальчишки» дурачились. Вот только при ее жизни, он не позволял такого. Странно, за последний час они очень сблизились. Мужчине уже не хотелось важничать, и скрывать за сухостью свою неуверенность. Неужели для того, чтобы сработаться, ему нужна была смерть кого-то из экипажа.

А остался ли этот экипаж? Вместо Симы теперь Даша. Навивная девчонка. Зачем она нужна на Ладого? Да и нужна ли Ладога ей. Она в космосе, как того и хотела. Может быть стоит ей только ступить на станцию, как и след ее простынет. И останется два товарища в лодке. Не считая собаки. Не считая потому, что нет у них никакой собаки. Вот ее и не считают.

Уже в своей каюте капитан рассматривал в зеркало разодранную спину. Нет, только следы запекшейся крови. Ни ссадин, ни ушибов. Колония нейро-ботов. Да, такая технология стоила бы миллионы. Но пока она находится в руках корпораций, и считается военной тайной – остается воистину бесценной. А с другой стороны, что стоило это заживление? Ничего! Все ресурсы колония взяла из его же организма. Ни зарядки, ни расходников не требуется. Что же. По-

спешить в душ, чтобы освободить его до того, как Леонид управится с матами. Надо поспешить.

Уже через пятнадцать минут Леонид румяный и бодрый играл неслышимую композицию на панели управления Ладогой.

– Так привычной пока еще. – Пояснил он капитану.

Ответа от станции они так и не получили, но стыковочные шлюзы всегда оснащались аварийными системами, и даже к совершенно обесточенной станции можно было пристыковаться в ручном режиме. Это практиковалось в первую очередь из-за безопасности. Ведь в космосе случается всякое, а если спасательной бригаде придется проникать на станцию через корпус – это вызовет еще больше потенциальных проблем.

Даша тоже приходила в себя. Она непонимающе моргала, оглядывая компанию.

– Ты заснула – мы не хотели тебя будить. – Пояснил капитан. – День выдался напряженным.

– Мы прилетели? – подала голос девушка.

– Да, только тут какие-то странности. Станция не отвечает, но персонал там точно есть. Может быть какая-то авария. – Развел руками пилот, и вернулся к вводу каких-то кодов и инструкций.

– Да, еще пару минут, и мы войдем на станцию Марата. – Успокоил Анатолий. – Но все равно надо быть настороже. Полное облачение. Скафандры, средства личной защи-

ты. Даша, возьми аварийный мед-пакет.

Леонид только ухмыльнулся. С его-то новой игрушкой за-чем эти предосторожности? Анатолий сам мог убедиться, что с любой раной и болячкой нейро-колония легко справляется без внешних препаратов.

– А как там наблюдатели? – Обратился капитан к пилоту.

– Наблюдают. На связь не входят. Чего-то опасаются. Но за нами пристально следят. Им, видимо, тоже позарез нужна дозаправка, но первыми стыковаться боятся.

– Какие еще наблюдатели? – Изумилась девушка, на что получила пространный ответ, что мол, еще две посудины летают вокруг станции.

Ладога плавно, не торопясь приближалась к стыковочному узлу. Сам Марат просто оцетинился лепестками шлюзов. На этой станции корабль влетал в ангар, где и мог получить все услуги. Такие «доки» обычно рассчитывались на пять-шесть кораблей, но позволяли влететь одновременно только одному.

– Нам везет. – Выдохнул облегченно пилот. – Шлюзы открыты. Силовые поля в порядке. В доке должна быть нормальная атмосфера. Но технику безопасности, естественно, никто не отменял. Капитан, я все знаю, надеваем скафандры. На всякий случай. Все! Мы приземлились. Или примаратились, это уж кому как удобнее.

– Даша? – Анатолий бросил тревожный взгляд на девушку.

– Все в порядке. Я готова.

В ангаре было пусто. Только сама Ладога. Ее дюзы потрескивали, остывая. Еще пару часов к ним лучше не подходить.

– Ну, не дураки? – Анатолий коснулся защищенной скафандром рукой измятой посадочной капсулы. – Леонид, при первой же возможности сотрешь эту надпись. Муфа-7 названа Ладогой, а не «Толика удачи».

– А мне нравится. – Воспротивился пилот. – В старину было принято писать название судна на его корпусе. И «Толика удачи» звучит красиво.

– В том-то и дело, что твоя «Толика удачи» называется по-другому. Это Ладога! И точка.

– Точка, так точка. Ладно, я заберу удостоверение. Забыл в спешке. – Леонид нырнул обратно в корабль. И неожиданно трапп начал подниматься.

– Леонид! – Растерянно крикнул капитан. – Что ты творишь?

– Ой, простите. Это случайно, сейчас! – Голос пилота раздался прямо в ухе у капитана.

– Это еще что за шутки? Рацией не умеешь пользоваться? Хватит гонять своих ботов!

– Да, ладно Вам. Так же удобнее.

– Опустит трап! – Рывкнул Анатолий в переговорное устройство, но ответ услышал все так же, с помощью нейро-колонии, сразу воспроизводивший голос Леонида в ушном канале.

– Сейчас, тут что... Вот, нашел.

Из сопел Ладоги повалил дым – пилот зачем-то продувал двигатели.

– Хватит дурить! Выходи!

– Вам лучше отойти со стартовой площадки.

– Что происходит? – Испуганно завизжала Дарья.

– Леонид сбрендил. – Отрезал Анатолий.

– Да, я сбрендил. Я угоняю корабль. Анатолий, прости. Я не могу потерять и его. Он ждет!

– Выходи и обсудим! Я не дам взлететь кораблю. – Испуганно и гневно зарычал капитан.

– Отойдите, я не хочу Вам навредить.

– Выходи! Давай поговорим!

– Нет. Если я выйду, то вы меня отговорите. Если я это не сделаю сейчас, то мне просто не хватит духа! Понимаете? Понимаете вы? А он там один! Как Сима! Почему я не могу помочь?

– Да, кому, черт возьми? Давай вместе поможем!

– Что происходит? Анатолий, что происходит? – Даша, видимо не слышала голоса Леонида.

– Нет.

– На корабле осталось топлива только на один прыжок! Один! Это самоубийство! – Не сдавался капитан.

– Я знаю. Мне больше и не понадобится. Только один. Я возвращаюсь на Лею. Я не знаю, как, но я его вытащу.

– Кого ты собрался вытаскивать? Откуда у тебя там знако-

мье? – В голосе Анатолия сквозило неподдельное отчаяние.

– Вы не поймете. Нет, не поймете. Простите. Вы хороший капитан. Правда. Хороший.

– И поэтому ты бросаешь нас на пустой станции? Пустой! Ты же нас умирать оставляешь! Когда ты вернешься.

Секундное замешательство, а затем совершенно упавший голос Леонида разорвал оставшиеся надежды. Таким голосом люди не разговаривают. Таким голосом только... Ни надежды, ни чувств. Одна обреченность. Серым мертвым голосом пилот то ли возразил, то ли сообщил:

– Я не вернусь.

По корпусу корабля пошли вибрации, девушка метнулась к стене, а Анатолий продолжил стоять в метре от взлетающей махины. Его обдало раскаленным воздухом, сбило с ног, но скафандр был способен выдержать и не такие нагрузки.

«Я не вернусь,» – отдавалось эхом в голове Окского. Не звук – мысль о звуке.

Его корабль, нет не его, взятый у друга корабль, на котором он провел последние месяцы, развозя никчемные грузы, оторвался от земли и плавно исчез в шлюзе.

«Я не вернусь,» – да, как же так! Все, его команда полностью развалилась. Сима, теперь Леонид. И даже корабль. Как так!

– Как так! – Взвыл капитан.

Он ощущал себя песчинкой, подхваченной ураганом.

– Он угнал корабль? – Девушка была не так подавлена, но

находилась в полной растерянности.

– Плевать на корабль. Он... – Слезы накатили на глаза Анатолия. – Он ушел. А... А как я без него? Как мы? А как без Симы? Все кончено. Это конец. Что же теперь будет? Даша? Ты тоже уйдешь? Уходи... А я тебе все равно ничего не могу дать! Это конец!

– Надо звать полицию! Они догонят и вернут корабль.

– Полицию? И я буду писать заявление на своего же пилота? На Леньку? Сума сошла? Это так не бывает! Этого не бывает! Это сон! Я в бреду? Даша, ты же медик, психотерапевт. Скажи мне я двинулся? Я рехнулся? Это бред. Скажи мне, что это бред!

Даша молчала. Пустой ангар. Громадное помещение. И они, два маленьких человечка в скафандрах. Пустота.

– Я пойду, – сказал вдруг Анатолий, расстегивая застёжки у шлема скафандра.

– Куда? – Даша только и успела проследить направление. Ее капитан направился к створкам шлюза. Там, за гранью силового поля которого находилась пустота, космический вакуум. Смерть.

– К Симе, к Леньке. К остальным. Там, наверное хорошо, раз они так легко уходят.

Девушка истерично дернулась, догоняя Анатолия, отрывая его руки от заклепок шлема, пытаясь застегнуть их обратно.

– Ленка дурак! Но он жив! И я жива. И Вы живы! – У

Даши дрожали руки, губы, ноги...

– Я? – Глупо повторил мужчина.

– Вы бросите меня здесь одну? Я же ничего не знаю! Я никогда не была в космосе. Хватит вести себя как маленький мальчик!

С последними словами Дарья врезала оплеуху по щитку скафандра Анатолия.

– Подбери свои сопли, мудила! Ты бросишь беспомощную девушку умирать? Так ведут себя капитаны?

– Какие капитаны? Где ты видишь мою команду? Где ты видишь мой корабль?

– Я твоя команда, сукин ты сын! – Даша визжала. Страх продирает ее до костей. Она все еще не могла понять откуда навалился этот страх. Да, она все еще думала, что все будет хорошо, что это еще одна история с дурацким, но счастливым концом. Наивная, испуганная девчонка!

Новая звенящая металлом оплеуха сбила Анатолия с ног.

– А ты сильная. – Внезапно спокойным голосом отозвался с пола Окский. – Дарья Хилл. Ксено-психотерапевт. Беглянка со своей родной планеты. Что, кинулась на шею первого попавшегося дурака с кораблем? Рада?

– Рада!

– Ну и дура. – Спокойно поднимаясь заявил Анатолий. – Что делать будем, психотерапевт?

Девушка окинула ангар взглядом:

– Там есть двери. Они должны быть открыты.

– Должны. – Согласился Анатолий. Забрызганное изнутри стекло скафандра начало автоматическую очистку. Визуально, это выглядело, как изредка пробегающая радужная пленка. Но Анатолий так и не удосужился узнать, как происходит эта очистка ранее. Просто ему еще не приходилось заливать скафандр слезами, да и чихать внутри тоже не довелось. И функционал этот он почитал за излишество. Но если вдуматься – каково пришлось бы технику в открытом космосе, если бы он банально чихнул на стекло. Рукой то его изнутри не протрешь!

Двери открылись. Они вошли в коридоры. Такие же пустые. Стойка регистрации тоже пустовала, переодеться в нормальную одежду тоже было негде. Все лотки и стойку в этой части станции оказались закрытыми.

– Может быть карантин? – Предположила девушка.

– Тогда не снимай шлем. Хотя, если бы был карантин, то в радиоэфире об этом бы сообщалось постоянно.

– Что здесь происходит? – Голос из-за спины.

– Да, кто же его знает. Мы только прилетели. – Отозвался Анатолий.

Со спины их догонял грузный суровый мужик. Без скафандра, но весь покрытый черными волосами.

– Григ, – протянул он руку для знакомства. – Я тоже только стыковался. Горючка полностью кончилась. Мне один фиг, ничего не осталось больше. А видали тех психов? Влетели, развернулись и улетели. Невротики конченные. Вы то

с какого судна?

– С того и есть. Я Анатолий. Моя спутница – Дарья.

– Мое почтение, – сластолюбиво промычал Григ.

Анатолий схватил девушку за руку, прерывая реверансы незнакомца:

– Мы пойдем поищем кого ни будь.

– И я с вами! – Невозмутимо предложил мужлан. – Я с этими астероидами уже света белого не вижу. Старатель я. Разную херню из камушков выковыриваю. Там в этой черной мертвой пустоте одному ваще фигово. Кстати, дамочка, я на днях такой алмаз скovyрнул. Если огранить, и повесить на эту прекрасную шейку...

Анатолий крепче сжал руку Дарьи, и та правильно поняла намек:

– Я камнями не интересуюсь. – Твердо, но без вызова ответила девушка.

– Какой камень? Не камень, а слеза! Смотри, захватил на всякий случай, правда красотища?

На волосатой руке Грига появились две словно слюдяные пленки. Они были зеленого и красного перламутра. И хоть толщины в каждом листе было всего несколько микрон, но глядя на их поверхность, можно было тонуть в переливах и внезапно возникающих узорах. Стоило освещению измениться, за призрачной пленкой, словно в полуметре за радужной преградой вспыхнули золотистые шерстинки.

– Нам компаньоны ни к чему. – Анатолию пришлось одер-

нуть за руку, словно загипнотизированную Дарью. Да, что там говорить, он и сам с трудом оторвал глаза от объемных переливов тончайших пленочек в руке борова.

– А я сейчас не с тобой разговариваю, дрищ!

В руке Окского появился резак. Не оружие, так, инструмент первой необходимости. Им можно было сварить края разошедшихся листов обшивки и быстро срезать упаковку с товара. Но и человеческую плоть, он резал и жег замечательно. Правда на большинстве моделей стоял предохранитель. Как раз на этом резаке он и стоял. Другими словами, коснись рабочей плоскость живая органика, и инструмент моментально выключится. Даже ожога не получишь. Но все же мужчина закрыл женщину плечом, намекая на то, что пустит оружие без раздумий.

– Смелый? Смелый. Чего бычишь мудила? Это у тебя так принято, да? На людей с оружием бросаться? Может быть тебя надо хорошим манерам поучить?

– Иди найди себе компанию в другом месте! В баре, небось, девчонки заждались! – Отчаянно скульнула девушка из-за спины Анатолия.

– Не лезь, когда мужики разговаривают, дура!

– Нападение на гражданина Земли карается! Принуждение к сексу, угрозы, Оскорбление личности... – Хрипло начал перечислять Окский. Он не раз прокручивал в своей голове такие встречи. Да, он боялся гопников, хулиганов, отморожков. Он просто не знал, как действовать. Бить первым?

Просто бить? Это не по-людски. А любое сказанное тобой слово, в таком разговоре, только сильнее загоняет тебя в тупик. Как вести разговор, если любая нормальная логика не доступна?

– А ничего такого не было, «товарищ». Это ты на меня наставил оружие.

– Это не оружие. Это инструмент. – Опешил Анатолий.

– А вот у меня есть оружие, но я и без оружия справлюсь с нахалом. – Григ вразвалочку начал приближаться.

И тут в голову Анатолию пришла странная мысль: «Я же в скафандре. Что он может сделать?»

Удар получился смазанным. Но усилители скафандра, рассчитанные в-первую очередь на работу в космосе, выбили из хари мужлана добрый фонтан крови.

– Ты ответишь за это, фраерок. – Пообещал, слегка шамкая губами Григ. – Вот только власти найду.

– Ты в порядке? – Даша с изумлением смотрела на окровавленную рукавицу скафандра Анатолия.

– На то и был расчет. – Еле сдерживая голос произнес мужчина. – Я сглупил? Что поддался.

– Надо было просто не обращать внимания. Он получил, что хотел. Теперь у нас будут проблемы. – Резонно заметила девушка.

– Надо было.

...

Джо Биль не любил пользоваться орбитальным лифтом.

Гораздо приятнее иметь свой атмосферный грузовичок, АКТТ-3/18, не молодой, но доказавший свою надежность транспорт. А когда у тебя есть крейсер, то и все более мелкие суда легко размещаются в его недрах. И ни перед кем не надо отчитываться, зависеть от работы общественных лифтов, очередей. Да, Лея не одобряла вход в атмосферу на личном транспорте, но оставались лазейки для добропорядочных граждан. Как же без лозеек-то?

Плиты местечкового космопорта сейчас заливало радостное утреннее солнышко, в отдалении щебетали пташки, воздух еще был свеж и пах утренней росой. Красотища и идиллия. Все хорошо. Команда уже готова к старту, все на местах, и вот-вот разрешат старт. Биль, в радостных предвкушениях скорой мести, находился тоже в благодушном расположении духа. Еще чуть-чуть, и старт.

Вот только этот легавый почему-то не спешит. Сколько его можно ждать?

– Кофе?

Подошедшая из-за спины Айва держала в руках чашку ароматного напитка. Сейчас они расположились на приоткрытом, но не выдвинутом до конца погрузочном трапе. В таком положении он походил на балкончик загородного дома. Если дома делали бы из металла. И оснащали выдвижными посадочными опорами.

– Такое утро – хороший знак, девочка. – Благодушно сообщил Биль. – Знаешь почему?

Не дождавшись немедленного ответа или встречного вопроса, Джо перевел взгляд с окрестности на Айви. Девушка сейчас была в своей тренировочной майке. Черная эластичная ткань на белоснежной упругой коже. На бедрах повязана такая же черная рубаша, в разгрузке остался один лишь метательный нож. Не стоит винить девушку в ношении оружия, в конце концов, чувствовать себя в безопасности и при этом оставаться безоружным дано не каждому. Вот он, Джо Биль, мог.

– И почему? – Айви поспешила задать этот ненужный вопрос. Нет ей не было интересно, что ответит начальник, но таковы были правила игры. Или снова придется выслушивать нудные проповеди, или он снова начнет палить по сторонам.

– Потому, девочка, что мир радуется началу правильного дела. Потому, что восстановление справедливости – это святой долг обиженного. Именно поэтому сейчас фортуна на нашей стороне, боги приглядывают за послушными агнцами своими.

– Это еще что за караван? – Неожиданно брезгливо сказал Джо, наблюдая, как на взлетную площадку въезжает вереница из трех машин. Первый – легкий флаер, и за ним два колесных грузовичка.

– Держи. – Джо протянул чашку с недопитым кофе девушке, и не дожидаясь, когда та ее возьмет просто отпустил. Он полагал, что его приказы должны выполняться немедленно,

и если он сказал «возьми», то девушка уже готова это сделать, или вообще уже сделала. А сам он щелкнул по панели, приводя трап в движение.

Чашка не разбилась чудом. Айви, успела. Она еще не забыла истерики по поводу предыдущей. «Надо увольняться отсюда» – в очередной раз мысленно воскликнула она. Нет, уволиться от Билия можно было только одним способом – смертью. А вот чьей, это уже вопрос третий.

– Наконец-то, мы тебя заждались! – Радостно раскинув руки, приветствовал Биль Александра, выходящего из первой машины. – Я даже и не думал, что тебя будут провожать друзья!

– Здравствуйте, – Хил смутился самую малость, но продолжил, – это не друзья. Это мои вещи.

– Первый раз вижу, чтобы зубную щетку и бритву везли в отдельных грузовиках, – улыбка в тридцать два зуба сияла на лице Джо. – Ну, что же. Забирай свое портмоне, и прошу на борт.

– Мне помогут погрузить вещи?

– Старт через три минут. Поспешите. – Сухо сообщил капитан и резко развернувшись, отправился на свое место. Нет, добро на взлет еще не дали. Воздушные трассы были заняты, но и спорить у Джо сейчас желания никакого не было. В конце концов, на борту есть легкое вооружение, и он сможет самостоятельно расчистить себе коридор, если и вправду придется стартовать через три минуты.

– Я бы поспешила. Он не шутит. – Айви, красивая, с обнаженными руками и рельефными мышцами продолжала держать недопитую чашку кофе.

– Но мне надо перенести тренажеры, одежду, провиант, в конце концов! Дайте мне человека и хотя бы двадцать минут времени!

– Осталось полторы минуты.

– Почему такая красивая женщина и такая злая? – В некотором испуге проныл Александр.

Когда включилась продувка двигателей, Айви поспешила войти с подготавливающимся к старту корабль.

Александр, право сказать, в тот момент запаниковал, и поэтому только схватился руками в сумку с колесиками, в надежде успеть погрузить хоть ее. Если было с кем спорить, он бы спорил. Но сейчас оставался только корабль и он. И погрузочный трап, который вот-вот мог начать подниматься. Так и случилось, не успел Хилл добраться до его середины, как металл под ногами завибрировал и пришел в движение.

– Ну, вот и начали. Большой путь начинается с одного шага. – Подбодрил себя сконфуженный бывший полицейский. Почему бывший? Потому, что он сейчас уже был агентом под прикрытием – секретным и работающим неофициально героем. Впрочем, так думал только сам Александр. Его начальник был все еще уверен, что Хилл числится в штате отдела. А то, что опаздывает на службу – так такое со всяким бывает. Может быть заболел или проспал. Надо дать ему по-

блажку. Все же, у него жена сбежала. Может быть попробовать ему оплачиваемый отпуск выбить?

...

– Это и есть тот лох?

– А то. Смотри, как бы он с Айви не спелся. Тоже культурист.

– Так он полностью оплатил этот перелет?

– Похоже всю жизнь копил. Перелет крейсера – удовольствие не из дешевых.

– Так что же? Он полностью оплатил этот перелет? И топливо, и накладные, и расходники, и нашу зарплату?

– Ну, допустим, зарплату – это ты загнул. Когда ты ее в последний раз видел?

Экипаж Армгала неспешно перекидывался мнениями, наблюдая, как незадачливый путешественник волочет за собой сумку на колесиках.

– Давай уже посмотрим, что он нам принес.

– Мне кажется это его ручная кладь, а не подарки.

– Все как обычно. Не вижу разницы.

Хилл словно не замечал вызванного интереса. Он продолжал покорно следовать за Айви, которая, впрочем, про него, кажется, забыла.

– А я думаю, что он с Плаксой подружится. У них есть что-то общее. Выражение лица, что ли.

– О! Точно, Плакса! Я же его в холодильнике запер! Репа, составишь компанию, думаю, пацан уже остыл.

Дружный хохот заставил Александра съежиться.

– Это обслуживающий персонал? – Поравнявшись с де-вушкой спросил Хилл.

Та вздрогнула, но ответила ровным голосом.

– Это абордажная группа. Хотя, кто-то из них, еще и ре-монтник, повар, анестезиолог... Пилоты с навигаторами сей-час либо в рубке, либо отсыпаются.

– Анестезиолог? Это хорошо, что на корабле есть меди-цинские работника. – Со знанием дела одобрил Александр. – В случае чего о нас позаботятся. Только я не пойму, зачем на крейсере абордажная группа.

– Если о тебе будет заботится наш анестезиолог, то это будет последнее приключение в твоей жизни. Его пациенты обычно не выживают. Но обычно успевают рассказать все, что нужно Билю. Молись, чтобы не познакомиться с Васи-ком.

– Как у вас тут все интересно устроено. Можете показать мне мою каюту?

– Да, вон видишь стойку с индивидуальными камерами. Выбери любую свободную. И обязательно установи код на вход. Только не ставь биометрическую защиту. Код, может и не подберут, а вот палец отрезать, чтобы пошариться в твоих пожитках могут.

– Но у меня ведь ничего нет! – Возмутился Хилл.

– Им то откуда это знать? Кстати, не советую выходить из нее на протяжении перелета. Думаю, тебе будет безопаснее

запереться изнутри.

– Постой! Но ведь это не каюта! Мне нужна каюта. Я в этом пенале не смогу поддерживать свою форму. Эти мышцы требуют ежедневных упражнений! – Хилл даже подмигнул, поигрывая бицепсами.

– Сочувствую.

– У вас ведь есть тренировочный зал. Это же крейсер. Здесь должны быть нормальные каюты, спортзалы, столовые. Я могу воспользоваться вашими тренажерами? Я же вижу, ты постоянно тренируешься! Очень красивое тело, кстати. Только я бы советовал побольше протеинов, и побольше пить жидкости. Или ты сейчас на сушке?

– Милашка ты. Нет, эти мышцы – это не результат тренировок. Они выработаны в боях, и работе. Впрочем, тренажеры у нас есть. Я тебе покажу при случае, – загадочно пообещала Айви. – А сейчас залезай в свою капсулу и устанавливай пароль. До ужина я о тебе слышать ничего не хочу.

– А? Да... А как же обед? – Александр уже семенил за размашисто шагающей девушкой. – Через час должно быть время обеда. И мне бы хотелось принять душ. И где я могу получить белье?

Наблюдающие за ними внезапно притихли. Айви встала на месте, и замерла на секунду в расслабленной, безмятежной позе.

– В пах!

– Да, нет, в шею.

– И в пах и в шею!

Шепотки за спиной Хилла заставили его забеспокоиться.

– Сделаю исключение, – медленно, тщательно проговаривая каждый слог, произнесла Айви, – и повторю второй раз. До ужина, я о тебе не хочу слышать ни единого слова. Ни о тебе, ни от тебя. Тот, кто напомнит мне о твоём существовании – останется без яиц. Все всем понятно?

– Да, госпожа! – Хором взорвался весь местный люд.

– Вот и хорошо.

Девушка чеканя шаг двинулась на выход.

– Повезло...

– Ну, что надо и нам поприветствовать гостя.

– Да, кому он сдался? Вам надо, вы и трепитесь с ним.

Снова шепотки за спиной.

– Так он лох?

– Да, лох, он, лох.

– А нас это... ну... не депремируют за него?

– Да, вроде не должны.

– Вы как хотите, а я пойду знакомиться!

Хил изо всех сил старался делать вид, что не слышит переругиваний за спиной. Центральный коридор крейсера был слишком широк, слишком обширен, и часто служил центральным холлом. Это конструктивная особенность Армгала была вызвана простым обстоятельством – вокруг этой кишки находились остальные помещения. И доки с легкими судами – скаутами и истребителями, и жилые помещения,

и технические отсеки. В голове крейсера находилась трехэтажная рубка управления, в хвосте – главный ангар. Сейчас там как раз располагались АКТТ-3/18 и «Черный скат». Им требовалось обслуживание и уход. Особенно «Черному скату», который несколько дней назад участвовал в памятном заезде.

– Малой, а что это ты не здороваешься?

Голос позади заставил Халла вздыбить загривок. Ну, вот. Каких-то семь метров не дошел до стеллажа с камерами ночного пребывания. Слева и справа от коридора виднелись по три ряда квадратных дверец с удобными ручками для вскарабкивайся. Три ряда и пять этажей. Александр видел, что нижний ряд был полностью свободен по информационным панелям возле дверок. Второй и третий полностью забит, а на четвертом, который располагался уже выше человеческого роста, оставалось три незанятых. Пятый этаж тоже пустовал.

– На крейсере пятнадцать человек экипажа? – Не поворачиваясь совершенно беззаботным голосом спросил Хилл.

– Девятнадцать, если считать Джо, Айви и Васику.

– А почему их можно не считать? – Удивился Александр.

– Хотя бы потому, что они не экипаж крейсера. Айви его телохранитель, а Васик больной на голову психопат.

– Значит, у них есть свои каюты? – Не отставал Хилл.

– Значит есть, а тебе то что?

– Я гость, а не наемный работник. Проводите меня в ка-

юту! Занято всего четыре! Должны оставаться и другие, для гостей.

– Правильно, есть еще пять кают, только они законсервированы.

– Понятно. – Пробурчал Александр, принаравливаясь к ручкам у стеллажа с камерами. Да, забраться на четвертый этаж будет не сложно. Но как «входить» вовнутрь? Вперед ногами или вперед головой?

– Слышь паре, тебя звать то как?

– Александр Хилл. С двумя «эль».

– Значит Хи-л-л. Забавно. А меня ты будешь называть Мга-Нга-Чен. Усек?

– Мга-Нга-Чен? – Александр наконец оторвался от изучения скопления камер, в котором ему предстояло жить некоторое время бок о бок с остальными. Это было очень непривычно, знать, что меньше чем в полуметре от тебя находится еще один мужик. Хорошо, если камеры не сообщаются. И вентиляция у них независимая. А еще бы хотелось, чтобы там была хотя бы какая-то звукоизоляция.

Его встречали семеро мужчин. Не сказать, чтобы злобных или жестоких – просто семеро неопрятных, толстеющих или лысеющих мужиков. Кому-то перевалило за сорок, кому-то еще не исполнилось и тридцати. Мятые, слегка осунувшиеся, давно небритые. Некоторые нехорошо лыбились, другие просто хмурились. Широкая улыбка была сейчас только у одного – у седьмого, того, который просил называть его Мга-

Нга-Ченом.

– И что значит это имя? – Насторожился Хилл.

Парни заржали.

– Имя как имя. Чего тебе мое имя не нравится? Но если ты меня будешь звать, как эти дегенераты Ченом, я на тебя сильно обижусь. Хочешь увидеть, как я обижаюсь?

– Посмотрим, Мганга.

– Ну, хоть так. Эти идиоты меня в китайцы записали. А какой я китаец, с таким пузом то? Выбрал уже койку?

– Да, вот эта ничего.

– Руки убери. Сверху меня никто спать не будет. – Резкий голос оборвал уже становящееся добродушным подсмеивание команды.

Из-за левого плеча Мга-Нга-Чена появился низеньки сухой мужичек лет сорока пяти. Лысая, или скорее выбритая его башка ловила зайчики от ламп освещения, а сухие жилистые мышцы выдавали суровый во всех смыслах нрав.

– Лезь в конуру, пудель. – Суровый собеседник пнул ногой одну из дверок нижнего яруса. – Это лучшее место для такого как ты. Ну, мне второй раз повторять?

– А это кем-то занято? – Указал Хилл на дверцу камеры на стеллаже по другую сторону коридора.

– Там Пика снизу. Пика ты будешь против? – Мга-Нга-Чен немного растеряно посоветовался с товарищем.

– Нет, пусть лезет. – Пика тоже не хотел лезть на конфликт. Но...

– Лезь в конуру пудель! – Раздалось от кучки местных.

Еще один голос вторил:

– Арат, ты стерпишь хамство? Арат, гони его в конуру!

Экипаж Армгала обступал Хилла по кругу, только Мга-Нга-Чен оставался в стороне:

– Мужики, да чего вы! Ну, нормальный же парень. Даже чем-то прикольный. Ну не надо. Но что вы...

– Ага, мы уже поняли, что тебе, Чен, такие парни нравятся. А чего это ты к нему так радостно знакомиться побежал.

– Ага, Чен нашел себе подружку.

– Ну че, пудель, зря ты хамил Арату.

Мужики очень медленно подступали к Хиллу, не оставляя путей к отступлению. А бывший полицейский не то, чтобы растерялся, он просто не понимал, что происходит.

– Я приношу свои извинения. – Слегка опешив, но твердо произнес Александр. Он, как представитель власти периодически участвовал в уличных потасовках, вернее, заканчивал их. И прекрасно знал, что лучшая стратегия поведения в них – это подчеркнуто вежливое отрицание, и непременно отстаивание своей позиции. Сейчас он – пассажир, ему нет необходимости заводить знакомства с обслуживающим персоналом, его единственная задача на данный момент – занять свое место, разобрать вещи и ждать объявления ужина. Ему советовали не покидать своей капсулы-ложемента, но это допустим, перебор. Надо будет разыскать тренажерный зал, надо будет переговорить с Билем, надо будет сде-

лать ряд заказов. Все же слишком много вещей осталось на Лее, без которых комфортная жизнь просто невозможна. Да, пусть сразу доставят груз на Марата, там он и заберет вещи: одежду, крема, комплексы витаминов, походные варианты самых необходимых тренажеров.

Хилл вручил свои чемодан одному из мужиков, и заявил:

– Помогите мне, пожалуйста, поднять вещи в капсулу. Да, вот в эту. Боюсь одному мне это будет сложно сделать.

– Брось этот хлам, Пика. – Резко усмехнулся назвавшийся Аратом. – Как думаете, пуделю не помешает новая стрижка? И большой белый бантик! Чен, принеси ка белую ленту, мы сейчас будем приветственный подарок делать.

– Откуда у меня белая лента? – Возмутился Мга-Нга-Чен.

– Да, слышал я, что у твоей братии разные побрякушки, ленточки и оборочки в чести.

– Я тоже хочу ленту! Только не белую, а красную! – Высокий, ломающийся голос заставил всех замереть.

Всем понадобилось не менее десяти секунд, чтобы переварить услышанное, и в воцарившейся тишине можно было расслышать шлепающие неуверенные шаги. Подросток, лет двенадцати, плелся по холлу, оступаясь на ровном месте, порой заплетаясь в собственных ногах, виляя, огибая невидимые препятствия, замирая не мгновения, и продолжая идти, словно плыть.

Белобрысый, щуплый, серокожий, с мешками под глазами, тонкими запястьями и длинными пальцами, обгрызен-

ными ногтями и мягкими плюшевыми тапками. Его грубо обрезанные штаны оканчивались под коленами, а растянутая футболка висела безразмерным балахоном, подчеркивая узость плеч.

– Плакса, ты чего сюда пришел? – Пика не скрывал брезгливости в голосе.

– Репа сказал, что у нас новенький, – мальчишка расцвел в улыбке. Кривые редкие зубы не придавали красоты образу. – Он сказал мне, что он мне понравится. Покажите мне его.

Секундное недоумение в глазах Арата сменилось холодной яростью:

– Вот он, стоит перед тобой.

Мальчишка протянул свою дрожащую руку для приветствия:

– Меня зовут Плакса... Кажется. Да, Плакса!

Перебарывая внезапное отвращение Александр протянул руку в ответ:

– Александр Хилл, к твоим услугам.

Сдавленный смешок ребенка заставил его поежиться.

– У тебя есть новые игрушки? Или конфеты? Я люблю конфеты! Особенно красные. Игрушки. Дай мне конфету, приятель! Как тебя зовут?

– Хилл, меня зовут Хилл. – Механически пробубнил Александр. – У меня нет игрушек. И конфет тоже нет. Извини.

– А Репа сказал, что ты прикольный. – Обиделся маль-

чишка.

Тогда экс-полицейский ошалело открыл свой чемодан. Он не знал, не помнил, что в него упаковал. Но тут были одни тряпки. Рубашки, штаны, футболки, даже фуражка с эмблемой Леи. Может быть подарить мальчишке эту фуражку? Но зачем? Что это за зомби ходячее? Зачем ЭТО на корабле? Чей-то сын? Но, почему он так... (говорить «плохо» не хотелось, вбитые в подсознание принципы терпимости и этикета заставляли даже в мыслях искать синонимы, не столь однозначные, обтекаемые формулировки) Почему он так странно выглядит? Так сумрачно?

– У меня есть сувенир с моей родной планеты, вот эта фуражка с нашим гербом. – Неуверенно и сконфуженно предложил Хилл, но увидя непонимание в глазах мальчишки добавил, – шапка с картинкой. Это с Лей. Очень красивая планета.

Плакса неуверенно взял подарок, покрутил, и видимо после титанических умственных усилий, решил водрузить ее на голову. Естественно, она оказалась велика. Козырек смотрел влево, а глаза не закрыло только потому, что фуражка повисла на ушах.

Хилл медленно, словно обращаясь со зверем, протянул руку к голове мальчишки, подтянуть ремешки, чтобы подогнать фуражку по размеру – дело одной секунды. Держа за козырек, повернул его так, чтобы он был направлен вперед. Но ему не понравилось дело рук его, головной убор все же

сидел слишком неряшливо, поэтому он легко сорвал его с головы и ошарашенно увидел, как в мутных голубых глазах Плаксы появляются слезы. Почему? Как так? С чего бы это? Но стоило водрузить шапку обратно на макушку так, на лице ребенка засияла светлейшая и блаженнейшая улыбка.

– Это мой друг! – Сообщил Плакса всем окружающим, указывая пальцем на Александра. Его узкие плечи расправились, спина выпрямилась, а нос задрался к потолку. – Правда классная шапка! Мне теперь не будут слепить лампочки!

«Мне теперь не будут слепить лампочки,» – да, он сказал именно так. Может быть это не его родной язык? Но почему тогда нет акцента?

– У меня был вчера день рождения! Мне исполнилось 16 лет! Знаешь какой торт был? Вот такенный! Ты хочешь тоже попробовать мой торт? Ари, остался еще кусочек?

Арат скрипнул зубами, развернулся и сплюнув на пол, чеканя каждый шаг направился в другой конец холла.

– Плакса, твой день рождения был месяц назад. И весь торт уже кончился. – Сказал кто-то из мужиков. – Наверное ты хочешь пойти к себе в каюту и немного поспать?

– Тортик! – Самозабвенно заявил Плакса. – Наверное у Васику есть еще кусочек. Пока-пока. Я зайду к Васику!

– Плакса, не ходи сегодня к Васику. – Мга-Нга-Чен прогудел в пол голоса.

– Тебя не касается, куда я пойду! – Истерично воскликнул мальчишка. – Васик мой друг!

После этих слов мальчишка рванул с места, и то и дело заваливаясь в сторону побежал к шлюзу тамбура. Нет, до него было всего метров десять, но даже бегом ему на это потребовалось больше двух десятков секунд.

– Ему шестнадцать? – Задал почему-то мучающий его вопрос Хилл.

– Да. – Мга-Нга-Чен ответил сухо, пряча глаза. Видимо на этом разговор было положено закончить. Больше никто не пытался задираться к Хиллу. Все занялись своими делами.

– Васик подобрал его где-то на Хамее. – Мга-Нга-Чен все же снизашел до рассказа. – Лет пять или шесть назад. С тех пор малец и летает с нами. И этот псих, постоянно накачивает мальчика какими-то препаратами. То ли наркота, то ли еще какая-то хрень. По началу все это было весело. Он был ручной зверушкой. Пел песенки, танцевал за конфетку. Ну, знаешь, как это бывает. Бойкий был мальчуган. Наверняка сбежал из дома, чтобы отправиться в фантастическое приключение. Что же... Теперь каждый его день – фантастическое приключение. Но нет худа без добра. Он теперь бухло хлещет с мужиками в две глотки. Когда последний из нас уже под столом валяется – он только косеть начинает. Иммуни-тет, епта.

– Ему шестнадцать? – Повторил Александр.

– Да. И не смотри на меня так. Я механик на Армгале. Не капитан, не лейтенант. Я просто механик. Что я могу? Пристрелить сопляка из жалости? Чтобы не мучался! Он игруш-

ка для Джко и Васи́ка. Пинать, гонять по мелочам, смеяться – можно. Ломать – нельзя. Все просто дружочек. Все просто. И не парься. Кстати, за команду можешь не бояться. Проверку ты, так сказать, прошел. Арат тебе еще попробует козни строить, но остальные нет. Если сам на Айви не нарвешься. Держался бы ты от нее и Васи́ка подальше. Целее будешь – во всех смыслах. Ладно, бывай. Я на пост пошел. Пойду какие-нибудь гайки покручу, чтобы не выгнали за ненужностью. Знаешь, как у нас выгоняют из команды? Если на планете – то это хорошо. Но ради тебя швартоваться никто не будет – открытый космос – значит в открытый космос.

– 9 –

– Анатолий?

– Да.

– Анатолий Окский? – Грузный мужчина семенил рядом с капитаном и Дашей, заискивающе заглядывая в его глаза. Получалось это не очень убедительно, ведь лицо мужчины все еще скрывалось щитком комбинезона для внеатмосферных работ. Скафандр позволял затемнить забрало, но сейчас Анатолий предпочитал оставить его прозрачным.

– Анатолий Окский, Капитан МУФА-7, Ладоги. Курьерского судна межгалактического сообщения. – Отрапортовал наконец капитан.

– А эта прелестная девушка – Дарья Хил? Вы то мне и нежны. Могу я осведомиться, – толстячек замешкался, – о судьбе груза?

– Какого еще груза? Я шел порожняком!

– Коробочка с Леи. Вот такого размера. Мне сообщили, что она должна прибыть с Вами. Что же... смею заметить, что Вы не спешили.

– Возникли некоторые сложности. Во время пути. Посылка на судне.

– Замечательно! Скорее, скорее пойдёмте! Я заберу посылку!

– Не так все просто. Сейчас Ладога направляется обратно к Лее. – Анатолий раздосадовано развел руками.

– Как это? – Подозрительно сузил глаза толстяк. – Так мы не договаривались. Вы хоть представляете, какова будет неустойка. Вы подвергаете опасности исследования галактического значения!

– С кем я вообще дело имею? – Наконец возмутился мужчина. – С меня уже хватит этих загадок! Назовите себя, хотя бы ради приличия!

– Дуглас Морр. – Раскланялся толстячек на ходу. – Но я привык откликаться на имя Тук. Дуглас – Дугги – Дуг – Тук. Только не надо меня звать по фамилии. Мне не нравится, как она звучит. Морр. Не пристало глашатаю истины именоваться именем смерти. Да, я послушник сабора истины. Если у нас будет время, я с удовольствием обсужу постулаты нашей веры, но сейчас я прошу передать мне посылку. Пятый будет расстроен... Ой. Я этого не говорил. Я хотел сказать, что ОН будет рассержен задержкой.

– Да, отвяжитесь уже от нас! Нет у меня этой посылки! Нет! Мой корабль угнали! Понимаешь ты, что меня обокрали! Я сейчас застрял здесь, и все, что у меня осталось – это то, что сейчас на мне! Думаешь, мне есть дело до твоих игр? Иди попей воды из фонтана! Или лучше покажи, в какую сторону идти к администрации станции! Мне нужна гуманитарная помощь... Или как это называется? Убежище, я не знаю. Как мне попасть на Землю? Ладно, Бог с ней с Землей. Что мне вообще делать?

Даша только сильнее съежилась. Ей стоило больших усилий заставить этого мужчину хоть что-то делать, вывести его из отчаяния. И сейчас ее усилия летели насмарку. А вот действительно, что в таких случаях надо делать? Обращаться за страховкой? Но Анатолий дал ясно понять, что не станет заявлять на Леонида. А если не будет зафиксирован угон транспортного судна, то и страховки никто не выплатит. В ее голове сейчас крутились отрывки из старых фантастических фильмов, в которых герои попадали в разные щекотливые ситуации, но как назло, ни в одном из пришедших на ум эпизодов, капитан судна не оказывался на космической станции без средств на существование, без корабля и команды.

– Во вселенной ничто не происходит случайно! – Возрадовался Тук. Тот который Дуглас Морр. – Только передайте мне посылку от Пя.. От НЕГО!

– Может быть хватит дурить? Черная коробочка находится на Ладоге. Ладога угнана и мчится к Лее. Я здесь. Еще

вопросы? – Голос Анатолия охрип, и сейчас казался чужим, не знакомым.

– Как я могу получить посылку? – Не сдавался Тук.

– Даша, я же говорил, что у меня горячка! В реальности не бывает таких сюрреалистичных идиотов! – Снова вспылил Окский, обращаясь к ксено-психотерапевту.

– Ты в полном порядке. Твое восприятие остро как никогда. – Монотонно повторила Дарья. – Мы действительно имеем дело с экстравагантной личностью. Про какую посылку он говорит?

– Бомба. – Сообщил, наконец, Анатолий. – Мне ее вручили тогда на лее. Помнишь, как мы уходили. Пятый «спасая» нас, вручил мне небольшое задание. Я всего-то должен был заложить мину в трюмы Марата по прилету.

Абсолютно безжизненный тон мужчины продолжал пугать девушку сильнее, чем угроза голодной смерти на чуждой космической махине.

– Не называйте это имя. – Попросил смирившийся Тук. – И Вы все неправильно поняли. Вам не надо было «закладывать» посылку. Это всего лишь... Кхм... Нет, это секретная информация. Пусть будет «черный ящик». Вы перевозили самописец, который регистрировал... некоторые параметры. Вам надо было выгрузить его в любое место, хотя бы потому, что я могу с легкостью регистрировать местоположение маяка.

– Так, регистрируйте. Чего ты ко мне пристал? – Серо и

безжизненно осведомился Анатолий.

– Не могу. Батарейка села.

– Так замени ее! – Внезапно резко бросил Анатолий.

– В маяке села. В коробочке, в посылке. Мы не рассчитывали на столь долгий перелет.

– Ну, так полет продолжается. Коробочка лежит на столе в моей каюте.

– Хорошо! Хорошо, – затараторили толстячек, – тогда мы немедленно отправляемся за ним. Погоня! Ох, как это романтично! Сможем мы перехватить корабль?

– В неопределенности? – поперхнулся удивлением Окский.

– Ну, почему же в неопределенности? По его прибытии.

– Почему бы просто не сообщить Пятому, чтобы он сам встретил посылку на Лее? Мне показалось, что у него достаточно власти...

– Не пойдет! – Картинно испугался Тук, – получатель этого сокровища – я. Он меня просто убьет. Не сам лично, но у него есть способы. Я не стану с НИМ связываться. Мы просто сейчас арендуем катер, слетаем на Лею, заберем посылку, и вернемся обратно. Задержку я как ни будь объясню. Но вот потерю единственного маяка, который смог преодолеть неопределенность – вряд ли.

– Так, лети сам. – Резонно заметил Анатолий, игнорируя подергивание за руку Дарьей.

– Так не пойдет. Видите ли. Я не владелец Вашего судна.

Я просто не смогу проникнуть на его борт. Силовое решение мне тоже не доступно. Я действую в одиночку. Так сказать. И неофициально. А вернуть... Хотя бы даже выкупить Ваш корабль мы можем попытаться.

– Ничего выкупать не придется. Его угнал мой пилот. Уверен, он не будет против, если я попрошу забрать вещи.

Тук сбился с шага, и немного отстал.

– Анатолий! Толь! Мы же можем вернуться на Лею! Там у нас будут возможности. Это же дом! – Заскулила Даша, воспользовавшись моментом, на который Тук отстал на пару шагов.

– Насколько я помню, мы объявлены преступниками, чуть ли не террористами, на Лее. – Не скрываясь без эмоционально пророкотал Анатолий. – Стоит нам появиться на подвластной территории, как нас тут же в лучшем случае арестуют. А в худшем... Что ты там рассказывала про фермы?

Дарья закусила губу. Не из-за напоминания о природе их бегства, не из-за басни про фермы, а из-за того, что мужчина говорил слишком громко, и Тук явно его слышал. Как же растормозить капитана? Как вывести его из шока?

– Все будет хорошо! Мы тихо и аккуратно заберем коробку и вернемся на Марата! – Заискивающе предложил Тук.

Когда впереди замаячила девушка в униформе борт-проводника в конце коридора никто не придал этому значения. Она бежала с ошалелыми глазами, и Окский с Дарьей попытались, было, уступить ей дорогу, но она остановилась перед

облаченными в скафандры людьми.

– Анатолий Окский! Это вы? – Выпалила она, переводя дыхание.

– Я не хочу вступать в секту истины. Ни в секту истины, ни в какую любую другую секту. Спасибо, кончено за предложение, но я пас! – Сквозь зубы процедил капитан.

– Ой, не обращайтесь внимание! Он немного контужен! Неудачная посадка! – Вступилась Дарья.

– Но я, по другому вопросу! – Не отпуская руки Анатолия проямлила девица. – Понимаете...

– Он первый начал. – Перебил ее Окский. – Я подаю встречное обвинение о нанесение оскорбления, и...

– Кто первый? Вы уже? Значит будет проще, значит, вы понимаете о ком идет речь? Я не знаю, чего от Вас хочет этот Джо Биль, но руководством станции было принято решение... Удовлетворить его просьбу.

Поскольку всеобщее молчание затянулось, девушка решила продолжить:

– Вы в праве подать жалобу на администрацию. И конечно же вправе рассчитывать на компенсацию ущерба, однако в связи со сложившейся ситуацией... Нет, нет! Прошу не прибегайте к агрессии! Пути уже перекрыты нашими силами. Вам не уйти!

– Да объясните уже, что происходит! – В голосе Анатолия появились живые нотки – и эти нотки были очень похожи на аккорды гнева. – С меня уже хватит этого марафона иди-

отизма! Объясните мне по порядку, какую жалобу я должен подать, против кого применить агрессию, а с кем отправиться в свадебное путешествие.

– В путешествие – со мной! – Мрачно уточнил толстяк Тук. – Только не в свадебное.

– Раз. – Подытожил Анатолий.

– Агрессию вообще не надо проявлять! – Взвизгнула Дарья.

– Два.

– А жалобу на администрацию станции. – Совершенно растерянно сообщила девица в форме стюарда.

– Три.

Анатолий впервые на станции откинул плафон скафандра, и собрав пальцы правой руки в щепоть приложил их к переносице:

– Так намного понятнее. Спасибо. Могу я поговорить с врачом? На Марате есть психотерапевты? А то мой не справляется.

– Он что, молится? – Шепотом спросил Тук у Даши.

– Не знаю. Мне кажется, он сейчас нас всех перебьет. Он на грани срыва. – Ответила она.

– И он правда может это? – Не сдавался Тук.

– Может попытаться. Действительно очень сложный день выдался. И любой суд его оправдает. Я бы оправдала.

Но девица из персонала Марата обратилась к Анатолию с улыбкой:

– На станции Марата сейчас практикуют два хирурга, один физиотерапевт и два специалиста общего профиля. Кажется, среди них есть один психолог, но психиатров у нас нет.

– Жаль. – Пожав плечами спокойно заявил Анатолий, достал бластер – свой капитанский, почти сувенирный бластер и поймал в прицел появившегося из-за угла силовика. Боец быстрого реагирования облачался в стандартный бронежилет. В руках он имел какое-то стрелковое оружие.

Когда Окский начал палить из своей «игрушки», обе девушки повисли у него на руке.

– Твою же мать! Я чуть было не пальнул в ответ! – Радостно заявил силовик, и дополнил. – Это и есть тот Окский? Здорово приятель. Ну, и чего ты не хочешь нам помочь? Кстати, лучше выбрось этот хлам, а то будет глупо оказаться подстреленным из-за игрушечного пистолета. Им только яйца варить, да и то на это минуты четыре потребуется! Ладно, не переживай, я не в обиде. Все понимаю, кому бы понравилось... Но ты больше не бузи. И все же, тебе придется явиться к Билю на поклон. Понимаешь, же. Мы не смогли от него отбиться. Он ведь уже третий день оборону в кафетерии держит. В общем, вовремя ты прилетел. И спасибо. Мы уже думали. Кислород из отсека выкачивать. Но так ведь у них скафандры с собой. Ты мне только скажи, чем таким ты ему насолил, что он все три дня подряд кричит, чтобы мы тебя выдали.

– Много слов. – Выдохнул Анатолий.

– Что? – Не понял боец.

– Слишком много слов. Хватит тараторить. – Окский походил сейчас на очень, очень уставшего человека. Сколько он говорил ему лет? Тридцать-сорок? Сейчас он выглядел на пятьдесят. – Я понятия не имею, кто такой Биль. Что ему от меня надо. Ему-то что от меня надо?

– Не знаю. Он требует тебя и твоего пилота. Леонида Чекалова. Больше ничего внятного не говорит. Он уже убил четверых наших. Понимаешь? Он с катушек похоже слетел. Захватил парня, привязал его к стулу, и пытается его часами. А бедняга, ну, которого он к стулу привязал, только и кричит, мол, «Я не Чекалов – Я не Чекалов!». Когда первый кончился, он за вторым пошел. Сейчас, кажется, успокоился. А мы не можем его выбить! У него в заложниках процентов десять нашего персонала. В основном девушки. Девушек, он, кстати, не обижает. Ну, почти. Я понимаю, ты вправе злиться. Мы тебя отдаем на растерзание, получается. Но ты герой! Мужик! Мы все тебе обязаны! Понимаешь? Хочешь выпить? Вот, хороший коньяк! Выпей. Так оно проще будет.

– Кхм. Правильно ли я понял, молодой человек. – Вкравчиво начал Тук. – Вы предлагаете обменять заложников на одну смерть? Вы хотите убить этого замечательного капитана? А у вас ничего не треснет? – Распаляясь все сильнее уже кричал Тук. – А как же «все блага цивилизации не стоит одной детской слезинки»? Кто принимал решение угандошить

мое друга? Ты? Вас захватили какие-то бандиты, вы даже не в силах дать отпор шайки проходимцев. И ты хочешь, чтобы Тоха все разрулил за вас? А вот это видел? Жизнь человека бесценна! Слышал такое. Толь, пошли!

Тук резко развернулся на каблуках, схватил Анатолия за плечо и потянул его в противоположном направлении. Правда, при этом, мимоходом забирая из рук остолбеневшего воюки флягу, предположительно с коньяком. В фляге что-то призывно булькнуло.

Дарья же вцепилась во второй локоть капитана и тихонько скулила.

– Заебали. – Спокойно произнес Анатолий, вырывая локти из тисков Тука и Дарьи.

– Вот и отлично! Это правильно. Опасности надо глядеть в лицо! – Радостно провозгласил боец.

Но тут же был грубо прерван. Удар с правой под дых, усиленный скафандром, заставил тело бойца взмыть в воздух. В этот раз, памятная матерная птица изволила вспорхнуть к потолку молча, за что ей отдельное спасибо. Когда боец рухнул на пол он был уже без сознания. Анатолий только поднял оружие, перешагивая через тело павшего. На визги девушек он уже не обращал внимание. На наставленные на него дула он внимания тоже не обращал. Его вели. Его бы попытались оглушить, захватить обездвигить, но Окский вовремя прорычал единственно верную фразу, которая и спасла его от силовых решений со стороны охраны:

– Где кафетерий с этим клоуном?

У него даже не стали забирать оружие. Ему больше ничего не сказали, а конвой превратился в почетное шествие. Его лишь изредка подбадривали уверяли в глубочайшем уважении, называли братом, если не по крови, то по оружию. Они клялись, что вытащат его, как только заложники окажутся в безопасности. Как только...

...

Он стоял на разрушенной городской стене и смотрел на пепелище города. Интересная игра?

Очень интересная. Его Багдад окружал смешанный лес, березки, сосенки. Идиллическая картина. Да, на какое-то мгновение удалось провести орды захватчиков, и орава геймеров не ворвалась в данж, а с изумлением вошла в иноземный оазис, полный диковинок, верблюдов и лавок. Но сложнее всего было изобразить ковер самолет. Вон, они, остовы конструкции, на которой были натянуты тросы. По этим тросам двигалась платформа, обитая тряпками с нижней стороны.

Но все же Леонид больше гордился своим отрядом средне-русских ниндзя.

Что же пошло не так? Сюрреалистический базар явно пришелся по вкусу скучающим игрокам. Неужели город стал жертвой межклановой войны? Или маги, лучники, роги раскусили обман, и спалили дома в отместку? Осталось только гадать.

Ни души. Ни игроков, ни компьютерных болванчиков вокруг не осталось. Только стая волков рыскала по пустым улицам. Все еще витал запах отсыревшей гари. Все еще местами желтел натасканный песок. Да, имитация пустыни далась с трудом. Этот песок пришлось таскать тоннами от ближайшей речки. И все это за одну ночь. Титанические усилия. Нет, чудо даже в придуманном мире невозможно. Только иллюзия, а иллюзия эфемерна. А как хотелось немного чуда.

Но чуда не случилось. Симу не спасти. Анатолию не объяснить. Даже Даша, девчонка с Леи не сможет понять к чему был этот его отчаянный поступок. Чарлот Леренард, что же ты наделал? Нет, Леонид не винил мальчишку ни в чем. Пусть он хоть ребенок, хоть программа. Нет, ничего не имеет смысла. Действительно, все полетело в тартарары еще задолго до их знакомства. Задолго до смерти Симы. Задолго до глупой идеи заполучить нейро-колонию миниатюрных медицинских ботов в свое пользование, чтобы спасти обреченную женщину. Задолго до того, как они стали больше, чем коллегами, чуть больше, чем друзьями. И задолго до Ладоги. Да, сейчас он отдавал отчет, что Ладога для него не была причиной. Наоборот – спасением. Мимолетным шансом что-то исправить в своей жизни. Обрести смысл.

Слишком аморфным оказался этот смысл, слишком зыбким было ощущение единства с командой. И как только он мог поверить, что ему будет достаточно роли пилота курьерского судна? И все же, в этом его приключении что-то было.

В последнем приключении?

Нет не последнем. Осталось еще одно. Последнее приключение. Самое безумное приключение еще впереди. Штурмовать планету в одиночку. Да, это в его духе – отличное завершение истории Леонида Чекалова. Достаточно амбициозного, чтобы взять легендарную фамилию, и достаточно глупого, чтобы ошибиться в ее написании. Даже интересно, в какой момент закончится его линия повествования... Удастся ли ему миновать орбитальную Лею, собьют ли его в атмосфере или уже после приземления цепные псы Леи разорвут его на части. Может быть ему удастся добраться до координат где точка входа Лисенка в сеть? Что дальше? Он проникнет в охраняемое здание НИИ, отыщет в многочисленных коридорах и залах нужный? Сможет найти «банку» в которой заточено тело товарища. Но что дальше? Как вынести из здания весь комплекс оборудования обеспечения жизнедеятельности. Вряд ли это один агрегат. Комплекс приборов, контроллеров, шины проводов и шлангов? Все может быть. Все быть может. И вот он увидит настоящего Чарлота, вот он коснется стекла за которым в растворе плавает недоразвитая детская тушка. И что дальше? Даже если это будет отдельный модуль, автономная капсула, и ее удастся вывести с территории НИИ. Что дальше? Он погрузит ее... Его... Погрузит на Ладугу. И отправится в бега. За ним ведь будут охотиться. Или нет? Даже если нет. То, что дальше? Создать кибернетическое тело, интерфейс присутствия. Да, такое есть

– это реально. Но что дальше? Мирная жизнь? Станет ли он, Леонид, пилот, саботер и повеса, воспитывать Лиса, как собственного сына или младшего брата?

Нет, только не он. Не Леонид. Как только он поймет, что Чарлот оказался в относительной безопасности – тут же затоскует и его снова потянет на безумства.

Пилот закусил губу. Ему стало тошно и противно от осознания самого себя. Только сейчас он до конца понял и принял себя и свою судьбу. Вечный паломник, скиталец без цели. Вечный поиск цели. Разрушение всего и вся только ради одного – найти цель, следующую цель, смысл пытаться жить.

– Я уничтожу весь этот мир! – Раскатисто воскликнул он в пустой, мертвый, утопающий в тлене город. – Я скиталец этого мира! Ибо... Ибо нет мне прощения! Я бич, скверна! Я чума!

Он гордо скинул голову, слезы сыпались из его глаз. Но он не чувствовал ни грусти, ни обиды. Он рыдал от ярости.

Вернуться к Анатолию, просить прощения? Он простит. Леонид ни на секунду не сомневался, что Анатолий его простит и даже не упрекнет. Он сам не понимал, откуда в нем такая уверенность. Но он не мог. Не хотел. Ничего не хотел.

– Мама, прости. – Слова он выталкивал из горла, преодолевая боль. – Я не хотел. Я был плохим сыном.

Он вспомнил лицо своего отца, лицо своей девушки, друзей, знакомых. Но ни одно из воспоминаний не откликнулось в его душе ни единым чувством. Он сделал усилие, но

так и не смог вспомнить их имен. «Да что же это такое? Почему я не могу вспомнить имени своей матери?»

Он понимал, что надо выспаться. Он боялся ложиться спать. Перелет занял всего два дня. Два дня в неопределенности без связи, без новостей. В этот раз неопределенность отпустила его всего через двое суток, но на это время отобрала любые возможности общения с миром. И за эти два дня он не сомкнул глаз ни разу. Нейро-колония исправно генерировала стимуляторы и гормоны. Это позволяло избегать забытья, не проваливаться в сон, избавиться от усталости и от путающихся мыслей. Но это не избавляло душу от метаний. Что-же... просто Леонид еще не подобрал нужных веществ. Надо продолжать подстегивать мозг. Ведь всем известно, мозг человека работает только на три процента. Если сон?

Если сон, то разогнанное сознание снова забуксует, снова даст осечку, и его снова придется заводить вручную. Лучше не спать. Лучше поддерживать обороты. Все же ему предстоит большое дело. Очень большое.

Сначала Леонид вынырнул из тягостных размышлений. Потом из игры.

Он увидел вокруг себя рубку Ладоги, и это его не устроило. Он приложил еще немного усилий, и выпал еще в один слой реальности. Теперь он ощущал космос вокруг себя. Он был Ладогой. Теперь он МУФА-7. Он играючи направил судно... себя в сторону Леи. Садиться на дозаправку? Парко-

ваться на Перу. Зачем? Можно ворваться в атмосферу планеты самому, минуя глупые переходы и преграды. Но осталось еще одно маленькое дело. Дело чести.

Танатос.

Не важно будет ли заезд. Не важно, будет ли приз. Он должен был повторить свой легендарный заезд. Легендарный ли? Да, для Леонида он был легендарным. Знаковым. С него все началось. Им же и закончится. Маленькая блаж. Но он, Чекалов, имеет на это право.

– Окский, – пробормотал Леонид-Ладога, – прости, что я у тебя украл твою удачу.

При мысли о «Толике Удачи» у Пилота что-то засвербело под животом. Нет, не под животом, под трюмом. Там и была спасательная капсула, переделанная в гоночный болид и с легкой руки их с Симой поименованной «Толикой удачи». Разве может часть судна иметь имя собственное?

«Толика удачи». Удача Толика. Удача Анатолия. Может ли удача быть хорошей или плохой? Гудлак. Бедлак. Вурдалак, епта.

От Перу пошел запрос. Леонид его принял. Он принял его не как человек, а как машина, как корабль. И ответил. На что оператор связи потребовал ответа от оператора. Как же смешно. От оператора. Он сейчас и есть оператор. Или нет? Он Ладога. Он Леонид. МУФА-7. Кто сейчас ощущает прицел лазерной наводки? Леонид? Нет, он не может. У него просто нет органов чувств для этого. Ладога? Да, она может,

у нее есть датчики, поля, пеленгаторы. МУФА-7 может. Но он сейчас ощущал корабль своим телом, а кожаный мешок на ложементе – всего лишь придатком.

Но оторвать сознание от Ладоги сейчас ему хотелось меньше всего. Это значило бы ограничить обзор, спектр ощущаемых чувств. И в то же время он знал, что стоит ему промешкать еще десять минут, и с Перу откроют превентивный огонь. Ладога сможет от него уйти. Но как только он начнет маневры – превентивный огонь превратится в огонь на поражение. Разницы в эффективности мало – зато какая разница в идеологии.

...

Каждой истории приходит конец. Иногда он логичный и закономерный. Иногда нелепый или нечаянный. Иногда истории надо очень много времени чтобы нарастить обороты, чтобы развить скорость. Иногда развязка длится мучительно долго. Слишком много людей в этот самый момент считали свою историю законченной. Слишком.

Дарья. А что Дарья? Она нашла в себе храбрость сбежать с планеты от опостылевшего мужа. Сейчас он был у нее перед глазами. Пусть пьяный и безвольный, но был. Он ее настиг. Как он только умудрился ввязаться во все это? Но своим глазам сложно не поверить.

– Ну, что, Даша? Думала я не спасу тебя? – Александр Хил старательно проговаривая слова боролся с алкогольным отравлением. – Думала я не смогу? Думала мне не хватит

сил чтобы догнать твоих похитителей? Но ничего, теперь все хорошо. Теперь я о тебе позабочусь, можешь не сомневаться, можешь больше не бояться. Теперь все будет хорошо.

На это Дарья ничего не ответила. Она опустила глаза, закусила нижнюю губу и сильнее вцепилась в руку своего капитана. В руку Анатолия.

Анатолий. А что Анатолий. Он уже решил, что остался без всего, он уже понял, что на этом его карьера, и возможно жизнь закончена. И даже вмешательство космических террористов мало что меняло. Капитан без корабля. Капитан без команды. Окский слишком остро ощущал себя бывшем. Он оказался бывшем. Изначально бывший блогер, бывший журналист. Теперь бывший капитан. Скоро он станет бывшим живым.

– Где эта гнида? – Орал Джо Биль, размахивая бластером во все стороны. – Он думает, что можно просто взять и опустить Джо Биля? «Черный скат» никогда не проигрывал! Кого он купил? Что, ему слишком страшно выйти ко мне лицом к лицу? Он послал шестерку? Передай ему, что он не сможет от меня спрятаться. Пусть выходит! Пусть покажет свою трусливую задницу!

Тук. Смешной толстячек. Его история заканчивалась слишком нелепо. Всего лишь посылочка Пятого не дошла до назначения. Но у Тука было сейчас единственно утешение. Фляга была действительно полна коньяка.

– Биль, дядя Биль, – нетерпеливо пищал Плакса, – ты ка-

питан! Ты знал, что ты капитан? Але-ексан-др сказал, что ты капитан. Понимаешь, всамделеяшный капитан!

Айви. Девочка – боевой монстр – Айви. Вот он тот момент, когда надо уйти от Биля. Она решала свою дилемму. Захват Марата прошел для нее на втором плане. За периферией внимания. Она решилась. С этого момента она больше не будет пресмыкаться перед безумным лидером.

– Мальчики, как же так все получилось? – Могла бы сказать Сима. Но не могла.

Леонид. Чекалов вдавил зажигание. Пустой Танатос – пустая трасса. Но в приборах осталась точная карта маршрута гонок. Он должен сейчас повторить свой заезд чтобы показать настоящее время. Идеальное время. Усиленный нейро-колонией разум не мог совершать ошибок, «Толика удачи» хоть и сильно потрепанная, все же оставалась на ходу, а соперники так и не вышли на старт. Ведь этот заезд существовал Только для Леонида, только в его сознании.

– Дурак, ты мне ничего не должен! – Кричал бы Кошиков, – не недо мне ничего доказываться! Ты мой лучшие, нет, ты мой единственный настоящий друг, так почему же ты не можешь от меня принять такую малость? Толь, ну, почему? Ты же всегда был самым классным, самым крутым? Почему тебе стало так невоготу прост жить? Что ты еще от меня хочешь? Что!!! Скажи, что? Просто... Просто не умирай, пожалуйста. Мы же с детства дружим. С детства. Ты мне нужен. Пусть не рядом, пусть не сейчас. Но ты мне нужен, болтаю-

щийся на краю вселенной, или берущий интервью. Нищий или мега-знаменитый. Ты тогда заливал себя вином, потом эта бесконечная депрессия. А теперь то что? Не смей!

Чарлот. Лис. Программа или инвалид? Эксперимент или пациент? Как раз он уже долгие годы жил с мыслью что его история закончена. Но она так и не кончалась. Тянулась безумно долго и бессмысленно. Он не мог жить, ему не давали умереть. А сейчас его еще и отключили от сети. Локальный мир. Встречи только с Карлом. Пусть, сам Карл – это аватар десятка специалистов. Но в мире Чарлота больше никого не осталось. Пустые просторы цифрового пространства.

Только Пятый знал, что его история на заканчивается. История Пятого продолжается всегда. Упрямо, уверенно, необратима. На пути Пятого часто вставали препятствия, но все трудности разбивались о его настойчивость, как морские волны от скалистый берег. Только морская вода со временем стачивает камни. А Пятый с каждой сложностью становился только сильнее. Неудача Тука его не волновала. Просто не надо класть все яйца в одну корзину. Не сработал один проект – всегда есть десятки других. Его не волновал психоз Билля – новых агентов можно всегда нанять пачками. Его не волновала неудача Окского – в его истории Анатолий был всего лишь героем второго плана, а то и безликим актером массовки.

– Конец, –

Здравствуй. Да, это действительно конец этой истории.

Меня зовут Егор, Егор Балашов – я написал этот «шедевр», и положил я на это дело примерно год. Конечно же я работал и жил. Мог бы я закончить историю быстрее – конечно же мог. Допустим, не за год, а за полгода. Это я смеюсь. Но скажу так, если я бы знал, что мое творчество важно людям – то сочинять истории было бы гораздо интереснее. А если бы я мог бросить свою любимую работу и посвятить всего себя писательству – то и продуктивность моя была бы выше. Ок, не уверен, что этот так, но все же. Все же если тебе понравилась история и хочется увидеть продолжение, ты мог бы сделать две невероятно важные вещи. Во-первых – рассказать о книге своим друзьям. Во-вторых, оставить отзыв, чтобы я знал, что мое творчество кому-то интересно. Спасибо.

Спасибо тебе большое, что дочитал эту книгу до конца. В благодарность за это я могу сделать одну единственную вещь – написать следующую историю немного лучше. Спасибо и до встречи, очень надеюсь, что нам еще придется встретиться (я имею в виду, как читателю и автору посредством текста книги).

Балашов Егор, 2020 Дзержинск.

Аудиоверсия книги: https://drive.google.com/drive/folders/1o1drqmEDM_WRt4_etbk-mc3X0АНЕхAhl?usp=sharing